

АИНДРА

Революция
Хари-Нама-Санкиртаны

ЧАСТЬ 1

АИНДРА
Революция Хари-Нама-Санкиртаны

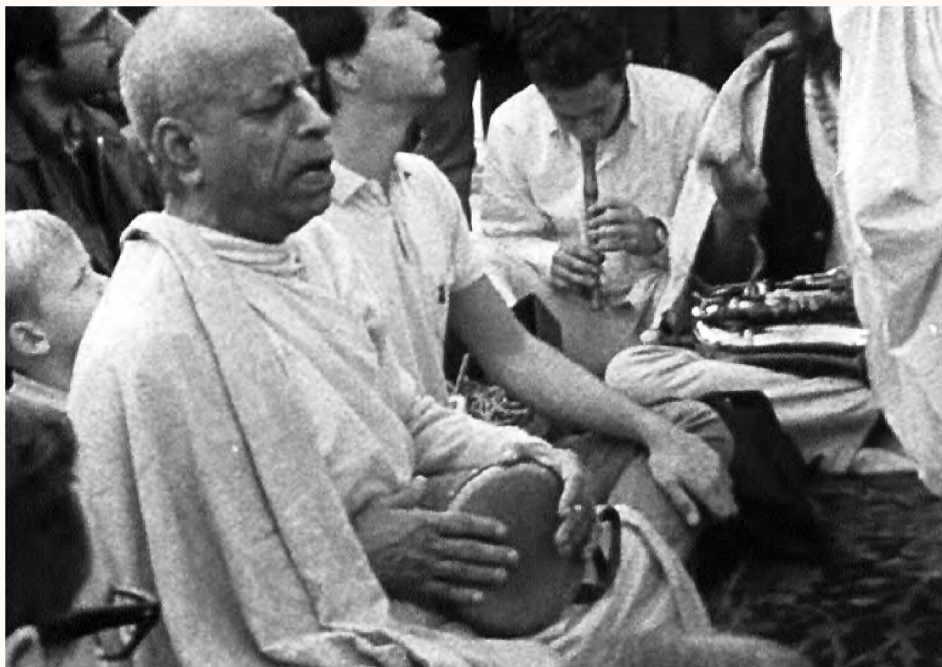
ЧАСТЬ 1

АМЕРИКА. У ИСТОКОВ

Вриндаван
Голос Враджи
2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шрила Прабхупада начал громкое пение Харе Кришна маха-мантры в Томпкинс Сквер в 1966 году. Вслед за этим всего за несколько следующих лет восторженная шри-кришна-санкиртана распространилась по всему миру. В своих книгах он писал:

«Участники Движения сознания Кришны проводят санкиртана-ягью в самых разных уголках земли, и мы видим, что где бы мы ни проводили санкиртана-ягью, на нее собираются многие тысячи людей. Все они, даже не подозревая об этом, получают огромное благо, и наш долг – продолжать нести эту благую удачу людям во всех уголках мира. Преданные из Движения сознания Кришны должны проводить одну санкиртана-ягью за другой, чтобы каждый человек шутил или всерьез повторял Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна

Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Очищая сердца людей, эти звуки несут им великое благо. (...) Если звуки мантры Харе Кришна затопят весь мир, все люди станут очень счастливы» (комм. к Ш.Б., 4.24.10).

«Шри Панча-таттва танцевала снова и снова, и нектарная любовь к Богу становилась все более доступной для людей. Члены Панча-таттвы танцевали, громко восклицали, смеялись и пели, словно безумные; именно так они раздавали любовь к Богу.

Комментарий

Люди обычно не понимают истинного значения пения и танцев. Описывая шестерых Госвами Вриндавана, Шриниваса Ачарья говорит: кришнот-киртана-гана-нартана-парау – пению и танцам предавались не только Господь Чайтанья Махапрабху и Его спутники; шестеро Госвами в следующем поколении тоже следовали их примеру. В наше время участники Движения сознания Кришны придерживаются того же принципа, и благодаря пению и танцам это Движение снискало популярность во всем мире. Однако не следует забывать, что эти пение и танцы не принадлежат к материальному миру. Это духовная деятельность, и потому чем больше человек занимается ею, тем явственнее он ощущает нектар божественной любви к Богу» (Ч.Ч., Ади 7.22).

Так началась всемирная революция хари-нама-санкиртаны. Целое поколение замечательных, легендарных вайшнавов и вайшнави, таких как Вишнуджана Свами, Ямуна деви и многих-многих других, день за днем пели многочасовые киртаны и распространяли книги на улицах всех крупных городов мира. Эта громогласная санкиртана озарила золотым сиянием милости Чайтанья Махапрабху погрязшую во тьме Кали-юги цивилизацию. Сердца преданных были переполнены надеждой и воодушевлением. Когда после ухода Шрилы Прабхупады эта трансцендентная вибрация стала затихать, Аиндра прабху, повинаясь велению сердца, решил восстановить и в меру своих сил поддержать ее звучание — сначала в Нью-Йорке, где он ежедневно пел Харе Кришна-киртан по десять-двенадцать часов, а затем в Кришна-Баларама Мандире, где он единоличным энтузиазмом вернул к жизни угасший 24-часовой киртан. В Шри Вриндавана Дхаме он, практически не выходя из храма, много лет совершал проникновенный бхаджан — знойным, испепеляющим ле-

том или холодной зимой, в здоровье или во многочисленных недугах, в радости и печали, в кругу многих друзей или в одиночку — громко, исто-во пел Святые Имена на радость многочисленным паломникам и преданным со всего мира. Он показал яркий пример глубокой реализации слов своего духовного учителя, Его Божественной Милости А.Ч. Бхакти-веданты Свами Прабхупады: весь духовный мир находится в пределах стен его вриндаванского храма; все мыслимое духовное совершенство, вплоть до высочайшего осознания своих вечных отношений с Радхой и Кришной, доступно у стоп Шрилы Прабхупады, Нитая-Шачи-суты и Радхи-Шьямасундары; и, наконец, в этот век самый простой и действенный способ достижения этого совершенства — это громкое, исполненное беспримесной любви и абсолютного предания себя, совместное пение Святых Имен: Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе.

Эта книга рассказывает о жизни Шрипада Аиндры Прабху и его служении миссии хари-нама-санкиртаны Шри Чайтаньи Махапрабху. Основываясь на его словах и воспоминаниях многих других преданных, мы постараемся описать его удивительную жизнь — один из наиболее поразительных примеров вайшнава, посветившего себя воспеванию Святого Имени, служению Обществу сознания Кришны и воссозданию искрометной и самозабвенной практики шри хари-нама-санкиртаны. Мы, безусловно, не сможем в полной мере передать глубокие, жизнеутверждающие и яркие впечатления, которые оставили в сердцах преданных со всего мира его замечательные дела и наставления. Вдумчивый и запальчивый, очень серьезный, а иногда шутливый, застенчивый и эпатажный, простодушный и в то же время бесконечно глубокий, реализованный гаудия-вайшнав, наставник и в то же время близкий друг; одаренный музыкант, скульптор, писатель и лектор, неутомимый духовный искатель, вечно преданный Господам своего сердца пуджари, талантливый и чистый киртания, учитель и ученик — Аиндра являл собой невероятную палитру многоплановых и даже противоречивых качеств. Но главное — он всегда был ошеломительно безудержным и горящим стремлением служить, без остатка отдавал себя другим и был удивительно доступен каждому, кто просил о помощи. Он был не просто

другим, он был неповторимым — будто не принадлежал этому миру и не подчинялся ему.

Революция санкиртаны продолжается и сейчас. В каждое мгновение Господь Чайтанья Махапрабху в окружении вечных спутников продолжает Свой самозабвенный экстатичный танец в доме Шривас Тхакура и на улицах Навадвипы. Его многочисленные слуги, духовные учителя и ачарьи нашей сампрадаи, вплоть до Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура и Шрилы Прабхупады, продолжают громогласный киртан и проповедь Святого Имени в одной из материальных вселенных. Для каждого из преданных выбор в каждую секунду состоит в том, участвуем ли мы в этой непрекращающейся, блаженной и всеблагой санкиртане или стоим в стороне, на обочине жизни, пассивно созерцая эти божественные танцы и пение, пока драгоценные мгновения жизни убегают прочь. Именно об этом снова и снова говорил Аиндра прабху:

Прошу заметить: кали-йуга-дхарма хари-нама-санкиртана остается йуга-дхармой на протяжении всей эпохи Кали. Было бы ошибкой полагать, будто немногим более пятисот лет после того, как Господь и Его спутники низошли с целью учредить метод жертвоприношения для всей эпохи, ему следует предпочесть какой-либо иной путь. Если у нас нет твердой веры в совместное воспевание Святого Имени, если нам недостает вкуса и влечения к танцу и воспеванию и потому мы к ним равнодушны или отвлекаемся на другие занятия, уделяя мало времени тому, чтобы серьезно следовать религии этого века, или вообще пренебрегая этим воспеванием, если мы не ценим хари-нама-санкиртану, не видим ее красоты и если мы не намерены на деле способствовать продвижению этой высочайшей, настоятельно рекомендованной Господом Чайтаньей дхармы, то должны признать, что прокляты Йамаараджей; мы так и не поняли, в чем цель Движения сознания Кришны и воистину не постигли высочайшее проявление милости длящейся по сей день аударья-лилы Господа — мировой проповеди санкиртаны. Это высочайшее проявление милости заключается в том, что она возводит падающие обусловленные души на вершину совершенства — упиваться вечной, спонтанной, любовной мадхурья-севай Радхе и Кришне в настроении враджа-премы.

Санкиртана (совместное воспевание Святого Имени) вечно остается жизнью и душой движения санкиртаны Господа Чайтаньи! Вера в метод хари-нама-санкиртаны – главный корень древа сознания Кришны, сила Движения сознания Кришны, его важнейшая основа.

На протяжении многих лет я наблюдаю среди множества почтенных членов Движения (с верхушки общества и до самых его низов) прискорбные заблуждения, оплошности, полное равнодушие к хари-нама-санкиртане в кругу преданных или вопиющее пренебрежение ее важностью (если важность эту вообще признают). Посему я вынужден смифенно напомнить всем, кто услышит: преданные должны все больше дополнять трансцендентное распространение книг и прочие составляющие духовной жизни этим пробуждающим душу, живо поглощающим, совместным проповедническим методом самоосознания, нама-санкиртана-ягьей, с серьезным намерением вернуть блаженство сердцам сбитых с толку бхакт. Не обманывайтесь, полагая: раз уж мы присоединились к движению хари-нама-санкиртаны Господа Чайтаньи, то теперь нам нет нужды выходить к людям и утфуждать себя пением хари-нама-санкиртаны. Как можно рассчитывать обрести ручки к тому, чем мы едва ли занимаемся? Шуддха-нама-киртана-ручи – не дешевка, чтобы достаться тому, кто всего-навсего блюдет формальности, отдает регламентированную организацией дань уважения или неубедительно пустословит. Следует погружаться глубже, выходя за рамки долга, за рамки участия «для галочки» в предусмотренных расписанием «храмовых программах».

Давайте же благоразумно последуем этому совету, не дожидаясь тягостного конца своих дней, когда многочисленные проявления телесной и умственной дряхлости сделают наши тела недееспособными. Промедление смерти подобно. Джива джаго, джива джаго! Время пришло! Пробил час восстать – свершить переворот в сознании, пересмотреть ценности, проверить подлинность. Любые личные, коллективные, организационные и меж-организационные духовные несоответствия, отклонения и предрассудки, а также любые семейные, общественные, социально-политические, правительственные и меж-правительственные неурядицы этого века можно конструктивно преодолеть, если всего-навсего назначить «ударные дозы» и более частый прием живительного снадобья – юга-дхармы хари-нама-санкиртаны. Стало быть, либо мы справляемся с тфудностями, либо тфудности справляются с нами. Все эти годы мы занимались тем, что подбифали великое множество других

ключей. Так почему бы искренне не принять данный метод и, к вящему своему удивлению и нечаянной радости, обрести волшебные плоды?

Кали-юга – океан бесчисленных пороков, но есть у нее одно дивное свойство, окупающее все изъязны: санкиртана Святого Имени Кришны. Еще раз подчеркну: Святое Имя – живое средоточие всех духовных рас (чаитанья-раса-виграха). «Во всех четырнадцати мирах нет ничего, кроме Святого Имени». Поэтому «Найдите же у Него приют, и пусть вручить себя Ему станет делом вашей жизни». Засучите рукава. Не откладывайте на потом. Не считайте слова эти шаблоном или наскучившим, бессмысленным обрядом сампрадаи. Харер нама харер нама харер намаива кевалам... «Не думайте, будто воспевание и танцы не приведут к желанной цели. Обязательно приведут!» – Если, конечно, вы согласитесь в них участвовать!

Движение Господа Чайтаньи призвано дать миру према-нама-санкиртану. Именно поэтому Прабхупада приехал на Запад – чтобы предложить высшее благо, чистую любовь к Богу, всем и каждому. Мы должны научиться чистому воспеванию под руководством тех, кто обладает подлинной любовью, – так мы сможем пробудить беспримесную преданность, особенно к Радхе и Кришне. В этом и заключается суть киртана.

Маха-мантра – это высшее выражение любви Радхи и Кришны к падшим обусловленным душам. Ее предназначение – привести их в обитель Божественной Четы, в круг Их божественного танца. Этот путь начинается с танцев и пения в движении санкиртаны Господа Чайтаньи и достигает вершины своего совершенства в танцах и пении в царстве Враджи в обществе Радхи и Кришны, гопи и мальчиков-пастушков.

Мы искренне стремимся порадовать Господа и вайшнавов своим служением и просим милостиво простить нам все ошибки и оскорбления. Да обретет наш вдумчивый читатель страстное желание стать вечным преданным слугой движения санкиртаны Шри Кришны Чайтаньи Махапрабху! Пусть каждый, принимая как можно чаще ударные дозы трансцендентного лекарства – громкого радостного прославления Святого Имени, исцелится от многочисленных болезней материального существования и с головой погрузится

в безбрежный океан разнообразных вкусов любовного служения во Врадже!

Смиренно посвящаем этот труд лотосным стопам Шри Шри Радхи-Шьямасундары, которые ежедневно одаривают великодушными взорами самоотверженных участников круглосуточного киргана в Кришна-Баларама Мандире и даруют им Свои благословения.

Смиренные слуги всемирного движения хари-нама-санкирганы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Свежее весеннее утро 1973 года. По одной из улиц Вашингтона сломя голову несется Эдди Страйкер, молодой парень с необычайно длинными огненно-рыжими волосами, которые летят за ним по ветру. Его манит за собой доносящийся издали звонкий хор голосов, сопровождаемых рокотом бенгальских барабанов-мриданг и звоном бронзовых тарелочек-карата: «Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе!» Там, впереди, в нескольких сотнях метров преданные Кришны, облаченные в традиционные одежды вайшнавов, громко поют, воздев руки, и стены домов эхом возвращают уже ставшую привычной для обывателей песню-мантру.

Ради этого пения Эдди проехал сегодня утром автостопом девяносто километров — с отцовской фермы до центра Вашингтона, где раньше он уже встречал преданных Кришны. С надеждой озираясь по сторонам, он нетерпеливо бродил по улицам, и вот, наконец, удача улыбнулась ему. Отдаленный звон музыкальных тарелочек и гулкие раскаты барабанов, которые ни с чем не спутать, достигли его слуха, и Эдди помчался на звук, который с каждым шагом становился все отчетливее. За углом уже ясно были различимы молодые голоса, поющие маха-мантру — танцующая яркая процессия медленно удалялась от него.

Эдди, со своими длинными рыжими волосами и широкой улыбкой на круглом, румяном мальчишеском лице, был похож на эльфа только что выскочившего из леса. Он был одет в свободную рубашку, выпущенную поверх выдавших виды джинсов, а под мышкой держал бамбуковую флейту. Одна сандалия слетела у него с ноги, но он, не обратив на это никакого внимания, бежал за удаляющейся группой и на ходу подпевал.

Стараясь перекрыть многоголосье, запыхавшийся юноша громко кричал: «Подождите! Я с вами!.. Харе Кришна!» Одна из замыкавших

шествие девушек, в сари и с книгами в руках, Падма-Малини, обернулась и с улыбкой ответила ему: «Харе Кришна! Ой, смотри, ты потерял сандалию...» Вглянув на свою босую ногу, Эдди поднял глаза и усмехнулся: «Не беда. Главное, что не потерял вас, ребята. Это куда важнее!» — и радостно присоединился к пению.

Эдди было всего девятнадцать, а он в поисках истины уже несколько лет читал книги на духовные темы, наподобие «Будь здесь сейчас» Рам Дасса. С преданными Кришны он впервые столкнулся несколько лет назад, когда они так же пели и танцевали на улице. Тогда они дали ему книгу в мягком переплете — «За пределами рождения и смерти» — с завораживающе крутой обложкой: череп с растущим из глазницы лотосом. Эдди был заинтригован, но осилил всего несколько страниц.

— Я удивился, прочитав в одном из первых абзацев, что мы не материальные тела. Но далее Прабхупада говорил, что понять это не так легко, как может показаться. Так что я забросил книгу на полку и больше ее не читал... тогда она показалась мне чересчур заумной.

В то время Эдди был известен во всех местных барах и клубах как подающий надежды музыкант и лидер-гитарист местной рок-группы «Монолит». Жизнь его была неразрывно связана с музыкой.

– Он всегда любил играть на простой акустике и аккомпанировать, – вспоминает член его музыкальной группы. – Но когда к нему в руки попала электрогитара – красный «Стратокастер-56» с тройным белым звукоснимателем – Эдди преобразился. Он будто бы сливался с гитарой, извлекая из нее потрясающие звуки. У него был редкий талант. Он входил в транс, буквально улетая из этого мира. Нам приходилось записывать его, чтобы позже, придя в себя, он мог услышать свою импровизацию. И потом он начинал играть под собственную запись, накладывая звук на звук, словно вторя собственной игре – он стремился к совершенству.

Осенью 1971 его группу пригласили выступить на демонстрации против войны во Вьетнаме. После концерта кто-то сказал Эдди, что в толпе были преданные Кришны: «Ты должен их увидеть. Это твое». И он пошел на запах благовоний, который привел его к великолепному зрелищу – окутанные клубами ароматного дыма, преданные самозабвенно пели мантру под зажигательный барабанный ритм.

Молодая девушка в сари предложила Эдди журнал и пачку благовоний, и он отдал ей все, что было у него в кармане: двадцать пять центов. Пролистав журнал, он усмехнулся необычной внешности духовного учителя на фото. Однако когда другой преданный объяснил ему, что согласно древним писаниям, Бог тоже музыкант и играет на флейте, Эдди поразился.

Тогда юноше было всего семнадцать, и он еще многого не понимал, но за прошедшие с тех пор два года начал серьезнее относиться к понятию кармы. Он быстро стал вегетарианцем и, чтобы причинять как можно меньше вреда живым существам и свести к минимуму свою плохую карму, сократил свой ежедневный рацион до трех плодов инжира и воды. По словам его брата, Джона, обычно «мускулистый и даже полный», Эдди порядком исхудал.

Еще со школы Эдди дружил с девушкой по имени Джулия. В 1969, будучи шестнадцатилетними подростками, они вдвоем проехали автостопом четыреста километров, чтобы попасть на музыкальный фестиваль в Вудстоке, и с тех пор шли по жизни вместе. Какое-то время они вместе выступали на концертах — она пела, а он играл на гитаре;

однако совместное творчество не пережило страстной тяги Эдди к музыкальному совершенству. Джулия стала татуировщицей, а Эдди некоторое время работал на шерстяной фабрике, а потом начал выступать на фестивалях и местных ярмарках с путешествующими музыкальными группами и развлекать публику игрой на гитаре.

Как-то раз, вернувшись домой, Джулия бросила ему на колени книжку в мягкой обложке: «Привет! Тебе нравится все духовное, верно? Вот, зацени!» Эдди с удивлением рассматривал необычайный подарок. С обложки на него смотрел удивительно красивый иссиня-смуглый юноша, стоящий по пояс в океане и украшенный цветочной гирляндой, драгоценностями и короной с павлиньим пером. Сверху над ним нависали клобуки кобр, образуя что-то вроде зонтика или балдахина, а в четырех руках он держал цветок лотоса, раковину, булаву и нечто похожее на кольцо сияющей энергии вокруг поднятого вверх пальца. Ажурным шрифтом вился труднопроизносимый заголовок: «Шри Ишопанишад». Ниже — еще более труднопроизносимое имя автора: Его Божественная Милость А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада.

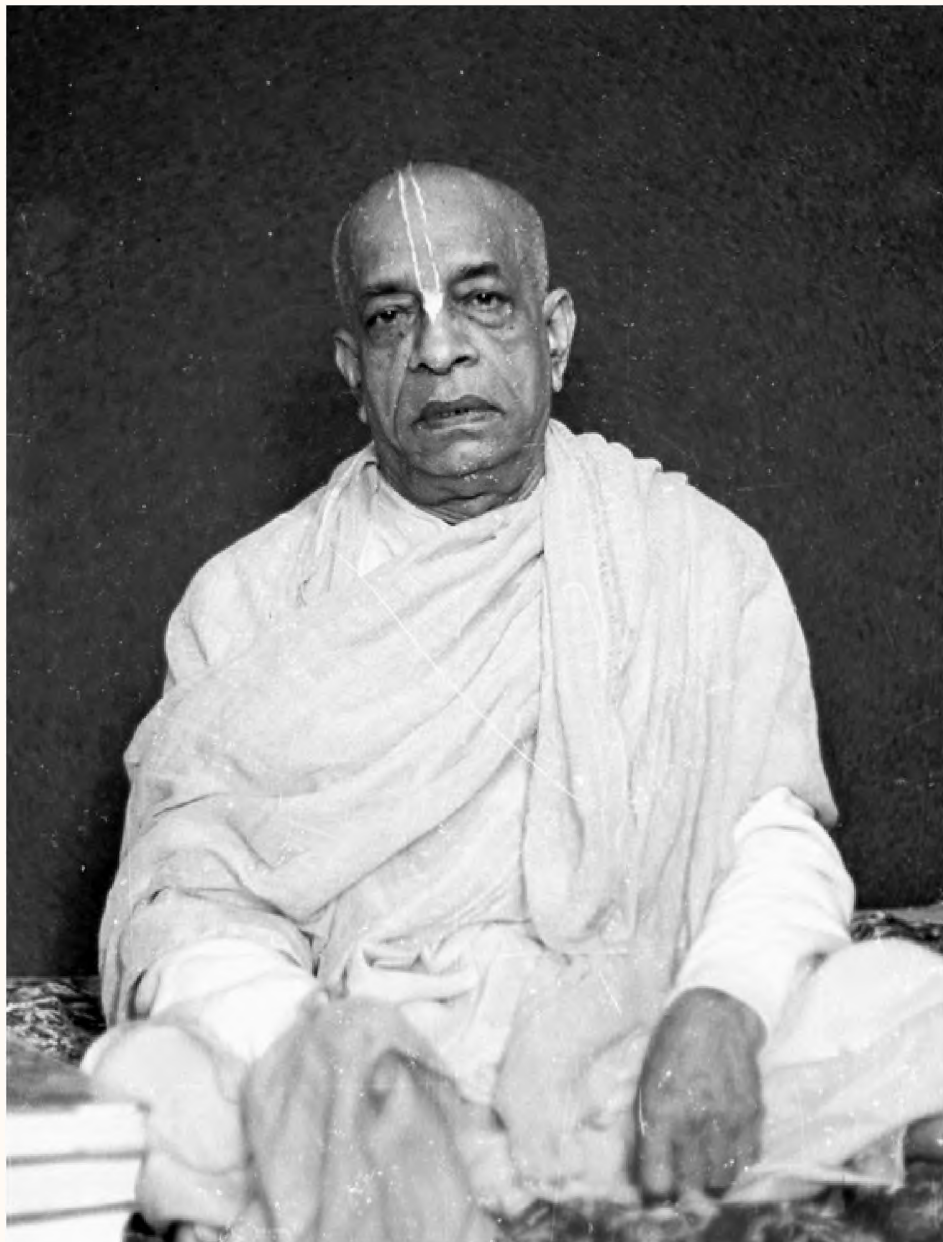
Эдди догадывался, у кого Джулия раздобыла книгу: это снова преданные Кришны! Они, казалось, были повсюду! В этот раз он заинтересовался всерьез и всю следующую неделю продирался сквозь витиеватую «Ишопанишад». Книга изобиловала незнакомыми словами и замысловатыми философскими идеями, и юноша корпел над ней часами напролет.

– Я приступил к чтению, держа в одной руке «Ишопанишад», а в другой словарь, – рассказывал он позже. – Язык Шрилы Прабхупады казался мне очень мудреным, ведь сам я говорил на примитивном уличном слэнге. Поэтому на то, чтобы освоить книгу, ушла целая неделя – я читал ее по-настоящему внимательно, пытаясь докопаться до смысла.

Мало-помалу, то и дело выискивая незнакомые термины в словаре, он стал вникать в прочитанное. «Высшая Абсолютная Истина – это личность». Эта мысль завораживала. Раннее речь шла о Брахмане, всепроникающем безликом Абсолюте, и Параматме, вездесущей Сверхдуше; теперь он понял, что и то, и другое – аспекты изначальной Верховной Личности, Бхагавана.

Новые открытия поражали: Абсолют не понять человеческим умом, однако Верховную Личность можно познать благодаря трансцендентному преданному служению, которое, помимо других способов, заключается в пении и слушании о Кришне. Он исполнен трансцендентного блаженства и во Вриндаване, Своей вечной обители, всегда являет множество удивительных игр и развлечений, чтобы доставить наслаждение Своим многочисленным любящим спутникам... Благодаря слушанию повествований о величии Господа и воспеванию Его славы человек очищается от всего нежелательного, и его преданность Господу становится непоколебимой.

Дочитав наконец эту небольшую книжку, Эдди был покорен логичностью доводов и глубиной философских идей, представленных в ней. В приложении он увидел черно-белую фотографию автора.

Бхактиведанта Свами смотрел на него спокойным и в то же время проникновенным, всезнающим взглядом. Эдди испуганно захлопнул книгу. Он вдруг понял, что встретил своего вечного духовного учителя, и жизнь его уже не будет такой, как прежде.

– Я не стал читать раздел «Об авторе», потому что боялся. Я не хотел узнавать об авторе больше, поскольку чувствовал: если узнаю слишком много, буду вынужден предаться ему. Повалившись на пол, я просто безудержно рыдал, поскольку внезапно осознал: обману пришел конец!

Эдди не мог забыть о прочитанном. И он жаждал большего — разыскать «Бхагавад-гиту», на которую постоянно ссылался Свами Прабхупада. Один из друзей дал ему «Гиту» издательства «Пингвин» в мягкой обложке, но текст оказался не столь ясным, как комментарии к «Ишопанишад». Эдди хотел прочитать книгу в переводе Свами Прабхупады, «Бхагавад-гиту как она есть».

Конечно, проще всего было добыть экземпляр в храме Кришны, но он никак не мог туда попасть. Однажды в воскресенье кто-то из друзей даже пригласил его на традиционный храмовый «Пир любви», но Эдди не смог вырваться. Тогда, в отчаянии, он решился на нечто из ряда вон выходящее. Длинные ярко-рыжие волосы были значимой и неотъемлемой частью его жизни, одним из самых ценных достояний и большой его привязанностью. Эдди отращивал их годами и даже Джулии не позволялось их стричь, но сейчас он был слишком расстроен, что ему не удастся попасть в храм! Поэтому он взял ножницы, срезал изрядный пучок рыжих прядей, завернул их в бумажный пакет и отдал товарищу: «Когда приедешь в храм, попроси, чтобы они предложили это Кришне как мое подношение!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце марта Эдди с компанией друзей отправился в город, чтобы взглянуть на доску объявлений в музыкальной мастерской в центре, возле Дюпон-Серкл. Он искал предложения и вакансии для музыкантов. В тот день ничего подходящего не было, но по дороге домой Эдди попались на глаза благовония «Духовное небо» в индийском бакалейном магазине. Тут же вспомнились благовония с запахом цветов лотоса, которые ему дали преданные на антивоенной демонстрации, и его вдруг осенило — он наконец может попасть в храм Кришны!

Эдди уговорил друзей отвезти его на Кью-стрит, по адресу на старой визитке. Высокое узкое кирпичное здание с полуподвалом, двумя этажами и мансардой можно было легко не заметить в плотном ряду похожих строений, и они почти проехали мимо. Друзья припарковались перед храмом и, не выходя из машины, просто нерешительно глядели на дверь. Спутникам Эдди было страшно идти с ним; они боялись, что им придется посвятить себя чему-то, а этого им не хотелось. Зато самого Эдди тянуло туда как магнитом. Он решительно вылез из машины, подошел ко входу и позвонил в дверь.

Через минуту показался вежливый молодой человек с бритой головой и в шафрановых одеждах:

— Харе Кришна! Чем могу служить?

От волнения Эдди забыл, зачем пришел.

— Можно мне купить благовоний? — выпалил он. — В магазине все распродано.

— Я принесу, — сказал преданный. — Пожалуйста, подождите здесь.

Когда дверь закрылась, Эдди стал в мыслях бранить себя, что не попросил того, чего хотел на самом деле — «Бхагавад-гиту»!

Дверь снова открылась:

— К сожалению, благовоний больше нет, но, может, Вас заинтересует «Бхагавад-гита»?

Сердце Эдди забилося: как этот юноша догадался, чего он хочет? Мистика! Не иначе, как божественное провидение! В ответ на просьбу о пожертвовании, Эдди отдал два из трех оставшихся у него кармане долларов, — последний ему нужен был, чтобы скинуться с друзьями на бензин на обратную дорогу.

Юноша также дал ему очень длинные деревянные бусы:

— Повторяйте на них маха-мантру: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. По одной мантре на каждой бусине.

Он взял бусы в правую руку и показал Эдди, как их держать.

— Когда прочитаете на всех бусинах, кроме большой, — это один круг. Мы повторяем шестнадцать кругов каждый день. Постарайтесь сосредоточиться на трансцендентном звуке мантры.

— А можно мне... м-м-м... зайти осмотреться? — робко спросил Эдди.

Взглянув на его широкую открытую улыбку, преданный распахнул дверь:

— Конечно. Добро пожаловать! — и оставил Эдди одного.

Предоставленный сам себе, он медленно пошел по храму, с любопытством глядя по сторонам. В конце большой залы находилось возвышение, а на нем — украшенное цветами изображение пятерых личностей, которые пели, танцевали и играли на барабанах, караталах и трубах. «Это наверное алтарь!» Спустившись в полуподвал, Эдди оказался на кухне. За окном он увидел нескольких птиц, бурундуков и белок, которые как будто чего-то ждали. Донеслось радостное пение, и в кухню вошла девушка в сари, неся что-то в сложенных ладонях. Она подошла к окну, но птицы и животные, к удивлению Эдди, не разбежались.

— Харибол, души! — сказала она и бросила им горсть крошек и остатков еды. — Хотите прасада?

Эдди поразился: она обратилась к животным, как душам. Вот это да! Она может видеть души!

Он вспомнил, как читал об этом. «Мы не тела: ни мужчины, ни женщины, ни люди, ни животные. Мы — души».

— Простите, — робко подал голос Эдди.

— Харе Кришна! — с улыбкой обернулась девушка.

— Харе Кришна... Хм... Как вы думаете, я мог бы, эээээ... пожить тут с вами, ребята? Хотя бы несколько дней — чтобы понять, как вы практикуете то, о чем говорится в ваших книгах... и научиться самому жить так же?

— Конечно! Почему бы нет?

Он был ошарашен. Воображение рисовало ему что-то сродни закрытому клубу, куда трудно попасть. Но оказалось, что никаких ограничений нет.

— Конечно, — повторила девушка. — Переедешь завтра?

Завтра?! Переехать в храм завтра? Эдди внезапно осознал, насколько сильно он был скован своей привычной жизнью. Мысль о том, сколько всего ему пришлось бы оставить, чтобы принять ее приглашение и вот так, уже на следующий день, перебраться в храм, обрушилась на него, как цунами.

В уме скорой чередой пронеслось все его имущество: усилители, гитары, кошка и многое другое. Наверное, придется расстаться с друзьями... может, даже с Джулией.

— Моя кошка беременна, — вспомнил он. — Я не могу взять и бросить ее.

— Не беспокойся, — заверила его девушка. — Мы предлагаем всю еду Кришне, и она становится трансцендентным кришна-прасадом. Такая духовная пища очищает и освобождает от кармы все живые существа. Если ты просто предложишь Кришне молока, повторив над ним «Харе Кришна», и напоишь им кошку, ее жизнь станет успешной, и в следующий раз эта душа родится человеком. Все устроится.

Эдди вернулся к машине в оцепенении, он не мог ни говорить, ни даже думать ни о чем, кроме одного: «Я перееду в храм завтра же!»

Однако сначала ему нужно было понять, что делать со всем своим имуществом.

— Я не понимал, что все можно использовать в служении Кришне, — вспоминал он много позже, — и я отчаянно не хотел связываться с продажей всего

этого барахла. Я хотел просто вырваться из материального мира и примкнуть к Движению Сознания Кришны. Мои друзья думали, что я спятил.

Некоторые из них, впрочем, уже видели зачатки преображения Эдди:

— Кому-то могло показаться, что он вдруг бросился головой в омут, но на самом деле эта история началась задолго до того дня. Он был вольной птицей и ничего не принимал просто по написанному. Он испытывал свою новую философию на практике, чтобы убедиться в ее ценности. Он не был бездумным фанатиком. Несомненно, он был вдохновлен и с решимостью встал на новый путь, но все же сделал это совершенно осмысленно.

— Он всегда искал высший смысл вне обыденной жизни, которой жил в то время, — вспоминал его младший брат Джон. — Довольно быстро он распознал мишурный блеск жизни рок-звезд, к чему он вел — в особенности его поразила смерть Джими Хендрикса. Эдди стало ясно: эту дыру не заполнить материей, нужна духовная помощь.

Эдди одолевало сильнейшее желание оставить материальный мир позади и присоединиться к движению Харе Кришна. Он видел один лишь способ покончить с прошлым: немедленно раздать все свое имущество без остатка. Стучась в одну дверь за другой, он протягивал ошеломленным друзьям гитару или усилитель:

— Вот... это тебе.

Получатели колебались, а он настаивал:

— Бери!

— Но это же твоя любимая гитара! — возражал друг. — Это же крутой инструмент...

— Знаю-знаю, — прерывал Эдди. — Это моя любимая крутая гитара, подарок отца. Бери, она твоя! А тебе — еще одна моя гитара! Бери мои усилители и колонки!

Он как сумасшедший, раздавал друзьям все, что у него было.

Жадное любопытство увлекало Эдди все дальше, и он радовался своим открытиям. Сразу несколько его занятий изживали себя: музыкальная группа распалась, и, хотя они с Джулией все еще оставались вместе, было очевидно, что их отношения почти завершились. Джулии казалось, что он стал как одержимый с тех пор, как она принесла ему ту

книгу, «Ишопанишад», а последней каплей был визит Эдди в храм. Они много раз обсуждали новую философию, но лишь теперь она поняла, насколько все было серьезно.

— Я должен вернуться к Богу, — с жаром объяснял он. — Хватит с меня попыток наслаждаться материальным миром.

Она понимала, что это значит: Эдди собирался уйти в храм навсегда. Припав к его ногам, она разрыдалась:

— Не сейчас! Прошу тебя! Еще рано!

— Пойдем со мной. Мы должны вернуться к Богу... так почему не сейчас?

Он надеялся, что, возможно, она согласится разделить с ним его путь.

— Эдди, пожалуйста, не уходи назад к Богу! Я еще не готова возвращаться к Богу! Я еще не насладились вдоволь, еще не сполна насладились тобой!

Растерянно глядя на Джулию, Эдди вдруг увидел вместо нее голодную тигрицу, а себя почувствовал лакомым куском мяса на тарелке перед ней. Годы спустя он вспоминал:

— В тот момент она, сама того не понимая, явила мне ужасающий лик материальной энергии, которая стремилась приковать меня к мучительному существованию в круговерти рождений и смертей.

Он испытал отвращение — не столько к самой Джулии, сколько к материальной жизни в целом. У них не было детей, и они не состояли в браке. Их отношения были тем, что Свами Прабхупада называл «взаимовыгодной эксплуатацией».

Тогда, сложив ладони, Эдди смиренно, но твердо сказал: «Прости, но если ты не готова отправиться к Богу вместе со мной, мне придется идти без тебя». Он высвободился из ее объятий, бросил в сумку последние из своих пожитков, взял на руки кошку и направился к двери.

То был один из переломных моментов: Эдди решил оставить прошлое и броситься в объятия грядущего. Жизнь хиппи, которая прежде казалась такой пестрой и занимательной, теперь выглядела

затхлой и пустой, особенно в сравнении с будоражащей, манящей перспективой соприкоснуться с гораздо более привлекательным миром — духовным, с мечтой понять свои отношения с Кришной и вернуться назад домой к Богу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда Эдди раздал свои инструменты и музыкальное оборудование, избавившись, по сути, от всего, что имел, стало ясно, что этого недостаточно. Он хотел ближе познакомиться с «Бхагавад-гитой» и поразмыслить. Поэтому он попросил одного из друзей отвезти его на отцовскую ферму, в дом его детства. Кроме того, он хотел оставить там свою кошку.

Эдди, или Эдвард Франклин Страйкер, родился 12 марта 1953 года в Арлингтоне, штат Вирджиния. В семье было пятеро детей: Крис — старший; Эдди; их сестра Карлин; Грэхем, с которым Эдди был особенно нежен; и самый младший — Джон. У всех детей, кроме Джона, были огненно-рыжие волосы, которыми они очень гордились (однажды Эдди даже выгнали из школы, когда он отрастил их ниже пояса). Поселившись в бревенчатом доме, построенном при участии Эдди и Криса в окрестностях городка Хеймаркет, их родители, Диана и Арт, выращивали фрукты и овощи, держали животных и воспитывали детей на природе в духе вольных 60-х.

Ферма в окрестностях городка Хеймаркет

Ближайшие соседи жили в миле от них. Кроме того, Арт возделывал на своей ферме забористую марихуану и регулярно устраивал большие бесшабашные вечеринки.

— *Это было настоящее царство хиппи*, — вспоминал позже Эдди.

Стены своей комнаты, которую Эдди делил со старшим братом Крисом, он раскрасил в духе времени: на черном фоне блестели и переливались нарисованные светящейся в темноте краской разноцветные спирали, загадочные планеты и звезды, восходящее солнце и фантастические существа, мчащиеся сквозь космос.

Арт не был родным отцом Эдди и Криса, но заботился обо всех детях одинаково. Музыкант, коллекционер, историк-любитель и вспыльчивый философ-самоучка радикальных взглядов, он легко ввязывался в споры и долгие дискуссии.

Семья была не чужда и религии. Эдди вспоминал:

— *Отец был лютеранином, и в течение первых лет моей жизни мы ходили в церковь, где Арт, Диана, Крис и я пели и играли церковную музыку. Вообще-то моя мать была католичкой, но еще в юности разочаровалась в этой традиции, не найдя в ней ответов на животрепещущие вопросы. Она пыталась беседовать с монахинями, но те отвечали: „Не мудрствуй, а то пойдешь в ад“. Так что в конце концов она почти полностью отошла от католицизма.*

Но главное — Арт и Диана были людьми творческими и с увлечением занимались ремеслами и музыкой.

— *Семья была щедра на музыку*, — вспоминал Джон. — *Все в доме вращалось вокруг нее.*

Арт смастерил несколько струнных инструментов и играл на них, а Диана играла на автоарфе. Когда Эдди было пять лет, Арт подарил ему пятиструнное банджо и показал традиционные приемы игры. Позже он сделал ему так называемую гит-фидл (самодельную гитару) и научил играть «блюграсс» — традиционную народную музыку региона Аппалачей, уходящую корнями в английские, шотландские и ирландские баллады и танцевальные мелодии, о которых Эдди впоследствии говорил: *«Мои корни, повлиявшие на мой музыкальный вкус».*

Уже в начальных классах Крис и Эдди стали исполнять народные песни на школьных концертах и шоу талантов; Эдди играл на гитаре и пел на два голоса с Крисом песни известного певца и автора Вуди Гатри. Они участвовали в региональных конкурсах, а со временем стали выступать на ярмарках и других собраниях, пуская по кругу шляпу для пожертвований.

— *Неплохие деньги по тем временам,* — вспоминала Диана.

Кроме того, по воспоминаниям Джона, Эдди был превосходным флейтистом и в музыкальном плане преуспевал практически во всем, за что брался. Впоследствии, вдохновившись Джими Хендриком, он стал соло-гитаристом в «кислотной» рок-группе одного из друзей.

Одним из их любимых занятий семьи Эдди было собираться вместе и петь народные песни. Арт подыгрывал на гитаре. Раз или два в неделю они устраивали домашние вечера песни, на которые приглашали живших неподалеку друзей и музыкантов.

С течением времени Арт становился все более неуживчивым, они с Дианой стали чаще ссориться, и тогда Эдди, желая сплотить семью, решил, что они все вместе будут писать и исполнять музыку. Вскоре они уже выступали вместе на фестивалях и музыкальных вечерах, иногда вместе с прославленными виртуозами Лестером Флэттом и Эрлом Скраггом и их группой «Фогги Маунтэйн Бойз».

Эдди с юных лет был новатором. Он экспериментировал, смешивая разные стили, звук и инструменты. Однажды он взял верхнюю часть альт-саксофона Карлин, звучание которого ему никогда особо не нравилось, и прикрепил ее к своей флейте, на которой играл в оркестре старшей школы. Из телевизионных консолей он смастерил колонки, делал и другое музыкальное оборудование. Товарищи Эдди по музыкальной группе отмечали его превосходное конструкторское мышление, — он схватывал все на лету.

Семейный дом стоял у подножья лесистых гор Булл-Ран, где во время Гражданской войны сложили голову тысячи солдат.

Музей Гражданской войны у подножья гор Булл-Ран

Вирджиния была одним из штатов Конфедерации, и войска Союза подожгли город Хеймаркет, который сгорел дотла, кроме трех домов и церкви. Бывало, семья стояла у кухонного окна и смотрела на призраков — солдат, которые все еще ехали верхом через лес. У каждого из детей был опыт встреч с привидениями. Более того, их присутствие ощущали даже гости. Как говаривал Джон, «там было полно теней прошлого».

Порой Эдди играл с призраками на холмах, позволяя им овладеть его телом, а затем изгоняя их. По его собственным словам (что подтверждали и другие члены семьи), он обучился астральной проекции, благодаря чему мог наблюдать события давно минувших дней.

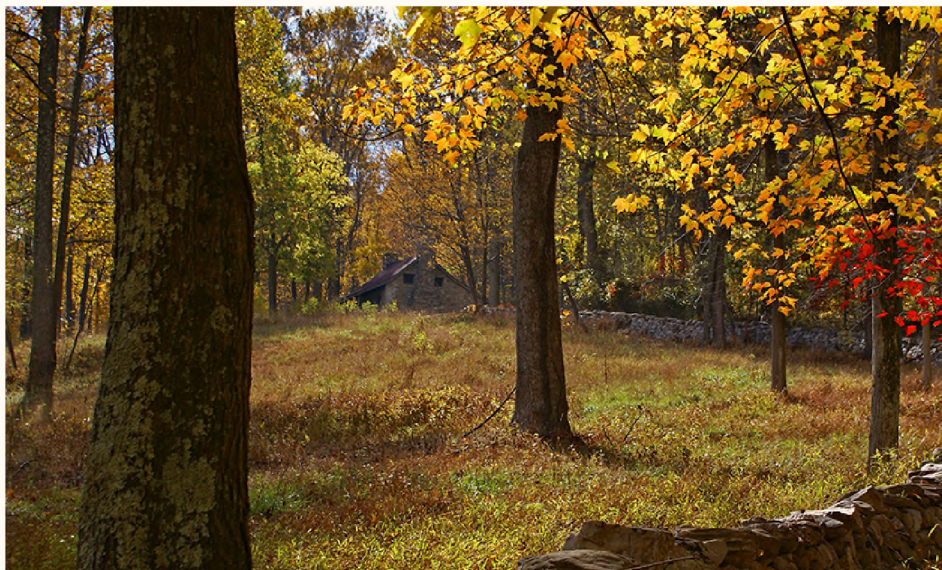
– Он был, – говорил Джон, – тесно связан с космической энергией, силой всего творения.

– Он ощущал духов природы, обитавших там, – подтверждала Диана. – А в своей тесной духовной связи с землей чувствовал Создателя, людей, которые бывали там раньше, и прозревал единство всего живого.

В детстве Эдди мечтал стать индейцем. Однажды родители подарили ему на день рождения собственноручно изготовленный ими традиционный головной убор из перьев индейки, покрашенных в красный цвет.

– Когда я сказала ему, что индейцем может быть лишь тот, кто родился в индейской семье, – с улыбкой вспоминала Диана, – он ужасно расстроился, ведь я не была индианкой.

Лес был для Эдди местом сакральным.

Живописные окрестности гор Булл-Ран

Вместе с братьями и сестрой он взбирался на холмы по звериным тропам. Упражняясь в игре на флейте, он бродил среди деревьев в сопровождении домашних коз, которые следовали за ним, влекомые звуками музыки.

Живописные окрестности гор Бул-Ран

— Однажды я бродила по лесу, — вспоминала Карлин, — и услышала что-то похожее на пение дрозда, но это была не птица; это была флейта, чьи трели удивительно напоминали птичье пение. Из любопытства я подошла ближе...Конечно же, это был Эдди, который сидел со своей флейтой на поваленном дереве. Отовсюду доносились голоса множества поющих дроздов, а он вторил им. Вокруг него, должно быть, пела по меньшей мере дюжина дроздов.

Иногда птицы подхватывали его игру, и их музыка дополняла друг друга. Это было невероятно красиво. Я просто застыла, обратившись в слух, и долго не могла сдвинуться с места.

В семье Арта и Дианы все охотились и рыбачили. Эдди тоже был отличным стрелком, но он любил животных и не убивал их. У них было много живности: кошки, собаки, утки, гуси, морские свинки, лошади, козы и осел. Семья разводила колли, пекинесов, кур и пони. Первым воспитанником Эдди был селезень по кличке Сьюзи. При поддержке клуба юных натуралистов он разводил нубийских коз и выставлял их на окружных ярмарках, где даже занимал призовые места. Однажды он даже занял первое место со своей питомцей Умницей.

Еще совсем маленьким он очень расстраивался, когда находил сверчка или кузнечика со сломанной ногой. А Когда Диана однажды наступила на муравья, от огорчения он решил, что станет ветеринаром для насекомых и научится накладывать шины на их сломанные конечности.

Эдди нередко проказничал. Однажды, будучи малышом, он нашел глиняную копилку с деньгами, которые его родители собирали на покупку машины, отнес ее в ванную и, зачарованный зрелищем кружащихся купюр, стал спускать их по одной в унитаз. К тому времени, когда родители нашли его, сбережения поубавились на три четверти.

Но и юмора в нем было с лихвой! Братья и сестра которого никогда не знали, чего ждать от него в следующий момент. Когда в голову Эдди приходила озорная мысль, его глаза загорались тем, что его семья называла «искоркой», и он восклицал: «Есть идея!»

Как-то утром 1 апреля детям не терпелось поехать в супермаркет, но Арт все еще валялся в кровати. Тогда Эдди ворвался в спальню с криком: «Папа, папа, в твоей гитаре большая дыра!»

– Папа выскочил из кровати, – вспоминает Карлин, – понесся в гостиную и схватил своего любимого „Мартина“ и стал его осматривать. „Я не вижу никакой дыры“, – ошарашенно сказал он. Эдди просиял широкой улыбкой: „С первым апреля! Обманули дурака на четыре кулака!“ – крикнул он, смеясь и указывая на голосник гитары. Во всяком случае, ему удалось вытащить Арта из постели!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И вот теперь, в 1973 году, Эдди возвращался домой, на ферму. Он вез с собой то небольшое, что уцелело после бурной раздачи имущества: кошку, пару комплектов одежды, четки, которые ему подарили в храме, и несколько книг — «Бхагавад-гиту» Шрилы Прабхупады, «Шри Ишопанишад» и словарь.

Родители его к тому времени расстались. Диана жила в другом городе; Арт скатился в депрессию, погрязнув в алкоголе и наркотиках.

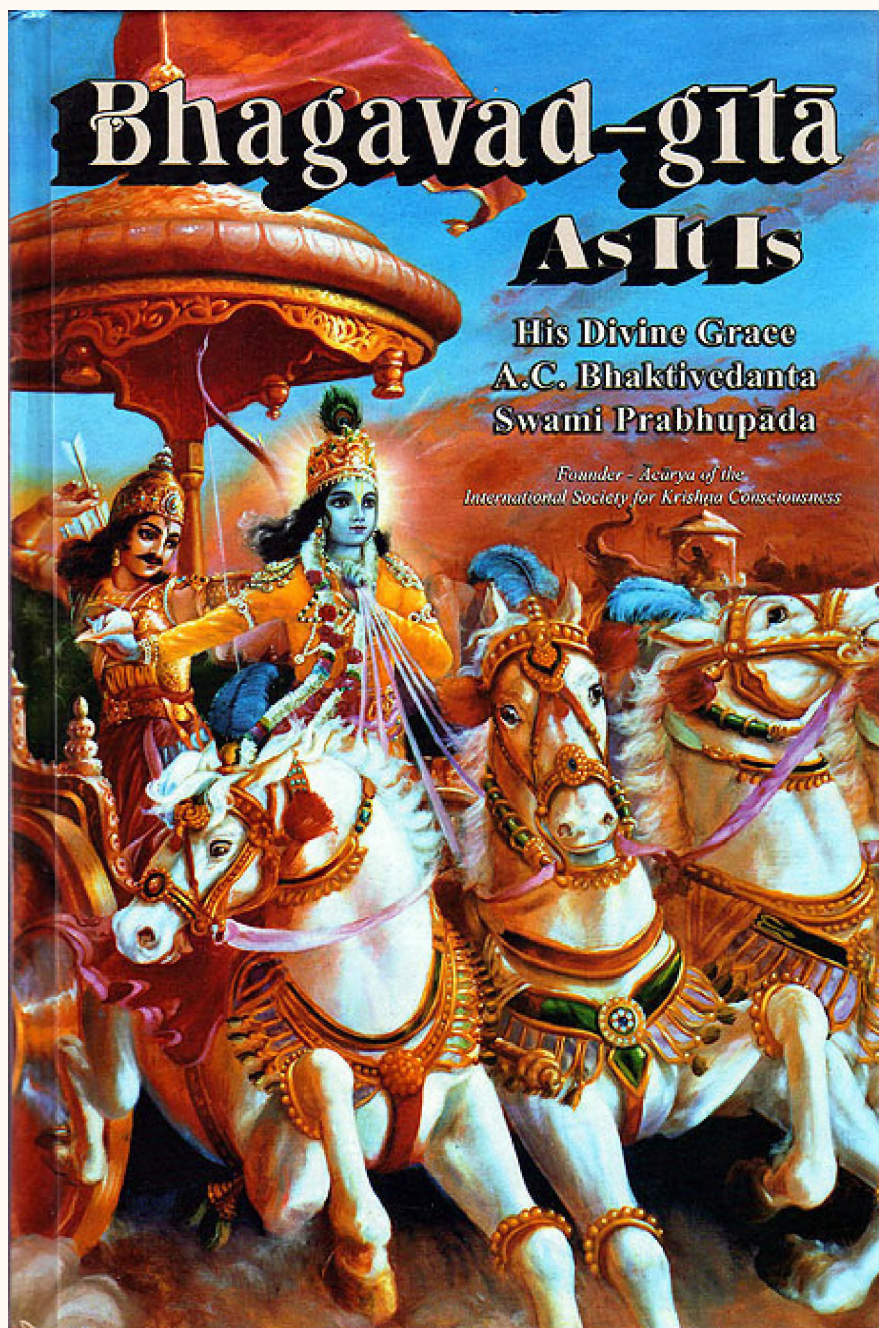
— Мы жили в атмосфере отцовского уныния, — вспоминал Джон те дни, — его алкоголизма и разочарования. Среда была разрушительной. Эдди сбежал, вырвался — и это был не просто побег, а избавление от всего дурного, царившего вокруг. Он очищался.

Эдди попросил разрешения остаться на несколько дней. Он решил покамест задержаться на отцовской ферме, чтобы почитать „Бхагавад-гиту“ и все обдумать. К тому же, преданные посоветовали ему повторять шестнадцать кругов Харе Кришна-мантры.

Хотя юноша искренне старался следовать своим новым идеалам, он по привычке продолжал курить травку. Но соприкосновение с духовным стало оказывать на него весьма сильное влияние.

Когда приходило время кормить кошку, он, вспоминая слова девушки в храме, наполнял миску молоком, подносил ее к сердцу и предлагал Кришне, закрывая глаза и произнося нараспев: «Харе Кришна...» После полуторагодовой диеты на трех плодах инжира в день, теперь, осознав важность прасада, он готовил себе немного коричневого риса с овощами и так же старательно предлагал его Кришне.

На следующий день он сидел за кухонным столом и читал «Бхагавад-гиту».

Во «Введении» Прабхупада писал: «Итак, мы видим, что «Бхагавад-гита» была поведена Арджуне прежде всего потому, что Арджуна являлся преданным Господа, непосредственным учеником Самого Кришны и Его близким другом. Поэтому лучше всего понять «Бхагавад-гиту» сможет человек, обладающий аналогичными качествами. Это значит, что он должен быть преданным Господа, напрямую связанным с Ним».

«Резонно, — думал Эдди. — Ведь Арджуна понимал слова Кришны именно в силу дружбы, которая их связывала. Поэтому, если я желаю понять „Гиту“, то сам тоже должен развить отношения с Кришной». Шрила Прабхупада утверждал, что это возможно.

Особенно Эдди поразили перечисленные далее пять различных типов отношений с Кришной. «Преданный может быть связан с Господом пассивными отношениями... отношениями активного служения... узами дружбы... родительской любви... супружеской любви». Супружеской? Он потянулся к словарю и нашел слово «супружеский»: «Относящийся к браку или к женатым лицам и их отношениям. Например: молодожены, охваченные супружеским счастьем».

Эдди поразился: кажется, Прабхупада имеет в виду, что с Богом можно развить духовные романтические отношения! Он гадал, как это возможно для мужчины. Но «Гита» недвусмысленно утверждала: «Мы не тело». В настоящее время Эдди был заключен в мужское тело, но это не было его подлинным духовным тождеством. На уровне высшего совершенства Кришна мог стать для души Высшим Возлюбленным.

«Вот чего я хочу! Это прекрасно! Просто замечательно!» — восхи-
тился он.

Праххупада продолжал: «Каждое из мириад живых существ всегда находится в определенных отношениях с Господом. Такое состояние живого существа называется сварупой. Занимаясь преданным служением, живое существо может восстановить свою сварупу. Этот уровень называется сварупа-сиддхи — совершенным изначальным положением души».

— Это моя цель, — твердо решил Эдди. — И я должен достичь ее в этой жизни.

Праххупада объяснял, что понять свое изначальное положение и достигнуть прибежища Кришны можно, повторяя Его имена, мантру Харе Кришна, которую он называл маха-мантрой, великой мантрой. Становилось все очевиднее, как важно петь и повторять Святые имена, потому что в «Гите» Праххупада снова и снова приводил маха-мантру Харе Кришна. Эдди решил попробовать.

– Я слышал, как другие духовные искатели нараспев повторяли „ом“, поэтому думал, что эту мантру следует повторять так же: длинно и протяжно.

Он сел скрестил ноги в йогической позе лотоса, взял четки, нашел первую бусину рядом с большой, обозначававшей начало и конец круга, закрыл глаза и, набрав полную грудь воздуха, затянул:

Xaaaaaaaaaaaaapeeeeeeeeeee

Криииииииишнааааааааааааааааа...

Новый вдох, и опять:

Xaaaaaaaaaaaaapeeeeeeeeeee

Криииииишнааааааааааа...

Вскоре он устал и открыл глаза. Посмотрев на четки, увидел, что до конца только первого круга оставалось еще около сотни бусин. Как же преданным удастся повторять шестнадцать кругов каждый день? Это казалось невозможным.

«Как они это делают?» — он ломал голову и ничего не мог придумать.

Однако киртан был гораздо ближе и понятнее ему как музыканту, — ведь он уже не раз видел, как преданные с неподдельной радостью поют и танцуют. В один прекрасный день, почувствовав себя готовым к

следующему шагу, Эдди отправился автостопом в Джорджтаун, где уже встречал процессию санкиртаны на улицах. Он просто бродил по городу, пока не услышал вдалеке перезвон каратал и ритмичный рокот мриданги, которые невозможно было ни с чем спутать. Помчавшись на этот манящий зов и даже потеряв на бегу сандалию, он наконец-то встретился с группой санкиртаны и провел в обществе преданных удивительный день, с танцами и громким пением маха-мантры. Вечером санкиртанщики вернулись в храм, и Эдди вместе со всеми пил горячее молоко, пока кто-то читал вслух о Кришне из одноименной книги, а затем — опять же автостопом, уже за полночь — добрался до фермы. Все это ему так понравилось, что он стал следовать этому распорядку каждый день. Вдохновленный, юноша каждое утро ездил в город, чтобы присоединиться к этим удивительно веселым ребятам и девушкам и провести целый день, распевая «Харе Кришна» и распространяя журналы «Обратно к Богу». Его вкус к духовному разгорался все ярче, и теперь жизнь в храме Кришны стала ближе и понятнее. Он приносил домой книги, плакаты и четки для воспевания и восторженно делился с братьями и сестрой тем, чему научился. Он даже познакомил некоторых из них с преданными.

— Он всегда восхищался новыми духовными открытиями, — вспоминает Лакшмиван. — Я делился с ним основами сознания Кришны, а он смотрел на меня с самым что ни на есть серьезным и искренним вниманием. Его рот приоткрывался от удивления, он медленно кивал и говорил: „О-о-о-о-о!“ Он жадно все впитывал... оглядываясь назад, могу сказать — его отличала большая серьезность.

Джон: В те дни он был необычайно счастливым и радостным. Это было внутреннее духовное блаженство, которое просто фвалось наружу.

Из-за своих длинных волос Эдди чувствовал себя среди преданных немного не в своей тарелке — у всех ребят были бритые головы. Неделию спустя он стал просить позволения обрить голову.

«Знаешь, — ответил один из преданных, — вообще-то голову бреют те, кто живут в храме, повторяют шестнадцать кругов маха-мантры каждый день и следуют четырем регулирующим принципам».

«Они хотят убедиться, что я буду следовать правилам, — подумал Эдди, — Увериться, что, побрив голову, я не пойду потом курить тра-

ву или что-то в этом роде». По правде говоря, он взял с собой в храм пакетик с травкой «на всякий случай». Теперь же, выбравшись из окна четвертого этажа ашрама на пожарную лестницу, он развеял его содержимое по ветру.

Что же до его длинных волос, ему предложили: «Почему бы тебе на время просто не заплести их?» Так он начал выходить на санкиртану с толстой рыжей косой ниже пояса.

По воскресеньям пение на улицах заканчивалось на несколько часов раньше, чтобы преданные могли подготовиться к большой проповеднической программе и пиру. Когда Эдди в первый раз вернулся в воскресенье с группой санкиртаны в храм, несколько преданных уже сидели в алтарной. В руках у них были четки и они негромко, быстро и сосредоточенно повторяли маха-мантру.

«Так вот как это делается!» — осознал он.

Преданные и гости усадились, и начался киртан. Через некоторое время пение стало более оживленным.

Ведущий поднялся и начал учить гостей танцу, который он называл «свами-степом» — подняв руки вверх, он выставлял вперед поочередно правую и левую ногу. Все последовали его примеру и начали танцевать. Затем другой юноша прочитал лекцию по «Бхагавад-гите» и ответил на вопросы. После этого был еще один киртан — более громкий и оживленный — которому все собравшиеся отдали должное, танцуя до упаду. Когда он закончился, запыхавшаяся и радостная гурьба дружно повалилась на пол в поклоне, и, повторив несколько коротких молитв, оживленно расселась длинными рядами. Это была желанная кульминация праздника, благодаря которой в определенных кругах он уже широко стал известен как «Воскресный пир любви»: несколько преданных шли по рядам, накладывая из ведер на тарелки пирующих роскошные блюда традиционной индийской кухни. Уже неделю Эдди питался горсткой пресного коричневого риса и вареных овощей на ферме отца, а полтора последних года — и вовсе поддерживал душу в теле лишь тремя плодами инжира в день. И тут, не успев опомниться, он обнаружил перед собой гору экзотических яств. Таинственные ароматы наполняли воздух и кружили голову.

Эдди охотно набросился на еду: маслянистый желтый рис с зеленым горошком и орехами, овощное карри, еще одно блюдо из овощей с жареными сырными кубиками, пакоры из цветной капусты и пряная, острая приправа; холодный, густой сладкий рис и горячая, «самая невероятная на свете клубничная халава», а также другие изумительные блюда. Когда он съел все, что было на тарелке, ему предложили добавки — еще, и еще, и еще, так что благодаря трансцендентно-всепривлекающим качествам кришна-прасада в конце концов наш герой съел целых пять полных тарелок, в том числе двадцать больших, хрустящих, жареных в гхи пападамов.

Много позже он со слезами на глазах вспоминал:

— Я подумал, что Кришна — наверняка очень милостив, потому что я ничем на заслужил такой доброты к себе. Преданные были такими заботливыми и внимательными: с такой любовью раздавали прасад, снова и снова предлагали добавку и улыбались!

Юноша был очарован.

Пока он, разомлев, дожевывал последние кусочки пападама, в комнате уже почти никого не осталось. Один из раздатчиков подошел и с неизменной улыбкой спросил:

— Не хочешь ли заняться преданным служением?

«Преданным служением»... Это звучало столь экзотично и привлекательно.

— Конечно! — радостно отозвался Эдди. — Спрашиваешь! Кто же не согласится!

— Отлично! Тогда за уборку!

Эдди решил, что они вымоют пол, чтобы алтарную можно было закрыть, но оказалось, что в программе — еще один киртан, и когда преданные быстро убрались, все, кроме пары мойщиков посуды в кухне, вернулись обратно. Пение и танцы возобновились с небывалой силой!

Киртан длился (как потом оказалось) еще целых три часа, то усиливаясь, то затихая, и время, казалось, остановилось, а потом, через вечность, снова устремилось вперед все ускоряющимся потоком безудержного веселья и дружным хором молодых голосов, который взлетал все выше и звучал все громче и громче. На волнах мантры Эдди совершенно

забылся. Пение имени Кришны и танцы были невероятно сладостными и пленительными!

— Преданные тут же собрались и снова стали петь, и пели еще три часа. Все это время глаза мои были закрыты, и я просто танцевал, танцевал и танцевал... Чувство, переполнявшее меня, было совершенно экстатичным и блаженным! Когда киртан закончился, я открыл глаза и вдруг увидел весь мир исполненным духовного сияния, ярким и удивительным! Это было просто невероятно!

Поглощенный киртаном, Эдди полностью отрешился от времени, от своего тела и всего окружающего. И только сейчас, когда пение завершилось, он вдруг почувствовал боль: от долгих и энергичных танцев подошвы ног покрылись волдырями и саднили.

Пару дней спустя, Эдди снова сидел вечером за кухонным столом на ферме и читал «Гиту».

— Папа! — крикнул он, — только послушай!

— Что? — скептически отозвался Арт.

Эдди с восторгом зачитал несколько предложений вслух и воззрился на отца, чтобы услышать его впечатление об услышанном.

— Не пичкай меня всеми этими «свами», — с раздражением проворчал Арт. — Ты просто не знаешь, что я уже читал «Бхагавад-гиту». Еще до того, как ты на свет появился...

В колледже Арт читал «Гиту» в изложении Свами Вивекананды. Книга была пропитана майявадой, философией имперсонализма, и по словам Эдди, «... не принесла ему особой пользы, поскольку он продолжал грешить направо и налево».

Оставив несговорчивого отца в покое, юноша взял четки и переключился на повторение мантры. Теперь, когда он яснее представлял, как ими пользоваться, ему хотелось снова попытаться повторить шестнадцать кругов. То была ночь перед Пасхой; уже после десяти вечера он закрыл глаза и приступил.

— Я был полностью заморожен мантрой и абсолютно ею поглощен. Удивительный опыт той ночи произвел на меня огромное впечатление: когда закончил все 16 кругов и открыл глаза, к моему изумлению уже настало утро. Я и не заметил, как пролетело время. Это событие стало решающим. Я понял,

что значит вручить себя наставлениям духовного учителя и прочитать предписанные шестнадцать кругов. И в ту минуту я окончательно решил, что пришло время перебраться в храм.

«Завтра» наконец-то наступило.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Я решил переехать в храм, — сказал Эдди отцу следующим утром.

Арт тут же нахмурился, и юноша добавил:

— Ну, может быть, всего на неделю или две, чтобы понять, действительно ли они живут философией, которую описывают их книги.

Арту не понравилась эта затея, и они стали спорить, приводя друг другу всевозможные доводы, но очень быстро стало ясно, что Эдди тверд в своем решении.

— Ладно, что поделать, — сказал Арт, — но, по крайней мере, я не позволю тебе уехать автостопом. Я сам отвезу тебя.

По дороге они снова рассмотрели все «за» и «против». Арт спросил, не ограничивает ли Эдди свою возможность испытать жизнь во всей полноте, ступая на монашескую стезю.

— Внешне может так показаться, — пояснил Эдди, — но на самом деле этот шаг открывает для меня дверь в безграничное!

Арт оценил такой довод и был вынужден согласиться. Видимое ограничение внешней деятельности может увеличить внутреннюю свободу и открывает новые горизонты. По крайней мере, Эдди не шел у кого-то на поводу слепо.

Они прибыли в храм в самый разгар воскресного «Пира любви», присоединились к киртану, а затем отдали должное изысканному прасаду. Прощаясь, Арт сказал: «Сын, если тебе понадобится помощь, ты знаешь, где нас найти. Мы всегда тебе рады».

Ту ночь Эдди провел в мужском ашраме, в большой комнате на третьем этаже, где на полу, почти вплотную друг к другу спали двадцать человек. На грани между сном и явью ему открылось нечто удивительное:

— Внезапно меня окружили ангельские, святые существа. Я не мог понять, кто они и откуда: то были яркие, сияющие божественные личности, которые увещевали меня принять духовную жизнь со всей серьезностью. По-

очередно каждый из них приводил мне множество аргументов, настойчиво убеждая меня снова и снова, что это — золотой шанс, который выпал мне в этом рождении: возможность уйти в духовный мир. Окружив меня, они повторяли вновь и вновь: «Ты должен остаться, ты должен остаться, ты должен остаться и никогда не уходить!»

Эдди был уверен, что увиденное не было просто сном, и понял, что ему выпал редчайший шанс.

— Видение было настолько живым и ярким! — делился он позже, — Оно произвело на меня такое впечатление, что на следующее утро я решил, что никогда не покину Движение Сознания Кришны. Эти святые (которых я считаю предшественниками ачарьями нашей сампрадai) убедили меня, что в предыдущих жизнях я совершил ошибки и потому вынужден был родиться снова, и что нельзя больше оставлять общества преданных, ведь это мой шанс вернуться домой, обратно к Богу. Я собирался пожить в храме с неделю, но после этого случая решил остаться навсегда.

В тот день произошло событие, которое еще совсем недавно даже представить было бы невозможно: Эдди попросил преданных сбрить его длинные пламенно-рыжие волосы, оставив только вайшнава-шикху, пучок волос на макушке, похожий на флаг на верхушке храма. Поскольку волосы были очень длинными, то и шикха тоже свисала сзади до пояса.

— Ой, ну и длиннущая у тебя шикха! — воскликнул лидер санкиртаны. — Нам придется укоротить ее по меньшей мере вполовину.

Так они и сделали.

— Это было, — вспоминал он со смехом годы спустя, — начало конца моей шикхи, которая с годами почти совсем сошла на нет! Но я почувствовал, что освободился от ложного отождествления себя с телом.

Много позже ему приснился сон, в котором он каялся перед Шрилой Прабхупадой в своей никчемности, на что его духовный учитель отвечал полшутя, но и серьезно: «По крайней мере, ради меня ты остриг свои длинные волосы».

— Это было очень сильно.

Каждое утро Эдди просыпался вместе с другими преданными задолго до рассвета, чтобы начать день с мангала-арати, утренней церемонии поклонения, которая проходила в алтарной. Два десятка молодых брахмачари и несколько девушек, живших в храме, пели маха-мантру и танцевали, пока шел традиционный ритуал: изображению Чайтаньи Махапрабху и четырех Его божественных спутников подносили благовония, лампаду с огнем, воду в раковине, ткань и цветок и обмахивали Их опахалом. Затем Эдди вместе с остальными повторял на четках шестнадцать кругов Харе Кришна мантры, «приветствовал» Божеств во время церемонии арати, и, наконец, слушал утреннюю лекцию, где один из вайшнавов читал для всех присутствующих стих из «Шримад-Бхагаватам» и объяснял его.

Однажды утром лекцию читала Ананга Манджари. Когда пришло время вопросов, Эдди поднял руку:

— Как оставаться отрешенным и твердым в своих обетах?

Он бросил все, чтобы уйти в храм: Джулию, свою карьеру музыканта, все свое имущество — и был уверен, что должен остаться в храме навсегда, но ему нужен был совет, как удержаться на этом пути и достичь успеха.

— Это похоже на пост в день Экадаши, — отвечала девушка. — Если собираешься поститься, зачем идти на пир?

Он принял эти слова со всей серьезностью и в будущем нередко повторял их другим, особенно молодым преданным. Он понял, что если человек намерен следовать обету отречения, ему нужно сознательно избегать всего, что может навредить его служению на пути к Богу, набравшись твердой решимости достичь высшей цели.

Он также продолжал читать и изучать книги Шрилы Прабхупады.

После лекции, около 8 утра две девушки начинали готовить завтрак, а остальные выходили на уличную хари-нама-санкиртану, чтобы вдохновенно петь Харе Кришна маха-мантру и танцевать под звон каратал и рокот мриданг. В утренний час пик они проходили шесть городских кварталов до центрального делового района города, где одабривали Святыми Именами толпу из тысяч спешащих на работу людей.

Преданные на харинаме, начало 70-х

Когда утреннее оживление спадало, процессия разворачивалась и так же с пением возвращалась обратно в храм. Преданные завтракали, а уже к 10 снова выходили на улицы, захватив с собой обед — булочки, намазанные сливочным маслом с финиками, медом и орехами. Разделившись на группы, которые поочередно пели и распространяли журнал «Обратно к Богу», они целый день проводили в Джорджтауне или на широких аллеях между памятником Вашингтону и зданием Капитолия, куда сходились толпы туристов.

Преданные на харинаме, начало 70-х

Преданные на харинаме, начало 70-х

Так вайшнавы ежедневно пели по двенадцать-четырнадцать часов и возвращались в храм не раньше девяти или десяти вечера. Затем, пока кто-то читал вслух истории из книги «Кришна», они подкреплялись горячим молоком и легким прасадом и сразу ложились спать. Режим был, как вспоминал Аиндра:

— ...утомительным, но блаженным. Все вращалось вокруг киртана — мы целыми днями пели хари-нама-санкиртану, и тут же распространяли книги и раздавали листовки с приглашением на воскресную программу и тиф. Это было просто здорово!

В один из первых дней на санкиртане кто-то из преданных протянул ему мридангу и попросил вести киртан.

— Хорошо, — согласился он, взяв барабан, — но как на нем играть?

Преданный показал ему простой ритм: Бум-бум, бам-бам, бум-бум, бам-бам...

– *И это был единственный ритм, который я знал и играл еще в течении долгого времени, — вспоминал он.*

Неделю Эдди блаженно пел нама-санкиртану в обществе вайшнавов, а затем случилось нечто невероятное, оказавшее огромное влияние на его дальнейшую жизнь:

– *Однажды вечером, когда все уже спали, я лежал с открытыми глазами и дремал; я еще не успел заснуть, но уже и не бодрствовал. Это было на грани сна и яви. И вдруг я услышал доносящийся издали удивительный звук. Он был невнятным, но чрезвычайно притягательным – невероятным, неземным! Я ничего подобного в жизни не слышал – звук не отсюда, а из другого измерения, совершенно трансцендентный. Он становился все громче и громче, как будто приближался.*

Сначала мне не было видно, откуда он исходит, а затем я понял – звук будто доносился из ожившей картины. Как картины передают перспективу, чтобы создать впечатление переднего и заднего плана – то была словно прекрасная многомерная картина, представшая передо мной. Я увидел некий радостный и сумасшедший бег – гурьба пастушков вместе с коровами и телятами неслись ко мне откуда-то из-за стены и сквозь стену. Впереди мчались Кришна и Баларама. Все это происходило в другом измерении, не ограниченном этим физическим миром: я видел духовную реальность, как она есть.

Я слышал топот тысяч и тысяч ног, звон колокольчиков на лодыжках у мальчиков-пастушков, стук копыт несметного количества коров и телят, гудение буйволиных рожков, смех – всевозможные неизмеримо радостные, совершенно блаженные звуки веселья и торжества. Мальчики, коровы и всевозможные существа бежали, играли и радовались. Я слышал, как Кришна играл на Своей флейте, а мальчики-пастушки – на своих. Кришна и Баларама бежали впереди, а тысячи тысяч друзей мчались вдогонку, пытаясь Их поймать, радостно неслись вместе с Ними. Звук был неописуемо блаженным и по мере приближения его блаженная природа все сильнее и сильнее влияла на меня – ощущение ананды в моем сердце все возрастало!

Казалось, что они летели в полутора-двух метрах над полом, на котором я лежал. Они будто бежали по стеклу и я видел подошвы их стоп. Кришна и Баларама в окружении бесчисленных мальчиков-пастушков спешили издалика и пробежали надо мной, и в это время Кришна с чарующей улыбкой посмотрел на меня сверху вниз. Играя на флейте, Он кинул на меня Свой обворожительный взгляд из того измерения надо мной, посмотрел мне прямо в глаза с невероятным состраданием. Мое сердце переполнилось влечением к Нему. Своим взглядом Он приглашал меня присоединиться, как бы говоря: «Разве ты не хочешь просто быть со Мной? Что еще может сравниться с этим?»

Я ясно слышал Его флейту, по-настоящему слышал ее, и я внимал Его игре. Это был звук совершенно невероятный — сладостный и ошеломительный. Я с ног до головы покрылся испариной от увиденного. Все они смеялись, бурлили восторгом и гнались за Кришной, — это было потрясающее, завораживающее

зрелище. Кришна посмотрел на меня с такой любовью! Это откровение переполнило меня чистейшим блаженством, анандой, и я потерял сознание.

И когда я проснулся на следующее утро, то ясно помнил все происшедшее. Мне хотелось с кем-то поделиться, но я боялся, что меня сочтут сумасшедшим. Однако я знал, что это было реальным – гораздо более реальным, осязаемым, настоящим, чем что-либо испытанное мною в окрдающем мире. Увиденное целиком и полностью убедило меня, что Шрила Прабхупада очень и очень могущественен, и что это Движение – очень могущественно и подлинно, а не так, что нас просто решили «прокатить», а в конце жизни мы поймем, что когда ты умер – на этом конец. Прошла всего одна неделя хафинама-санкиртаны в обществе преданных, но благодаря этому событию я уже осознал: Кришна – это высшая реальность, и Он в самом деле существует, что это не миф, ведь я увидел Его лицом к лицу, глаза в глаза. И, должен сказать, один этот удивительный опыт заставил меня посвятить свое сердце и душу лотосным стопам Кришны и твердо решить, что я никогда, никогда, никогда не оставлю прибежища Его лотосных стоп.

Это событие оказало решающее влияние на Эдди. Он бережно пронес дорогую сердцу память о нем через всю жизнь и много позже эмоционально, в подробностях описывал его со слезами на глазах, убеждая преданных в могуществе движения Шрилы Прабхупады – Движения Сознания Кришны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Президент храма Дамодара видел, что Эдди был прирожденным брахмачари: «с бьющим через край энтузиазмом и всегда готовый делать больше. Казалось, для него никогда и не было иной жизни, кроме жизни преданного Кришны. Он просто упивался ею».

Иногда во время киртана Эдди играл на флейте.

— Раньше я играл на флейте в школьном оркестре, поэтому когда примкнул к Сознанию Кришны, естественно, тоже стал на ней играть во время киртана. Еще когда я впервые пришел на воскресный тир, я играл, пока все остальные пели и танцевали. Но, поскольку я любил джаз, то старался сделать свою игру изощренной, и мои трели порядком выбивались из общей канвы, чем сводили с ума президента храма. Раза после третьего он отвел меня в сторону и сказал: «Бхакта Эд, лучше тебе просто играть пока на караталах или мриданге и петь с преданными. Очистившись, ты однажды сможешь услышать флейту Кришны и сможешь понять, как она звучит. Кроме того, ты же не можешь одновременно играть на флейте и петь «Харе Кришна».

Эдди не признался, что уже слышал флейту Кришны в своем видении, но в последнем доводе определенно был смысл, поэтому он отложил инструмент в сторону и попытался сосредоточиться на воспевании.

На воскресных программах преданные иногда устраивали театральные представления на духовные темы. Однажды Ананга Манджари, которая занималась этими постановками, предложила Эдди сыграть роль в спектакле о жизни Господа Рамачандры, но тот застенчиво отказался.

— Возьми хотя бы совсем маленькую роль, — настойчиво просила она.

— Какую?

— Мне нужны несколько горожан Айодхьи. Почему бы тебе не сыграть одного из них?

Ей пришлось уговаривать Эдди, но в конце концов он согласился на роль одного из жителей в толпе, умолявших Раму не покидать родной город.

У Эдди была всего одна строчка: «Крысы заполняют город!» Но он так сильно стеснялся, что во время репетиций его было едва слышно. Снова и снова Ананга Манджари просила его говорить громче и с большей уверенностью.

Однако во время киртана он чувствовал себя куда уверенней. Киртан был его призванием, поэтому преданные нередко просили Эдди петь, особенно рано утром, во время мангала-арати. С присущим ему музыкальным талантом и тактом, Эдди удавалось устраивать киртаны зажигательные, но в то же время не оглушающие, дабы соседи, жившие (и в эти утренние часы еще почивавшие) по другую сторону стены храмовой комнаты, не выходили из себя.

Одним из молодых юношей в храме был Шрутадев, с которым Эдди быстро подружился. Их объединяла любовь к живым киртанам с энергичными танцами, особенно после воскресного пира. Шанкара Пандит, который поселился в ашраме немного позже, вспоминал, как его впечатлило неистощимое воодушевление Эдди и его погруженность в санкиртану. Услышав, что юноша увлекался игрой на гитаре, Эдди по-

ведал о своем богатом музыкальном прошлом успешного гитариста, но тут же серьезно заметил: «Я с легкостью оставил все это позади ради блаженства киртана с мридангой и караталами. Поверь, это намного круче!» Эдди любил делиться своим духовным опытом с гостями, всегда долго и терпеливо отвечал на вопросы, был полон симпатии и светился радостной улыбкой, поддерживая других и заражая их своим вдохновением. Он очень серьезно относился к пению Святых Имен и, кроме того, его любимым занятием было распространять журнал «Назад к Богу». Когда-то, в начале своего духовного пути он с робким любопытством рассматривал его страницы с поучительными статьями и экзотическими иллюстрациями, а теперь сотнями раздавал их за небольшие пожертвования прохожим на тротуарах и водителям на перекрестках дорог, когда машины останавливались на красный свет. Вскоре он стал лидером храма по распространению журналов, что еще больше окрылило его.

У ИСККОН уже было много центров и тысячи преданных по всей Америке и Европе, и Шрила Прабхупада к тому времени редко принимал непосредственное участие в жизни каждого из храмов. Теперь он, зачастую находясь на другом конце земли, принимал новых учеников по рекомендации местных лидеров: его письма содержали духовные имена для новоиспечённых кандидатов и указания руководителям местных храмов провести необходимые церемонии инициации.

16 января 1974 года Прабхупада написал Дамодаре:

Я принял в ученики рекомендованных тобой преданных. Их духовные имена таковы:

Эдвард Страйкер, Аиндра дас

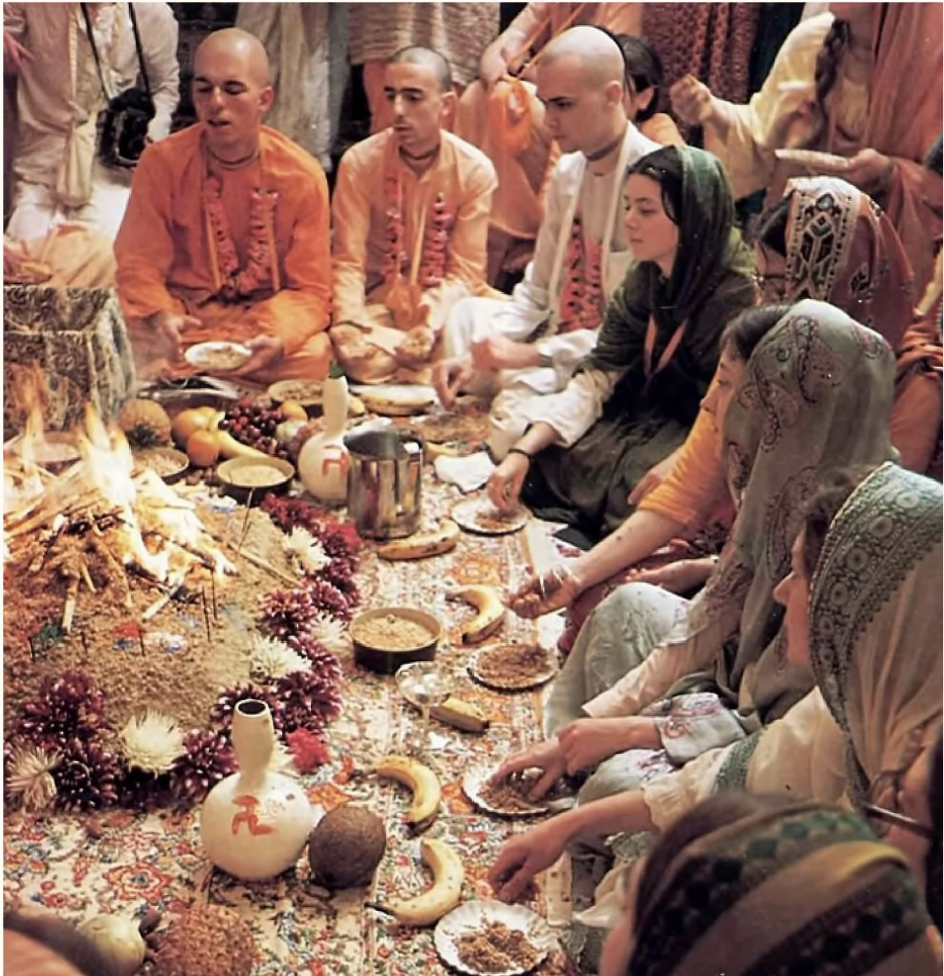
Нил Калмйер, Ниламбара дас

Джеймс Мачуга, Джагара дас

Памела Мачуга, Падма-малини деви даси.

Теперь проинструктируй их со всей серьезностью о принятых ими обязательствах. Когда они обещают не нарушать четыре запрета и ежедневно повторять шестнадцать кругов – это значит, что они безукоризненно будут следовать

обетам. Ты можешь провести огненное жертвоприношение и предупредить их, что за нарушение обета, данного перед Божеством и духовным учителем, каждый понесет наказание – так же, как лжесвидетельство наказуемо в суде. Однако если мы просто следуем этим наставлениям, духовная жизнь становится очень легкой, и мы можем уже в этом воплощении вернуться в духовный мир, к Кришне, в чем и состоит совершенство человеческой жизни. Можешь отправить их четки Киртанананде Махараджу, чтобы он их начитал.

Церемония инициации в храме, начало 70-х

Аиндра получил посвящение в храме в день установления Божеств Радхи-Кришны. Несколько месяцев спустя, во время праздника в честь установления Божеств Гауры-Нитая, Прабхупада дал ему второе посвящение, даровав гаятри-мантры, принятые в традиции гаудия-вайшнавов, через звукозапись на кассете.

К тому времени Аиндра уже был старшим брахмачари в ашраме. Как сказал Амара, тогда еще новый бхакта: «Аиндра поразил меня с первой встречи. Я сразу понял, что он смиренный преданный Господа Кришны и серьезный ученик Шрилы Прабхупады».

Уже тогда Аиндра был щедр на наставления и прямолинеен в своей критике.

– Он дал мне много важных наставлений, – с благодарностью вспоминал Амара, – и всякий раз, когда я делал что-то не так, он тут же поправлял меня. Нужно было научиться много чему новому, он был очень требователен во время своих киртанов, все должно было быть именно так, как надо. Сначала это несколько раздражало, но он был так смиренен и настойчив, со сложенными ладонями утешая меня делать все правильно и с душой. Он очень серьезно относился к преданному служению. Если ты по какой-либо причине забывал или не мог исполнить наставление, он становился очень строгим. Когда Аиндра прабху был в ашраме, все брахмачари ходили по стунке!

Получив второе посвящение, Аиндра теперь мог служить Божествам на алтаре в качестве пуджари, священнослужителя. Он в первую очередь всегда считал себя преданным санкиртаны, поэтому поначалу сомневался, но руководители храма ободряли его.

Амара: Однажды Аиндра остался в храме, чтобы провести свое первое арати. Он отнесся к этой задаче чрезвычайно серьезно: тщательно изучал всевозможные мантры, необходимые предметы и другие тонкости. Он нервничал, поскольку очень боялся оскорбить главных Божеств храма, Шри Шри Радху-Мадана-мохана.

Шри Шри Радха-Мадан-мохан

Когда занавес открылся, Аиндра был весь в испарине! Было видно, как он дрожит, изо всех сил стараясь учесть все нюансы, ничего не упустить и провести церемонию арати правильно. Он был необычайно серьезен. Его первое арати, которое обычно длится около двадцати пяти минут, заняло больше сорока пяти! Вот как внимателен он был в поклонении своим возлюбленным Божествам, стремясь устроить все для Них идеальным образом.

Утром Аиндра одевал храмовых Божеств, затем выходил на распространение книг и возвращался обычно около полудня, чтобы подать Им обед и предложить арати. Пока Божества вкушали, он повторял свои гаятри-мантры, а затем, в оставшиеся несколько свободных минут осваивал игру на фисгармонии. Склонившись над ней, он осторожно качал меха левой рукой, а правой неуверенно подбирал на клавиатуре мелодии вайшнавских песен и молитв.

Неподалеку от Вашингтона, в городе Делаплейн преданные основали ферму. Как-то весной следующего года Аиндра, который распространял в этом районе книги, решил заехать туда по дороге. Когда Аиндра прибыл, на ферме были только Амара и Агхари.

– Мы показали ему наших коров и провели его по всей ферме, – рассказывал Амара, – и тогда у Аиндры возникла идея искупаться в коровьем навозе. Нам также было любопытно и хотелось попробовать это, поскольку согласно ведической науке омовение в чистом свежем коровьем навозе сильно очищает. Агхари собрал свежий навоз, который еще не касался земли, прямо из-под коровы, и все разделись до нижнего белья и намазались им с ног до головы, включая лицо и шикхи. Аиндра даже прополоскал навозом рот – ни Агхари, ни я не зашли так далеко. Аиндра всегда и во всем шел до конца и проявлял больше всех самоотдачи.

Во время церемонии второго посвящения Аиндры в храме гостил Вишнуджана Свами, горячо любимый всеми молодой духовный лидер, санньяси и легендарный голос путешествующей группы санкиртаны «Радха-Дамодара». Они колесили по многочисленным поселкам и городам Америки в фургонах и стареньких автобусах «Грейхаунд» с проповедническими фестивалями, киртанами и распространяли книги. По словам преданных, Махарадж отличался «сильной духовной харизмой»

и пел Святые Имена так, будто плакал по Кришне. Ежедневные много-часовые киртаны Вишнуджаны в сопровождении фистгармонии, мриданги и тампуры, неподдельно живые и вдохновенные, неимоверно вдохновляли преданных и возносили их до экстатических высот любви к Кришне. Даже случайные прохожие на улице не оставались равнодушными к его пению, а гостей на программах они приводили в восторг. Другие руководители группы хотели совмещать киртан со сбором пожертвований, но Вишнуджана хотел только петь «Харе Кришна».

Восторженные киртаны Вишнуджаны Свами

Прекрасные Божества Радхи-Дамодары, которые всегда сопровождали молодого Свами и внимали его пению, одаривали своими улыбками и сиянием всех присутствующих.

Вишнуджана Свами с Радха-Дамодарой

Группа «Радха-Дамодара» регулярно проезжала через округ Колумбия, и Вишнуджана знал Аиндру как серьезного преданного и храмового пуджари.

Аиндра вспоминал: Я очень люблю Вишнуджану Махараджа. Он один из моих величайших героев. Однажды он был у нас проездом со своей группой на автобусе Радхи-Дамодары и принялся настойчиво уговаривать меня стать Их пуджари. Но я в то время тешился представлением о себе как об одном из распространителей книг Шрилы Прабхупады на передовой борьбы за спасение обусловленных душ. Я занимался этим уже довольно долго и хотел продолжать. Я слышал, что в обязанности пуджари на одном из этих автобусов входило ежедневно будить Божеств по утрам, омыывать и одевать Их, проводить семь

арати, готовить как минимум три подношения из разных свежих фруктов, а затем вечером – снова переодевать Божеств и ложить Их отдыхать. Это куча служения, и я думал: «Как же я тогда смогу распространять книги, чтобы исполнять желание Шрилы Прабхупады?»

– Да, Махараджа, – отвечал он Вишнуджане, – я хотел бы, но... разве не мешает мне это служение распространять книги?

– Аиндра прабху, – возразил Вишнуджана, – никогда не говори, что хочешь что-то делать, если по-настоящему не настроен делать это. Когда говоришь, что хочешь что-то сделать, а в действительности не делаешь, значит, не хочешь. Если бы ты действительно хотел, ты бы это делал!

– Его слова запали мне в душу, – многократно повторял Аиндра годы спустя. – Этот ответ был поразительно мудрым, он произвел на меня глубокое впечатление и запомнился на всю оставшуюся жизнь. Я думал, как это здорово – никогда не говорить, что хочешь что-то делать, если на самом деле не готов. Не так, что: «Да, знаете ли, я хочу вернуться к Богу, но... как же все мои материальные привязанности, мой многогранный эгоизм, мой эгоцентризм, мое нежелание принять практику бхакти со всей серьезностью?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весной 1975 года Дамодара ушел с поста президента храма, а новый президент принялся всячески склонять всех живущих в храме стать грихастхами — вступить в брак и жить семейной жизнью.

— Аиндра прабху, — сказал он в один прекрасный день, — тебе нужна жена.

— У меня уже была жена, прабху, — ответил Аиндра, вспоминая свою жизнь с Джулией. — Мне пришлось оставить ее, чтобы стать преданным, и это была печальная история. Я отказался от семьи и принял отрешенный образ жизни, и не собираюсь окунаться в это снова.

— Думаю, тебе все-таки нужна жена, — гнул свою линию президент.

— Послушайте, — возразил Аиндра, — я знаю, что вы задумали. Вы хотите женить всех брахмачари. Но я, видите ли, уже женат. У меня одиннадцать жен, и они все неуправляемые. Зачем мне еще одна?

Президент храма недоуменно воззрился, сперва не поняв философскую аналогию с пятью воспринимающими и пятью действующими органами чувств во главе со своенравным умом.

— Прабху, я просто не гожусь в грихастхи и точка. Поэтому оставьте меня в покое! — заключил Аиндра.

Ситуация была патовой, и ни один из них не уступал. С того момента, когда он присоединился к преданным, Аиндра всегда осознавал важность принципа санньясы в практике бхакти и поэтому был настроен весьма решительно. Тогда он предложил выход из положения:

— Вы хотите, чтобы все здесь были женаты, но я не хочу жениться. Тогда я уйду. Я присоединюсь к группе «Радха-Дамодара» Вишнуджаны Свами.

Президент согласился, но попросил его задержаться на некоторое время и позаботиться о храмовых Божествах, пока остальные преданные не вернутся из Индии с ежегодного фестиваля Гаура-пурнимы в Майяпуре. (Аиндра, как всегда, поехать не мог, потому что не распространил достаточного количества книг.)

Он тут же попытался связаться с Вишнуджаной Свами, который также был на фестивале в Майяпуре.

— Я хотел сообщить ему, что наконец решил принять его предложение и присоединиться к группе «Радха-Дамодара», как только храмовые преданные вернутся из Майяпура. К моему большому сожалению, в ответ пришло известие, что Махарадж покинул нас.

Вишнуджана исчез. Никто точно не знал, что с ним случилось, но все думали, что он добровольно ушел из жизни, и больше его никогда не видели.

— Я был очень расстроен по множеству причин, но в первую очередь из-за того, что предвидел — теперь его программа хари-нама-санкиртаны сойдет на нет. Так и произошло... хари-нама-санкиртана постепенно остановилась.

«ИСККОН никогда уже не будет прежним без Вишнуджаны Свами», — сокрушался тогда Аиндра.

А спустя годы он добавил:

— И он никогда уже не был таким, как прежде.

В это время в близлежащем центре ИСККОН в Балтиморе произошла одна неприглядная история, отчего все преданные внезапно разъехались, и храм опустел; некому стало заботиться о Божествах. Аиндра вызвался переехать туда и помочь, пока ситуация не разрешится. Около полугода он был единственным обитателем храма и один делал все необходимое: каждый день утром будил Нитая и Гаурасундара, одевал Их, проводил все арати, готовил подношения и кормил Их. Когда выдавалось несколько свободных минут, он практиковался в игре на фисгармонии и пел киртан.

Однажды в храм зашел живший неподалеку индийский домохозяин и принес с собой маленькие латунные Божества Гауры и Нитая.

— Я дал Их своему сыну, но он со временем перестал за Ними ухаживать. Поэтому я хочу чтобы Вы о Них позаботились, — объяснил мужчина и вручил Божеств Аиндре.

Аиндра внимательно оглядел изваяния со всех сторон.

— Откуда Они у Вас? — спросил он.

— Это «куклы Харе Кришна», — пояснил мужчина.

Шрила Прабхупада хотел так или иначе дать как можно большему числу людей шанс получить милость несравненно сострадательных Гауры-Нитая. С его благословения в середине 70-х президент вриндаванского храма Дхананджая раздобыл несколько сотен пар маленьких Божеств и с тех пор преданные распространяли Их в Америке даже незнакомым людям как «Куклы Харе Кришна» или «Куклы на удачу». Каждый мог просто предложить Им благовоние и сказать: «Намаха!» и «Харе Кришна!» и обрести высшую удачу.

— Я не знаю, как Вас отблагодарить, — сказал преисполненный радости Аиндра.

С тех пор он с неизменной любовью поклонялся этим Божествам каждый день до конца своей жизни.

Божества Аиндры прабху - Гаури-Нитай и Джахнава Девы

Когда в 1976 году, спустя пять месяцев, Лакшми-Нарасимха и несколько других брахмачари наконец добрались до балтиморского храма, они застали Аиндру сидящим с закрытыми глазами перед фисгармонией и погруженным в пение Святых Имен.

Теперь, когда кризис миновал, Аиндре нужно было решать, что делать дальше. Вернись он в Вашингтон, президент храма настаивал бы на его женитьбе. Останься он в Балтиморе, у него было бы мало возможностей проповедовать. Но поскольку он также любил распространение книг и ценил в этом отношении энтузиазм одного из самых известных распространителей, Трипулари Махараджа, юноша решил присоединиться к его автобусу в путешествующей санкиртане «Радха-Дамодара».

Как и все остальные ученики, Аиндра слышал, как доволен был Шрила Прабхупада массовым распространением книг. «Распростра-

няйте ещё больше книг — это доставит мне еще больше удовольствия», — говорилось в письме Гирирадже дасу брахмачари, как и во многих-многих других письмах. Шрила Прабхупада унаследовал такой дух проповеди от своего собственного духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасваги Тхакура, который лично дал ему наставление писать и издавать книги о Сознании Кришны и проповедовать на английском. Замысел Шрилы Бхактисиддханты заключался в том, что если печатный станок занят в издании книг, прославляющих имя, форму, качества и игры Кришны, то он играет роль мриданги, задающей ритм киртану. Однако, в то время как звук обычной мриданги разносится лишь на небольшое расстояние, печатное слово может облететь весь мир и стать брихад-мридангой, великой мридангой.

Когда Аиндра впервые пришел в храм, преданные Кришны каждый день пели на улицах по двенадцать-четырнадцать часов и тут же распространяли книги и журналы. А после воскресной программы — каждую неделю без исключения — они все вместе от души пели и плясали перед Божествами по меньшей мере три-четыре часа в абсолютном блаженстве! Так прошли первые три года его духовной жизни.

Аиндра на харинаме (справа от мридангиста), середина 70-х

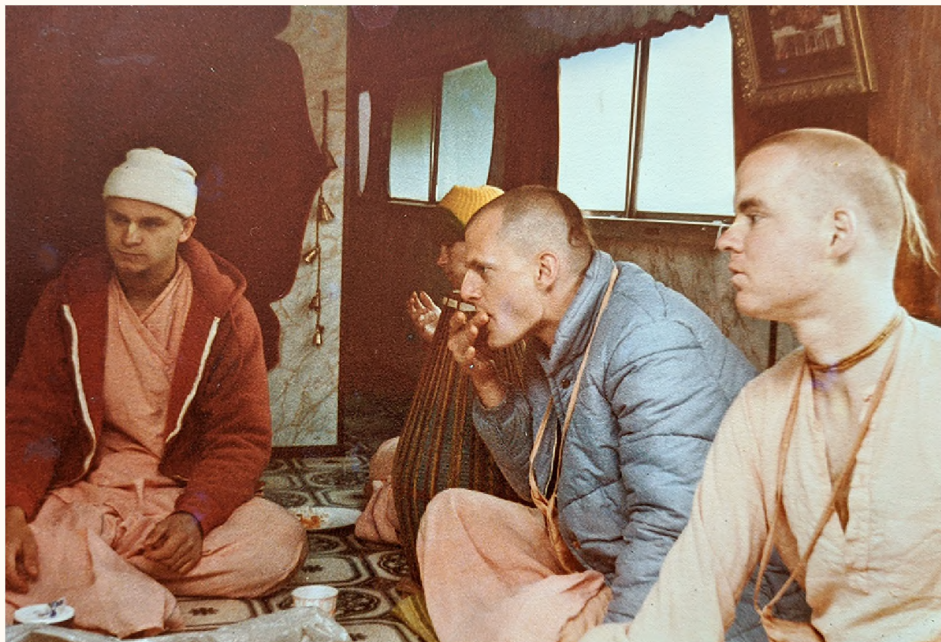

Аиндра на харинаме (первый слева), середина 70-х

Но с тех пор они постепенно стали уделять все меньше времени пению и больше — продаже книг. Санкиртаной теперь называли распространение книг, которому уделяли львиную долю времени и усилий. Это была энергичная, амбициозная программа, где каждая из зон, каждый из лидеров или больших храмов стремились догнать и перегнать остальных, во что бы то ни стало оказаться на первом месте и заслужить похвалу духовного учителя. Своим горячим темпом и настроением она все больше разнилась с прежней, более саттвичной атмосферой распространения книг вместе с хари-нама-санкиртаной, совместным пением Святых Имен, которыми занимался Вишнуджана Махарадж. На протяжении 1976 и 1977 годов лидеры группы «Радха-Дамодара», продвигая концепцию «брихад-киртана», снова, снова и снова задавались целью удвоить распространение — все преданные буквально горели желанием превзойти себя, и атмосфера была чрезвычайно зажигающей. Аиндра также осознавал духовную ценность и важность этих

усилий: как можно шире распространить духовное знание по всему миру и порадовать Шрилу Прабхупаду.

Преданные распространяли книги в рекордных количествах, и Прабхупада высоко ценил и поощрял их усилия. В самые удачные свои дни Аиндра мог распространить четыреста журналов «Обратно к Богу» и двадцать книг. Для него это были неплохие результаты, но они блекли на фоне десятков и сотен больших книг, которые другие энергичные и настойчивые преданные «Радхи-Дамодары» продавали ежедневно, неделя за неделей. Этим лидерам Аиндра казался слишком застенчивым, чувствительным и задумчивым, чтобы быть успешным духовным коммивояжером. Однако, несмотря на это, другие уважали его за неподдельную искренность. Например, Драванакша вспоминал его как «непритязательного, тихого, смиренного распространителя книг, который никогда не рвался в первые ряды, а смиренно выполнял свое служение и не искал признания».

Аиндра в автобусе группы "Радха-Дамодара" (первый справа)

В конце каждого дня и особенно во время «марафонов» — особых, колоссальных усилий продать как можно больше книг; например, в преддверии Рождества — преданные собирались вместе, чтобы объявить результаты распространения книг и денежных сборов, подсчитанных в «баллах лакшми», духовных эквивалентах долларам. Каждый обязан был собрать определенную сумму, а поскольку Аиндре это обычно не удавалось, для него такие мероприятия часто бывали неминуемым уроком смирения.

Однажды вечером прославленный лидер автобуса и старший санньяси объявлял результаты: одни преданные набрали более двухсот лакшми, иные — более трехсот, а пара чемпионов — даже более четырехсот. За каждый оглашенным результатом следовал взрыв бурного ликования: «Харибол!!!»

По мере того, как одно за другим ведущий называл имена преданных, Аиндра все больше нервничал. Наконец он услышал свое имя. Затем — тишина.

— Что это? — недоверчиво спросил руководитель. — Двадцать баллов? Это, должно быть, ошибка?!

Аиндра встал.

— Нет, — потупившись, ответил он, — так и есть. Это мои результаты.

— Не может быть! — возмутился лидер. — В рождественский сезон ты целый день ходил по улицам и собрал всего двадцать долларов?!

Аиндра кивнул.

— Ты что, издеваешься?

Аиндра просто стоял, не решаясь посмотреть грозному санньяси в глаза.

— Ну, — попытался он объяснить, — дело, видимо, в том, что у меня были проблемы с умом...

— Были проблемы с умом? — с насмешкой переспросил Махарадж.

— Наверное мне не хватало решительности...

— Не хватало решительности?!

— Ну, мне было тяжело... и потому... Я присел и стал читать книги. Застыла тишина; никто не смел пошевелиться.

— Наверное, я просто был в майе, — робко заключил Аиндра.

Махарадж стремительно подошел и с размаху отвесил Аиндре пощечину.

— Выбирайся из майи! — громко приказал он.

Прагхош, один из старших брахмачари, безуспешно попытался заступиться за Аиндру и позже подошел к нему, чтобы поддержать и утешить:

— Надеюсь, ты не принял все это близко к сердцу. Не годится так «вдохновлять» кого бы то ни было.

Аиндра только потупил взор:

— Нет, нет, все в порядке, прабху. Было не так уж больно. Кришна учит меня...

В другой раз Аиндра был водителем фургона и по утрам развозил преданных по всему городу, прежде чем сам начинал распространять книги и собирать пожертвования. По этой причине у него было еще меньше времени, чтобы справиться с дневной нормой. Когда вечером он в обратном порядке собрал всех санкиртанщиков и вернулся в храм, на входе его встретил еще один из руководителей, который преградил дорогу и сурово спросил:

— Ты выполнил дневную норму?

— Нет... — потупясь ответил Аиндра.

В ответ рассерженный лидер плюнул ему в лицо, вытолкал за дверь и с грохотом захлопнул ее, оставив Аиндру в наказание дожидаться на морозе следующей группы, возвращавшейся в храм.

Юноша не слишком обижался и старался как мог все равно преуспеть в распространении книг. Много лет спустя, вспоминая случившееся, он беззлобно комментировал: преданные были молоды и страстно желали превзойти себя ради удовлетворения Шрилы Прабхупады. Однако такого рода поступки в конце концов не могли не сказаться на отношениях и возможности служить духовному учителю сообща с любовью и уважением.

Вскоре Аиндру перевели в другой автобус, потом — в третий. Руководители автобусов отфутболивали его, потому что он не показывал высоких результатов. Поэтому, не долго думая, его назначили ухаживать за Божествами — выполнять служение, от которого он раньше отказывался.

Аиндра проводит арати в автобусе группы "Радха-Дамодара"

Каждый из автобусов «Радхи-Дамодары» ежедневно собирал тысячи долларов, и почти все деньги шли на издание книг Прабхупады и другие проекты. Руководители оставляли на поклонение Божествам лишь небольшую сумму, и поэтому пуджари на каждом из автобусов приходилось находить творческие решения, дабы поддерживать необходимый стандарт поклонения. Где же взять цветы, без которых никак не обойтись на алтаре? Конечно, на кладбищах, где красивые венки и букеты всегда были в изобилии! Руководствуясь своеобразной логикой, преданные философски рассуждали: все нужно использовать в служении Кришне, а если предложить Ему цветы от лица умерших — они получают благо. Кроме того, цветы брали у изголовья покойника и предлагали их стопам Божеств (голова умершего как бы склонялась в почтении к Ним), да и просто украшали ими алтарь. С такими благими мыслями, пуджари в каждом новом городе перво-наперво объезжали его в поисках самых больших кладбищ, и отмечали при свете дня самые пышные венки и букеты.

В Луисвилле, штат Кентукки, Аиндра обнаружил большое, огороженное стеной кладбище, расположенное через дорогу от огромного сорокаэтажного жилого комплекса. Днем он прогулялся там с джапой, высматривая лучшие цветы и подмечая различные ориентиры, чтобы потом без помех добраться до них в темноте. Глухой ночью, он вернулся на свою «цветочную санкиртану».

— Я подъехал около двух часов ночи, — вспоминал он, — оставил фургон на парковке жилого комплекса, перешел дорогу и осторожно перелез через забор. Кладбище было погружено в кромешную тьму. У меня был фонарик, но я мог только быстро мигать им, чтобы меня никто не заметил. Я несколько раз на секунду включал фонарик, чтобы понять, где я, и отыскать намеченные днем ориентиры. Я переходил от одной метки к другой, мигая фонариком, затем к следующей — и так далее, пока не добрался до цветов, которые искал.

Обычно я возвращался к забору с огромными охапками цветов и перекидывал их на ту сторону. Потом снова шел, чтобы собрать еще, и снова возвращался и перебрасывал их через забор. Наконец я перелезал обратно и грузил горю цветов в фургон. Но в этот раз кто-то в многоквартирном доме заметил мигание моего фонарика, и, вероятно, решил, что я граблю могилы. И вот когда я уже почти закончил складывать свою добычу в фургон, внезапно изда-

лека взвыли сирены, и меня вдруг окружили множество патрульных машин, сверкающих мигалками. Из них выскочили полицейские с оружием в руках и, целясь в меня, грозно закричали:

– Стоять! Руки на фургон и не двигаться!!

Я обомлел:

– Ой-ой-ой! Господи, вот это я попал!

Полицейские окружили меня и, проверив фургон, обнаружили только цветы. Старший из них подошел ко мне и, нахмурившись, спросил:

– Парень, а ну колись! Чем это ты тут занимаешься?

– Боже ж ты мой! Чтоб мне провалиться, сэр, не подумайте дурного!

– сказал я, изо всех сил подражая простонародному южному говору. – Наша церковь, как бы это сказать... совсем бедная, и у нас даже нет денег украсить алтарь. Сдается мне, мертвецы будут не шибко возражать, если мы возьмем их цветы и предложим Господу.

Начало формы

Конец формы

Как только я выдал: «Мертвецы будут не шибко возражать...», – старший офицер и вся его команда просто зашились от смеха: они хохотали до слез, держась за животы, настолько комична и нелепа была вся эта ситуация. Расслабившись, они спрятали пистолеты, и офицер отпустил меня, напутствовав так:

– Сынок, послушай моего совета: садись в свой фургон, езжай по этой дороге и никогда больше не возвращайся.

Время от времени автобусы останавливались где-нибудь на отдых. Во время одной из таких передышек в пенсильванском проповедническом центре искусный повар по имени Чхота Харидас приготовил на воскресный пир для Гауры-Нитая восхитительнейшие сладости: большие расагулы плавали в карамелизованном стуженном молоке со сладкими специями. Аиндра, будучи пуджари, вставал раньше всех. Прежде чем разбудить Божеств, накормить Их и провести церемонию мангала-арати, он повторял несколько кругов маха-мантры на четках. Во время омовения его не оставляли мысли о волшебных сладостях со вчерашнего пира – кажется, осталось еще целых пол-ведра! Он тут же отправился на кухню, где повсюду стояли емкости с остатками прасада, нашел желанное ведро

и... О, Кришна! Кое-кто добрался до него раньше: в карамельно-молочном нектаре головой вниз плавала большущая, упитанная крыса!

«Кришна-прасад не оскверняется», — философски рассудил Аиндра. Подкрепленный верой, он решительно вытащил за хвост безвременно почившего соискателя милости, выбрал сверху несколько черпаков сгущенного молока и тут же с удовольствием съел все оставшиеся пол-ведра прасада.

4 июля 1976 года Америка отмечала знаменательную годовщину — 200-летие провозглашения независимости. Столица готовилась к пышным торжествам и ожидала рекордное количество гостей. А 6 июля исполнялось 10 лет со дня официальной регистрации ИССКОН Шрилой Прабхупадой — события, на первый взгляд более скромного, но, тем не менее, духовно гораздо более глубокого и значительного. Воспользовавшись такой замечательной возможностью для проповеди, сотни преданных путешествующей санкиртаны «Радха-Дамодара» собрались в Вашингтоне на встречу со Шрилой Прабхупадой, который ежедневно вел программы для тысяч гостей и жителей города.

Хотя Аиндра был инициированным учеником Его Божественной Милости уже три года, он ещё ни разу воочию не видел своего Гуру Махараджа.

Сначала его удивил небольшой рост Прабхупады:

— Я представлял себе исполина, величественную и гигантскую персону, потому что на записях его низкий голос возвещал Абсолютную Истину, нисходящую сквозь века, — внушающий благоговение представитель Верховной Личности Бога. Поэтому я был преисполнен глубокого почтения, чувствовал огромное расстояние, нас разделяющее, и всякое такое. Однако, когда я впервые встретил Шрилу Прабхупаду, я был совершенно поражен. Он оказался совсем невысоким в сравнении с моими представлениями о нем. Это создавало невероятный контраст, поскольку духовная глубина его учения, сила его голоса на аудио-записях и его возвышенное положение внушали трепет, отчего он казался сверхчеловеком.

Аиндра старался держаться как можно ближе к Прабхупаде. При любой возможности он выходил на утренние прогулки и шел в толпе учеников позади своего духовного учителя.

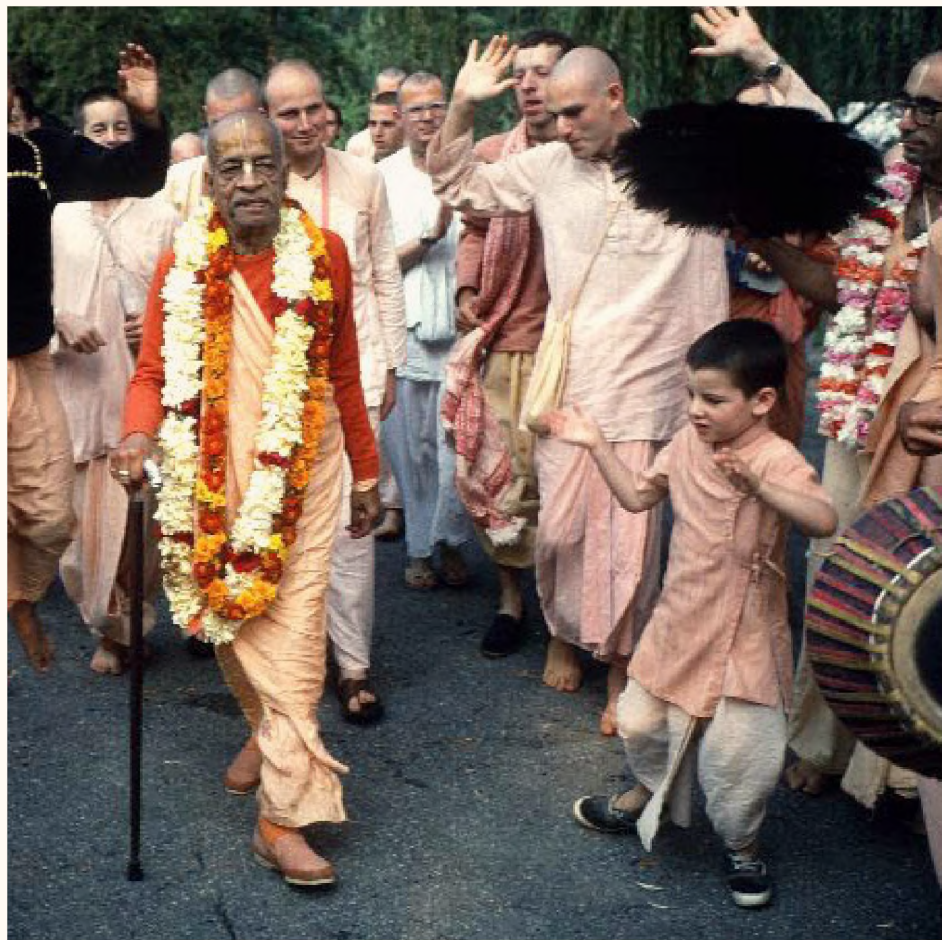

Аиндра со Шрилой Прабхупадой в Вашингтоне (первый слева от Прабхупады), 1976 год

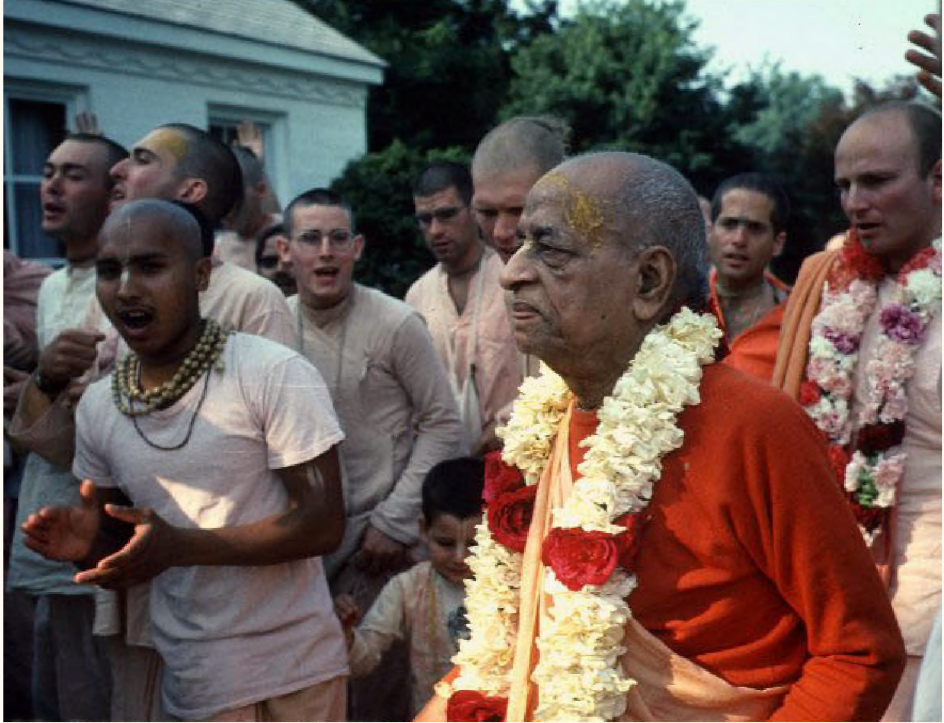
Возвращаясь каждое утро после прогулки, Прабхупада ненадолго заходил в свои комнаты, а затем в сопровождении преданных шел в храм, чтобы приветствовать Божеств. Однажды, пока ученики ждали Прабхупаду под дверью его апартаментов, кто-то из старших повесил Аиндре на шею мридангу и велел петь киртан. В этот самый момент вышел Прабхупада. Аиндра внезапно обнаружил, что идет всего в метре от своего Гуру Махараджа.

– Правду говоря, я почти не умел играть на мриданге, – вспоминал он. – Я не преуспел в этом ни тогда, ни сейчас, но я искренне старался изо всех сил. Я играл простой ритм, схожий по стилю с игрой Акинчана Кришна даса бабаджи Махараджа, и от всего сердца пел «Харе Кришна»,

как я всегда стараюсь делать. Я шел бок о бок со Шрилой Прабхупадой, всего в полу-метре от него, радостно пел во все горло и стучал по мриданге. Мне нечасто выпадала возможность встречаться с духовным учителем, и уж совсем редко – быть рядом с ним. Прабхупада шел и также пел «Харе Кришна». Я был переполнен блаженством и счастьем от того, что иду рядом с ним, пою с ним и слышу, как он тоже поет «Харе Кришна».

Шрила Прабхупада идет в храм, Вашингтон, 1976 год

Шрила Прабхупада идет в храм, Вашингтон, 1976 год

А потом Прабхупада вдруг повернулся ко мне, с присущей ему неповторимой манерой царственно вскинул голову, взглянул на меня с воодушевляющим одобрением сверху вниз – хотя я был немного выше его, – и произнес одно лишь слово, которое остается моей единственной надеждой: «Джая!»

Это единственное слово, которое он сказал мне лично за всю мою жизнь в сознании Кришны, но оно было полно беспредельного вдохновения и силы! За что я получил «Джая!» от Шрилы Прабхупады? Все просто: я совершал хари-нама-санкиртану. Поэтому это слово из уст Шрилы Прабхупады необычайно вдохновило меня. «Джая!» значит «Победа!», поэтому я понимал, что Прабхупада был доволен моей ничтожной попыткой повторять «Харе Кришна» и петь киртан. Так я загорелся желанием посвятить всю жизнь совершенствованию своего пения Святых Имен. Возможно, я не делаю больше ничего, что заслужит «Джая!» от Шрилы Прабхупады, но, по крайней мере, это я делаю.

*Аиндра на гуру-пудже Шрилы Прабхупады в Вашингтоне (справа от руки Прабхупады),
1976 год*

С тех пор я полностью сосредоточился на санкиртане. Для меня это было не просто «Джая!», а «Джая!» моим стараниям поддерживать санкиртану, петь Святое Имя, Харе Кришна, до конца моих дней.

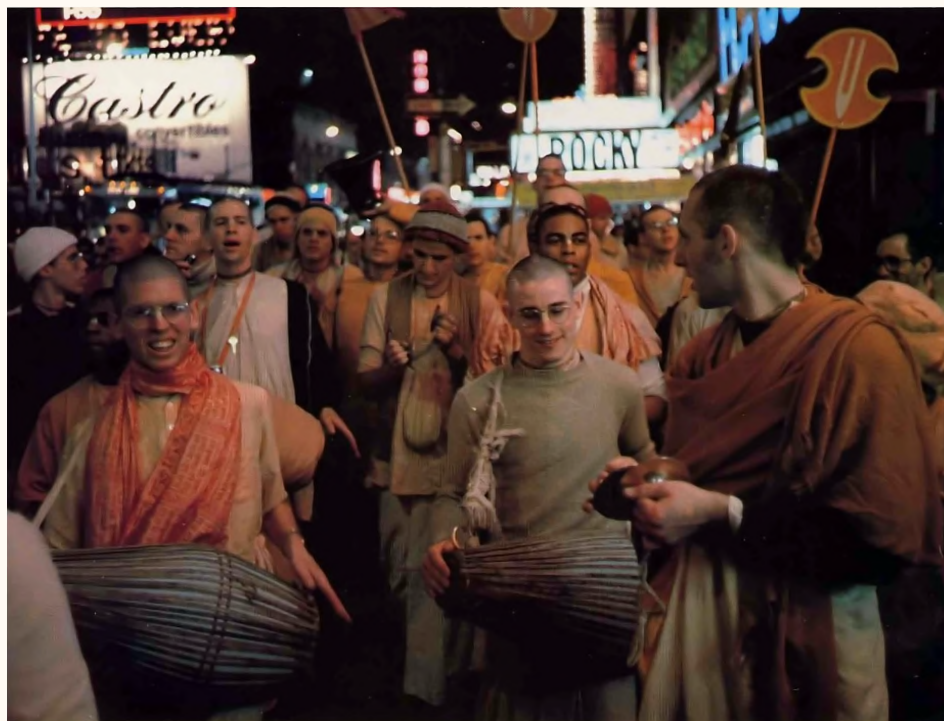
ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хотя визит Шрилы Прабхупады в Вашингтон был редким событием, Аиндра вместе с остальными учениками проводил все время на распространении книг, зная, как это радует духовного учителя. Стремясь увеличить результаты и дотянуться до самых труднодоступных мест, санкиртанщики приняли на вооружение «подпольные» методы распространения — «партизанскую войну», как они это называли.

Они пустились на хитрость и стали выходить на улицы в париках и мирской одежде. Преданные больше не распространяли книги вместе с группой нама-санкиртаны, как это было прежде, и Аиндре теперь гораздо реже удавалось принять участие в совместном пении. Он скучал по живым, громогласным киртанам и всегда старался поучаствовать в маха-харинаме на выходных. Так он жил от воскресенья до воскресенья.

Однажды вечером в центре Джорджтауна — именно там где Аиндра пел с преданными, когда только присоединился к храму — преданные устраивали большое праздничное шествие, маха-хари-нама-санкиртану. Узнав об этом, он тотчас вспомнил о полных духовного блаженства, восторженных киртанах на заре своей духовной жизни и загорелся желанием принять в нем участие. Ему безумно хотелось хотя бы на пару часов погрузиться в пение Святых Имен и танцы в обществе сотен вайшнавов!

Их группа продавала книги совсем неподалеку, на парковке, но руководитель и помыслить не мог о том, чтобы хоть один из распространителей отлучился даже ненадолго.

— Неужели совсем нельзя? — умолял Аиндра. — Ради былых дней? Ради того, чтобы вдохнуть жизнь в мое распространение книг?

Руководитель возразил, что нет служения выше, чем распространения книг; нет ничего важнее, и Прабхупада ясно говорил, что именно распространение книг — это самое главное, поэтому невозможно прекратить сго даже ради киртана. «Что касается санкиртаны и распространения книг, — писал он Тамал Кришне в 1974 году, — и то, и другое должно продолжаться, но распространение книг важнее. Это брихад-киртана».

Аиндра позволил себе заметить, что в данном случае можно было сделать и то, и другое: если он закончит распространять книги немного

раньше обычного, то еще успеет принять участие в празднике. Лидер санкиртаны, однако, воспринял слова Аиндры, как непослушание. Последовал ультиматум:

— Я твой руководитель, и я говорю, что ты не пойдешь на харинаму, а будешь распространять книги своего духовного учителя. Слушай меня: если ты пойдешь на киртан, то тем самым ослушаешься приказа своего руководства; ты совершишь *викарму*, греховное действие, противоречащее ведическим писаниям!

Глава распространителей настаивал, что он — представитель Шрилы Прабхупады, который в свою очередь представляет всех ачарий в гуру-парампаре, ученической преемственности, несущей учение самих Вед.

«Я должен быть смиренным, — думал Аиндра. — Но с каких пор смирение превратили в глупость?»

Он читал и ценил книги Шрилы Прабхупады и посвятил их распространению годы своей жизни. Книги убедили его стать преданным. Он знал, как они важны, и как важно стараться удовлетворить своим служением духовного учителя. Однако он считал, что руководитель толкует наставления Прабхупады превратно. Воспевание Святых Имен — это фундамент, сущность духовной жизни в Кали-югу. Через свое учение в книгах и лекциях, а также своим словом, обращенным напрямую к Аиндре, Прабхупада укрепил его преданность Харе Кришна-киртану, сказав: «Джая!» Но теперь его непосредственный руководитель, запрещал ему принимать участие в киртане, даже ненадолго.

— Именно тогда, — вспоминал позже Аиндра, — я и задумался. Получалась какая-то чушь. С одной стороны, Шрила Прабхупада своим «Джая!» одобрил мою хари-нама-санкиртану, и практически в тот же день старший брахмачари сказал, что, присоединившись в кои-то веки к группе хари-нама-санкиртаны, я совершу *викарму*! «Возможно, я не получу тарелку маха-прасада за распространение наибольшего количества книг, — подумал я, — но, по крайней мере, я смогу получить «Джая!» от Шрилы Прабхупады».

Аиндра припомнил другой знаменательный случай за полтора года до этого. Один из его друзей, Шрутадев, ради вдохновения преданных начал по своей инициативе издавать еженедельный «Бюллетень санкиртаны». Когда он в порыве энтузиазма выслал очередной номер

Шриле Прабхупаде, то через некоторое время к своему удивлению и восторгу получил ответ.

«Аиндра прабху, Аиндра!» — подбежав, Шрутадев схватил товарища за руку: «Только послушай, какой ответ я получил от Шрилы Прабхупады! Тебе понравится!»

Krishna Balaram Landir
Raman Ketii Vrindaban
Mathura Dist U P INDIA

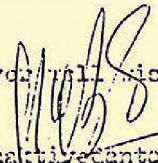
7/8/74

Shruti Seva Das Adhikary
ISKCON
2015 "G" St NW
Washington D C 20009 USA

My dear Shrutadeva das;

Please accept my blessings I am in due receipt of your letter dated August 15th, along with the sankirtana news letter #19, and I thank you very much for it. You can continue sending me these news letters as you publish them weekly. It is this sankirtana which is the life and soul of our movement. Sankirtana and book distribution should go on together side by side. I am always glad when these activities are increasing and my pleasure is always increasing.

I hope this meets you in good health.

Your ever faithful

disciple

A.C. Bhaktivedanta Swami

ACBS/ba/rdb

Письмо Шрилы Прабхупады Шрутадеву

«Мой дорогой Шрутадев дас, пожалуйста, прими мои благословения. Я получил твоё письмо от 15 августа с приложением бюллетеня санкиртаны номер 19, и очень благодарен тебе за них. Продолжай высылать мне эти бюллетени каждую неделю, как только напечатаешь. Именно эта санкиртана – жизнь и душа нашего движения. Санкиртана и распространение книг должны продолжаться вместе бок о бок. Меня всегда радует когда эти виды служения возрастают и вместе с ними моё счастье растёт безгранично» (Из письма Шрилы Прабхупады Шрутадеве, 8 сентября 1974 года).

«Видишь», – восторгался тогда Шрутадев, – «Шрила Прабхупада хочет, чтобы санкиртана и распространение книг продолжались вместе!»

Для Аиндры это стало важным свидетельством того, какова в действительности была стратегия его духовного учителя.

– Я начал видеть вещи иначе, чем некоторые из наших руководителей. Я продолжал уважать всех их как преданных, но моё понимание стало кардинально меняться. У нас появились разногласия, и немалые.

Несомненно, благие вести о массовом распространении книг очень радовали Прабхупаду. Но во многих письмах ученикам он отмечал, что продолжать киртан тоже важно и полезно – хотя бы даже для успешного распространения литературы. Например, в письме Равиндра Сварупе 5 января 1973 года говорилось:

«Относительно твоего вопроса: не лучше ли отправить всех без исключения преданных группы санкиртаны на распространение книг, чтобы никого не оставалось петь на улице? Конечно, не следует понимать значение слова «санкиртана» слишком узко: что это только пение и игра на музыкальных инструментах. Нет, санкиртана означает – совместное прославление Господа. Поэтому если много преданных выходят ежедневно на улицы и в общественные места, чтобы распространять нашу литературу, это тоже санкиртана, даже если никто не поёт. Слушание и воспевание – две важнейших составляющих санкиртаны. Поэтому слушает ли человек наше пение на улице или приобретает нашу книгу и читает её с искренностью,

это одно и то же. Поэтому при необходимости – если недостает людей или городские власти по какой-то причине запрещают пение – можно отправить всех распространять наши книги; потерь в этом нет. Однако все-таки лучше, чтобы несколько преданных громко пели Харе Кришна-мантру на улице. Если поет хоть один человек, или двое, или небольшая группа, это способствует продаже книг. Так что если людей достаточно, и если у нас есть разрешение властей, всегда лучше чтобы хотя бы небольшая группа пела, и при этом как можно больше преданных распространяли книги».

Также в письме Рупануге 4 сентября 1974 года Шрила Прабхупада писал:

«Я очень доволен, что санкиртана в Филадельфии расширяется. Это наша жизнь и душа. Нужно расширять санкиртану как можно больше и проводить ее бок о бок с продажей книг. Тогда наша миссия будет успешной».

И когда в очередном письме Шрутадеву Прабхупада написал, что «распространение книг – это лучший киртан», он тут же снова пояснил: «Конечно, пение не должно прекращаться». (из письма Шрилы Прабхупады Шрутадеве, 24 октября 1974 года)

Аиндра понимал, что воспевание наполняет проповедь силой и убежденностью. «Книги – это основа», но также «чистота – это сила». Чистота рождается из садханы, самая суть которой заключается во внимательном повторении и слушании маха-мантры Харе Кришна.

– Программа Прабхупады, особенно в начале движения, основывалась на нама-санкиртане, – объяснял позже Аиндра. – Он никогда не выступал за то, чтобы распространение книг, как теперь, практически полностью вытеснило нама-санкиртану. Наоборот, в своих книгах и многочисленных письмах ученикам он говорит, что лучше всего вести распространение книг и санкиртану бок о бок друг с другом, а не так, что одно нужно предать забвению ради другого.

В первые годы преданные распространяли журналы и книги и проводили хари-нама-санкиртану вместе

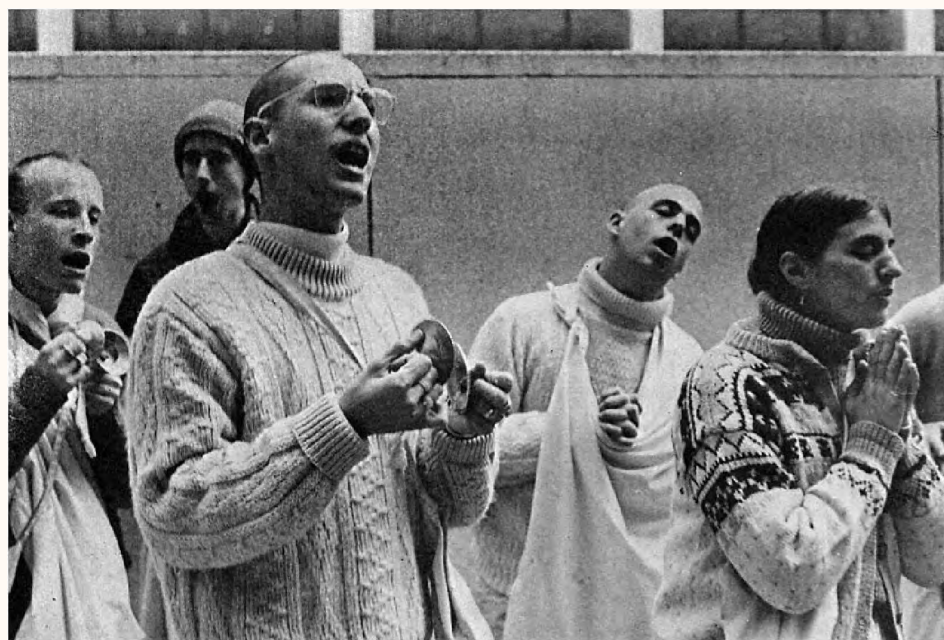
Может показаться, что концепция брихад-киртана отдает приоритет распространению книг в ущерб нама-санкиртане, но следует хорошенько разобраться и понять полный смысл этого утверждения. Распространение книг – это брихад-киртана в том смысле, что книжное слово услышат гораздо больше людей и так оно может охватить более широкую аудиторию... Но... Нама-джапа дарует нам силу и чистоту, благодаря которым мы можем по-настоящему проповедовать сознание Кришны. Может показаться, что нама-санкиртана имеет более ограниченное влияние по сравнению с распространением книг. Однако именно нама-санкиртана наделяет людей силой изменить мир, ведь это – юга-дхарма.

Да, распространение книг, без сомнения, – наше главное занятие. Но почему? Потому что книги прославляют юга-дхарму, нама-санкиртану. Мы распространяем книги о ней, но мы должны продолжать и ее саму, иначе люди, прочитав их, не увидят живого примера того, о чем они читают в книгах, и не смогут принять в этом участия.

В конце 60-х - начале 70-х главным занятием преданных ИСККОН была многочасовая уличная хари-нама-санкиртана и распространение книг.

«Шри Чайтанья Махапрабху Сам показал нам пример. Он не возводил храмы и не устанавливал Божества; Он повсюду распространял движение санкиртаны. Так что проповедники сознания Кришны должны уделять больше внимания санкиртане и прежде всего широкому распространению духовной литературы. Это поможет дальнейшему развитию движения санкиртаны» (из комм. Шрилы Прабхупады к Ш.Б. 7.14.39).

«Движение сознания Кришны распространяется по всему миру благодаря пению и повторению Святого Имени Господа, маха-мантры Харе Кришна, и люди, которые до этого вели бесцельную и беспорядочную жизнь, сейчас ощущают духовное счастье. Они находят умиротворение в санкиртане и потому ценят то высшее благо, которое несет это Движение» (из комм. Шрилы Прабхупады к Ч.Ч., Ади 9.40).

В другой беседе Аиндра говорил о том же:

– Почему Шрила Прабхупада делал акцент на распространении книг? Мы распространяем книги для того, чтобы с философской точки зрения убедить людей присоединиться к движению санкиртаны Господа Чайтаньи.

«Наша цель — пробудить людей по всему миру к сознанию Кришны, сознанию Бога через пение и повторение Святых Имен Господа. Чтобы объяснить нашу философию мы напечатали множество книг...» (из письма Шрилы Прабхупады Яшоматинандане, Гонолулу, 26 мая, 1976 года)

Именно так привлекся и он:

– Я пришел в Движение, потому что мне показались очень убедительными философские доводы на страницах «Ишопанишад», одной из книг Шрилы Прабхупады, которую я прочел. Вот что на самом деле побудило меня предаться — эта книга, потому что в ней говорилось о санкиртане, и в «Бхагавад-гите» также говорилось о санкиртане, о совместном пении «Харе Кришна», ягье этого века. Мы применяли почерпнутое из этих книг знание на практике, ежедневно совершая нама-санкиртану на улицах. Это убедило меня, что в Движении «Харе Кришна» полно жизни. Шри-кришна-санкиртана, жизнь и душа всего трансцендентного знания, была ключом, и каждый мог присоединиться к ней, испытать это на себе. Поэтому я очень расстроился, осознав, что наше Движение по-большинству перестало петь Святые Имена на улицах.

Аиндра видел, что преданные соблюдают только часть указаний Прабхупады, а совместное пение постепенно сдвигается на задний план, а иногда и вовсе прекращается, как что-то ненужное. Было трудно бороться с происходящим или даже подвергать это сомнению, но Аиндру беспокоило, что преданные могут потерять веру в основополагающий принцип — в повторение маха-мантры Харе Кришна, как в наиболее действенный метод и основу всей духовной практики, данной Шрилой Прабхупадой. Более того, без даруемой нама-санкиртаной чистоты и духовной силы и сами книги, в конце концов, также могли перестать быть основой Движения.

— Распространение книг — это сердце и душа Шрилы Прабхупады, — заключал Аиндра. — А нама-санкиртана — это сердце и душа трансцендентного распространения книг.

Очищать сердца благодаря энергичному совместному пению в храмах и на улицах городов казалось ему самым действенным способом создать долговременную прочную основу для распространения книг и сделать проповедь более эффективной. Аиндра страстно желал, чтобы из каждого храма снова выходили бы энергичные и многочисленные группы преданных, которые с энтузиазмом с утра до ночи громогласно пели «Харе Кришна» и тут же рядом неумоимо распространяли сотни и тысячи книг Шрилы Прабхупады — так, как это было во времена его знакомства с Движением Сознания Кришны.

Но когда он высказывал свои убеждения, ему чаще всего отвечали непониманием и отказом.

— Устраивать харинаму? — спрашивали его с сомнением. — Это непрактично, прабху. На пустой желудок не очень-то повоюешь, а распространение книг — это деньги. К тому же, мы проповедники. Мы должны ставить достойные, крупные цели по распространению послания Шрилы Прабхупады, а не просто повторять «Харе Кришна», как бабаджи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

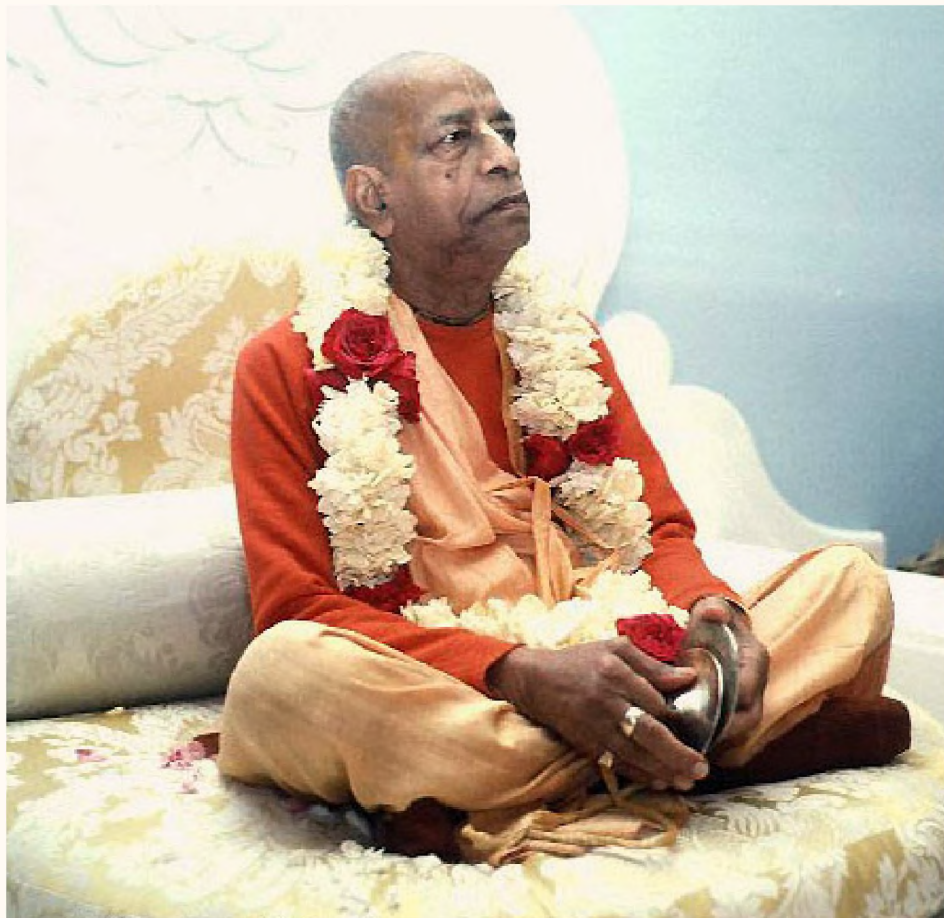
Погостив в Вашингтоне неделю, Шрила Прабхупада отправился в Нью-Йорк на первую проходившую там историческую Ратха-ятру. Группа санкиртаны Аиндры, само собой, тоже собиралась туда. Но прежде им хотелось показать ударные результаты распространения книг.

– Наши дела шли довольно хорошо: книг уходило много, поэтому мой лидер санкиртаны не хотел останавливаться. Охваченный воодушевлением, он все откладывал и откладывал отъезд в Нью-Йорк до последней мыслимой минуты. Я твердил ему: «Ну, пожалуйста! Нам нужно выехать чуть раньше, чтобы приехать живыми и не спать на утренней лекции Прабхупады!» «Нет, нет!» – возражал он. – Если мы приложим дополнительные усилия и принесем жертву ради удовольствия Шрилы Прабхупады, то наверняка сможем понять его лучше! Бхактия мам абхиджанати – слова чистого преданного можно понять лишь через бхакти, поэтому давай проявим еще больше преданности и продолжим распространять книги до триллионадцати часов!» Наконец, примерно в полдесятого вечера, я убедил его, что нам пора ехать.

От Ричмонда до Манхэттена было семь часов езды, и фургон Аиндры подъехал к храму около четырех утра, прямо к началу утренней программы.

– После мангала-арати было время джапы, но Прабхупада отправился на утреннюю прогулку, поэтому мы все попрыгали в фургоны и, чтобы не утратить его машину, помчались на красный свет, лихорадочно повторяя джапу на ходу.

В восемь часов Прабхупада вернулся, сел на व्याсасану и, закрыв глаза, сосредоточенно запел «Джая Радха-Мадхава».

Шрила Прабхупада на व्याсасане в Вашингтоне, 1976 год

Алтарная зала была битком набита преданными. Аиндра с трудом протиснулся внутрь и, с радостным облегчением усевшись у самой двери, обратился в слух. Однако веки его очень скоро стали тяжелеть, ведь он провел ночь за рулем. Аиндра поплыл на волнах дремы под звук голоса Прабхупады, и ему снилось, что он слушает аудиозапись.

– *Послушав лекцию всего минуты две, я начал дремать, поскольку был совершенно измотан. Голос Прабхупады разносился из колонок в алтарной, а мне снилось, что я слушаю запись его лекции на кассете. Я отчетливо слышал каждое его слово и старался ничего не упустить.*

«Собака тоже так думает: "Я — это тело", — объяснял Прабхупада. — Так в чем же разница? Собака думает: "Я — это тело", а я думаю: "Я — индус". Так чем я отличаюсь от собаки? Ничем. Просто тем, что хорошо одеваюсь? Но оденные вы красиво собаку — сделает ли это из нее человеческое существо? Будет разодетая собака, вот и все. Собачьи танцы. Итак, шастра утверждает, что если человек по-прежнему находится под влиянием телесной концепции жизни, то он ничем не лучше животного».

– *Затем я проснулся и осознал, что сижу на лекции перед Шрилой Прабхупадой. И поскольку я все ясно слышал, меня озафило: слушать записи лекций духовного учителя так же важно и ценно, как и непосредственно слушать, сидя перед ним в храме. Так я преисполнился еще большего вдохновения слушать аудиозаписи лекций Прабхупады.*

На следующее утро Прабхупада снова сидел на व्याсасане, и Аиндра, на этот раз выспавшийся и отдохнувший, устроился поближе к нему. После лекции Прабхупаде подали большое, украшенное розами блюдо с печеньем, и сотни учеников в радостном возбуждении столпились, желая получить прасадам из рук духовного учителя. Аиндра мало-помалу пробирался вперед вместе с другими: иногда его несло ближе к Прабхупаде, иногда — немного дальше.

– *Вскоре я уже стоял прямо перед Прабхупадой с вытянутой рукой и мои пальцы касались блюда. Я тянул руку, думая: «Пожалуйста, Шрила Прабхупада!» Все это время преданные получали по печенью и отходили. Моя рука была прямо по центру, почти у него на коленях. Пару сотен преданных в радостном нетерпении сгрудились перед Прабхупадой, и он клал печенье в одну ладонь за другой. Схватив печенье, одна рука исчезала, появлялась другая.*

Шрила Прабхупада раздает прасадам ученикам, 1976 год

Он клал печенье в новую руку, исчезала и та, появлялась новая. Преданных было много и он раздавал прасадам быстро – печенье сюда, печенье туда, печенье сюда, печенье туда; новая рука, новая рука, новая рука – печенье, печенье, печенье... Я мысленно продолжал молить: «Ну пожалуйста, Шрила Прабхупада!»

Тарелка опустела. Слуга забрал ее и подал другую, и Прабхупада продолжал точно так же: печенье сюда, печенье туда... и он продолжал раздавать мимо моей руки. Стало ясно, что он намеренно избегает меня. Я всерьез заволновался: «Ну как же так, Шрила Прабхупада!» На тарелке осталось уже двадцать печений... затем десять, девять, восемь... «О, нет! Пожалуйста, Шрила Прабхупада! Ну, пожалуйста!» Семь, шесть, пять, четыре, три, два, одно... «О-о-о! Шрила Прабхупада!»

Мой духовный учитель отдал последнее печенье, а мне так и не дал ни одного.

«Почему Прабхупада мною пренебрег? — растерянно думал он. — Может я слишком возгордился, считая себя одним из досточтимых распространителей книг? Безусловно, я далеко не самый лучший, но я, как могу, стараюсь служить своему Гурудеву. Наверное он хочет таким образом научить меня смирению?...»

Все это время Прабхупада улыбался, но теперь он в открытую добродушно рассмеялся. Глядя на опечаленную физиономию своего молодого ученика, он погянулся к краю пустого блюда, взял розу и с озорной улыбкой легким щелчком пальцев запустил ее прямо Аиндре в лицо!

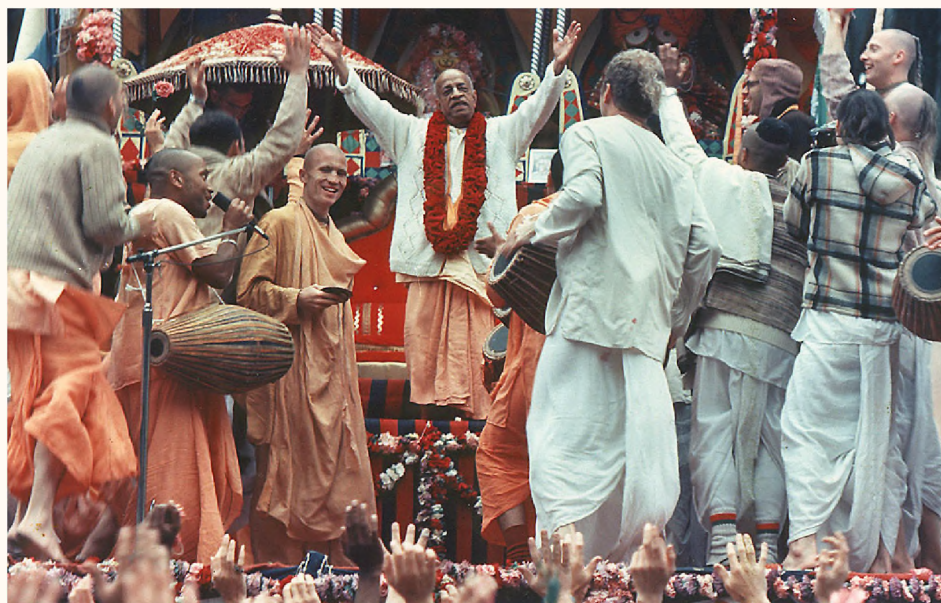
— Прабхупада благосклонно одарил всех, каждый получил печенье, а я тянул руку наравне со всеми и тоже так нуждался в милости! «Как же так, нежели вы не дадите мне и одного печенья?!» — думал я. Но в следующий миг я понял, что со мной он играл в особую игру, и это было просто чудесно! Шрила Прабхупада шутил со мной! Я думал: «Ух ты, вот это да! По крайней мере я гожусь для забавы, духовный учитель может со мной пошутить!»

Прежде мне казалось, что Шрила Прабхупада — эдакий непрístupный духовный великан. Таким я его себе представлял, внимая его наставлениям в книгах и лекциях. Я не понимал личностной стороны Шрилы Прабхупады, пока не увидел, как он играет со мной.

Шрила Прабхупада прибыл в Нью-Йорк в 1965 году лишь с сундуком книг и сорока рупиями в кармане. Он преодолел множество препятствий, чтобы исполнить желание своего духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура и распространить учение «Бхагавад-гиты» на английском языке. Теперь, всего одиннадцать лет спустя, посреди широкой Пятой Авеню, он возглавил грандиозную процессию Ратха-ятры, в которой тысячи преданных, ликуя, пели, танцевали и тянули три огромные, украшенные гирляндами колесницы Джаганнатхи, Баладевы и Субхадры.

Ратха-ятра в Нью-Йорке

Вдохновенный Харе Кришна-киртан разносился среди небоскребов на улице, которую он назвал «самой важной улицей в мире». Аиндра был в восторге! В разгар одного из крупнейших вайшнавских фестивалей, какие когда-либо проводились на Западе, преданные раздали двадцать тысяч тарелок прасада и с пением и танцами триумфально прошли по Манхэттену. Он верил, что для американского Движения Санкиртаны надежда еще не потеряна.

После Ратха-ятры он вернулся к своему служению распространителя книг и снова разъезжал с двумя товарищами по центральному и южному регионам запада США в фургоне, приписанном к одному из автобусов «Радхи-Дамодары». Несмотря на попытки ребят встать рано и придерживаться подобия храмовой программы — киртана, джапы и лекции по «Бхагаватам» — распорядок их дня был (как его с юмором называли ветераны «Радха-Дамодары») «регулярно нерегулируемый», поскольку они все время путешествовали и оставались на санкиртане допоздна. Аскетичные завтраки состояли в основном из того, что им доставалось на благотворительной раздаче продуктов: арахиса и арахисовой пасты, творога и листового салата. Временами Аиндра перед выходом на улицу для храбрости и вдохновения наскоро предлагал Кришне «сладкую бомбу» — около килограмма смешанных вместе меда, фиников, орехов и творога — и, подкрепившись таким образом, с неистовой энергией бегал целый день на парковке у супермаркета и ловил всех выходящих с покупками людей, предлагая им книги.

— А иногда, — вспоминал он, — по утрам я ел печенье. Моей майей были сливочный сыр и печенье «Орео».

После завтрака машина развозила преданных по оживленным перекресткам или парковкам, где они до конца дня распространяли книги прохожим. Вечером они снова собирались в мотеле либо просто в фургоне на парковке. Перед сном трое товарищей читали книгу «Кришна» и пили горячее молоко — совсем как в храме в округе Колумбия, когда Аиндра впервые встретил преданных. Так Аиндра провел 1976 и 1977 годы — колеся по городкам и поселкам и стараясь распространить как можно больше книг своего духовного учителя.

Шрила Прабхупада покинул этот мир в ноябре 1977 года. Эта невосполнимая и не поддающаяся осмыслению утрата наполнила сердца всех его учеников огромной скорбью. Преданные старались найти прибежище в наставлениях духовного учителя и служении ему. Аиндра же преисполнился еще больших опасений. Хари-нама-санкиртана на улицах уже сильно ослабела, но по крайней мере преданные еще распространяли книги Прабхупады.

– После ухода Шрилы Прабхупады важнейший метод, данный нам Шри Чайтаньей Махапрабху – совместное пение Святых Имен – сначала сократили и отодвинули на задний план, а затем и вовсе забросили. В былые времена в округе Колумбия мы обычно совершали санкиртану по четырнадцать часов в день: пели, танцевали и распространяли книги и журналы «Обратно к Богу», и даже издавали «Бюллетень санкиртаны». Мы отправляли Прабхупаде еженедельные результаты распространения, и он отвечал, что получил наш отчет и был «очень рад услышать о результатах вашей санкиртаны и распространения книг».

Более того, в своих книгах Прабхупада писал:

«Движение сознания Кришны основано именно на этом принципе: все время петь и повторять мантру Харе Кришна, как в храме, так и на улице, а также угощать прасадом как можно больше людей» (комм. к Ш.Б., 4.12.10).

«Как преемники традиций Гаудия-мадхва-сампрадаи, все мы, участники Движения Сознания Кришны, должны следовать примеру Нарады Муни и неустанно повторять трансцендентные звуки святого имени: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Мы должны странствовать по всему свету, спасая падшие души звуками мантры Харе Кришна и наставлениями «Бхагавад-гиты», «Шримад-Бхагаватам» и «Чайтанья-чаритамриты». Этим мы доставим большую радость Верховному Господу» (комм. к Ш.Б., 6.5.22).

Аиндра знал, что замысел Прабхупады с самого начала был именно таков: распространять книги в публичных местах и в то же время громко петь Святое Имя, чтобы оба вида санкиртаны поддерживали друг друга.

– Но после ухода Шрилы Прабхупады, в порыве нашего горячего энтузиазма снова и снова удваивать и учетверять распространение книг, мы фактически так и не вернулись к тому, чтобы вместе с продажей нашей литературы петь хари-нама-санкиртану. А затем и распространение книг превратилось в распространение не-книг.

28 декабря 1976 года Шрила Прабхупада писал президенту денверского храма Курушрештхе:

«Еще один открытый храм, еще одна изданная книга — таков успех этого Движения. Без распространения книг стандарт храмового поклонения также снизится. Поэтому и то, и другое должно идти бок о бок. (...) Хорошо, что вы прекратили заниматься бизнесом. Сосредоточьтесь на распространении книг, этого достаточно. Вы не должны отвлекаться ни на какие другие дела».

И все же в охватившей движение лихорадке, преданных вместо распространения книг стали все чаще отправлять на сбор денег или продажу чего-то другого, потому что в конце концов продажа книг не приносила так уж много денег.

Под словом «санкиртана» стали понимать «санкиртану» картин («санкартИну»), «санкиртану» резных свечей, «санкиртану» наклеек, «санкиртану» благовоний, «санкиртану» музыкальных рождественских открыток, «санкиртану» уцененных грампластинок с рок-н-роллом и так далее. Добывая хлеб насущный, преданные, что называется, на ходу подметки срывали. «Санкиртана» теперь обозначала всё что угодно, кроме ее буквального смысла — совместного пения Святого Имени. Целью стало любым способом притащить домой [в храм] как можно больше добычи, тщаь заполнить большую черную дыру: неумелое руководство привело к [финансовому и духовному] кризису, и образовавшуюся бездонную прорву долгов было никак не заполнить. Мы перестали говорить людям о Кришне, мы даже слов «Харе Кришна» не произносили, потому что не хотели позорить Движение тем, что делали. [К 90-м годам] уже во всем мире, за исключением, может быть, бывшего СССР, распространение книг практически остановилось, и никто больше не выходил на улицы, кроме нескольких самых стойких и решительных распространителей, а уж уговорить кого-то выйти на хари-нама-санкиртану было почти невыполнимым, хуже, чем зубы сверлить. И, поскольку вера некоторых

преданных в Святое Имя увяла, то, по сути говоря, ослабла и вера в наставления духовного учителя.

Шрила Прабхупада писал: «Движение сознания Кришны несет всем людям земли возвышенное знание о том, что просто повторяя мантру Харе Кришна, каждый из них может уже в этой жизни достичь совершенства и вернуться домой, к Богу» (комм. к Б.Г., 9.25).

Движение, полагал Аиндра, сбилось с пути.

– В сердце я чувствовал потребность хотя бы попытаться идти в верном направлении: моими пусть и незначительными стараниями увеличить в нашем Движении осознание того, как важно продолжать хари-нама-санкиртану.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В 1979 году группа санкиртаны «Радха-Дамодара» распалась. Автобусы и фургоны вместе с их многочисленными обитателями рассеялись по стране, а их энтузиазм стал достоянием прошлого. Аиндра оказался в чикагском храме, где он, как и прежде, стал ратовать за ежедневную хари-нама-санкиртану на улицах.

Президент храма, однако, считал, что харинама-санкиртана имеет слишком малую финансовую отдачу, и потому отправил Аиндру на «санкартину». Поэтому следующие шесть месяцев юноша ходил от двери к двери, убеждая скучающих домохозяек украсить свои дома дешевыми штампованными репродукциями, которые рулонами завозили из Гонконга, или сбывал по дешевке людям на улицах и парковках записи рок-н-рольных альбомов, приобретенные за бесценок на распродажах в музыкальных магазинах.

Однажды Аиндра и его напарник обзавелись пачкой таких пыльных грампластинок на радиостанции в Висконсине и «ударили» по автостоянкам. Картина была примечательная, даже забавная: один из молодых «продавцов» щеголял седыми, явно накладными волосами, а второй, Аиндра, ошарашивал ярко рыжим париком; помятый вид обоих намекал, что им, похоже, уже неделю приходилось жить и спать в фургоне.

Высокий худощавый юноша с любопытством смотрел на необычную парочку. «Это, наверное, кришнаиты», — подумал он и подошел поближе. Парень в рыжем парике встретил его задорной улыбкой на круглощекоем лице и тут же вручил 3 пластинки: «Мы собираем на борьбу с засильем наркотиков среди молодежи! Мы работаем на местную радиостанцию».

Юноша дал 20 долларов и спросил: «Вы ведь из “Харе Кришна”, правда?»

Аиндра оторопел. Как этот парень раскусил их, несмотря на все ухищрения? Как случилось, что имидж вайшнавов, распевающих Харе Кришна-мантру в шафрановых одеждах и сари на улицах, так быстро

канул в лету? Теперь люди с недоумением узнавали преданных Кришны в подозрительных личностях, прячущихся под париками и проталкивающих сомнительную благотворительность, дабы выбить из обывателей пару монет в обмен на пластиковую мишуру!

Случившееся окончательно убедило Аиндру: больше это терпеть нельзя! Неприкрытая, невыносимая правда была в глаза. «Это не преданное служение, — с тоской думал он. — Это дрянь какая-то! С души воротит. Я больше не буду этим заниматься!»

— В то мгновение я сказал себе: «Хватит. С этого момента Аиндра дас переключает всю свою энергию на хари-нама-санкиртану!» Я начал регулярно проводить нама-санкиртану в Чикаго бок о бок с распространением книг. Снова, как и в первые дни, ожило понимание: сознание Кришны неразрывно связано с совместным пением. Это миссия Господа Чайтаньи и наше божественное предназначение в Кали-югу. Это суть! И тогда я стал заниматься исключительно этим — по восемь часов каждый божий день.

Я видел, что преданные теряют вдохновение в сознании Кришны, и происходит это из-за того, что они не развивают вкуса к совместному пению Святого Имени и вовсе не понимают его важности. Преданные перестали петь, а потому не получали опыта, который должен был стать основой их вигьяны, осознанной веры в метод санкиртана-ягьи, юга-дхармы.

Несколько месяцев спустя высокий юноша, который познакомился с Аиндрой на заправке, присоединился к чикагскому храму и вскоре, получив посвящение, стал зваться Яшоматинанданой. Однажды он принимал в храме экскурсию учеников старших классов местной школы и отвечал на вопросы. Вдруг появился Аиндра и предложил всем школьникам спеть киртан. Он рассказал им о Харе Кришна-мантре и показал, как петь вслед за ведущим: «Сначала я буду петь мантру, а вы слушайте. Затем вы будете петь, а я буду слушать. Попробуем!»

Несколько ребят робко попытались петь, когда пришел их черед, остальные лишь молча тараторили. Аиндра посмотрел на них с широкой, теплой улыбкой и заговорщически пошутил: «Не бойтесь. Мы не расскажем вашим родителям, что вы пели “Харе Кришна”».

Это растопило лед. Все рассмеялись и запели.

Конец 70-х и начало 80-х были временем многочисленных испытаний для ИСККОН. Одиннадцать молодых зональных ачарий, унаследовавших руководство организацией от Шрилы Прабхупады, уже через пару лет после его ухода столкнулись с духовными трудностями. Как и для многих других центров, для чикагского храма также настали смутные времена: смена руководства и пересмотр приоритетов сотрясали духовную жизнь преданных. Одна из таких печальных историй вскоре вынудила многих обитателей храма, включая Аиндру, переехать далеко на юг, в Техас, где Аиндра сразу же присоединился к Ганapati Свами и его путешествующей группе санкиртаны. Махарадж с дюжиной преданных посещал колледжи, где на лужайках кампусов они устраивали небольшие фестивали: пели, проповедовали и распространяли книги — как в свое время первая группа Радхи-Дамодары, ведомая Вишнуджаной Свами!

Аиндра на киртане с Ганapati Махараджем

Это была программа, которая пришлась Аиндре по душе и немедленно вызвала в нем почтение и дружескую привязанность к Махараджу. Увы, даже этот оазис проповеди нес на себе неизбежный отпечаток происходившего во всей организации: чтобы поддержать проповедь, немало времени всё же приходилось уделять сбору средств. Переодетые брахмачари по очереди выходили на улицы с картинами и музыкальными пластинками. Яшоматинандана также был здесь и провел несколько дней в фургоне вместе с Аиндрой, слушая как тот с неподдельным увлечением раскрывает духовные тайны философии сознания Кришны.

Однажды во время этой поездки Яшоматинандана продал рок-н-рольную пластинку одной парочке и, обращаясь к парню, бодро завершил сделку словами: «Возьми, вот, и покайфуй дома с подругой!»

«Не говори такого!» — отчитал его позже Аиндра. — «Не поощряй чувственное удовлетворение».

Как-то утром Ганapati Махарадж заметил, как Аиндра достал небольшую шкатулку и развернул ее в виде красивого алтаря для его маленьких Божеств Гауры-Нитая. Они взошли на этот походный алтарь, и Аиндра начал ежедневную пуджу.

Позже Махарадж отвел Аиндру в сторону и объяснил, что преданным нежелательно держать свои личные Божества, поскольку такое поклонение «развивает независимое умонастроение» и отнимает время от служения. Обсуждение кончилось тем, что Махарадж забрал Божества вместе со шкатулкой.

Аиндра был обескуражен, ведь все это исходило от вышестоящего преданного, его духовного брата и санньяси, к которому он питал искреннее уважение. Раньше он с радостью погружался в ежедневные многочасовые киртаны, с удовольствием пел, играл на мриданге и распространял книги в рядах путешествующей группы Махараджа, но теперь, в разлуке с дорогими его сердцу Гаурангой и Нитаем, не находил себе места.

Медленно тянулись дни. Он попытался поклоняться своим Божествам в медитации, мысленно предлагая одно за другим изысканные

подношения, но это было лишь бледным подобием. Аиндру раздирали внутренние противоречия. Он нашел наконец занятие в сознании Кришны, которое было ему так близко и которому он мог отдать свое сердце, но ради этого ему пришлось отказаться от своих Гауры и Нитая! Доводы Махараджа в пользу того, почему он не должен служить своим Божествам, не убедили его. Как и большинство других преданных, по воле обстоятельств он нередко переезжал из одного храма ИСККОН в другой. Стоило Аиндре привязаться к Божествам, как ему уже нужно было двигаться дальше, обрывая эти любовные узы. Неизменным прибежищем были лишь его маленькие Гаура-Нитай, ставшие постоянными спутниками и Господами его сердца; Аиндра просто не мог отказаться от Них.

«Я должен быть верен своим духовным убеждениям и найти достаточно решимости, чтобы жить согласно своим реализациям», — к такому выводу пришел он в ту ночь и, не сказав никому ни слова, отыскал конфискованную шкатулку с Божествами, захватил немногочисленные пожитки, вышел на дорогу и автостопом поехал обратно в Чикаго.

Чикагский храм снова принял Аиндру и занял его в служении Джаганнатхе, Баладеве и Субхадре. Так он провел остаток 1980 и 1981 год — ухаживал за Божествами по утрам и вечерам, а днем по восемь часов громко пел Харе Кришна-киртан на улицах. Иногда, в лучшие дни, к нему присоединялись несколько или даже десяток преданных, но чаще он выходил один. Он хотел привлечь к участию в санкиртане больше вайшнавов, но, несмотря на все его старания убедить их в первостепенной важности юга-дхармы, ничего особо не менялось. А некоторые просто видели в нем, как выразился один преданный, «великовозрастного ребенка с трудным характером, который вечно жаловался и требовал, чтобы люди смотрели на вещи его глазами».

В Чикаго Аиндра жил в коридоре, ведущем в ванную комнату. Он отгородил бамбуковой ширмой удобный закоулок, и использовал каждую свободную от основного служения минутку, чтобы сшить Джаганнатхам пару новых одежд или сладить для Них новые украшения.

— Иногда по утрам, идя в душ, я обнаруживал Аиндру спящим прямо на лестнице, ведущей к алтарю, — вспоминал Сарвопада. — С ножницами в одной

руке и куском вышитой ткани – в другой. Или с какими-то особенными новыми самодельными украшениями. Он был настолько предан Божествам, что до полного изнеможения, пока сон буквально не валил его с ног, все старался закончить еще одно последнее служение Им, в то время как все остальные уже давно спали.

Поклонение Божествам никогда не сводилось для Аиндры лишь к ритуалу. Они не были статуями — он одевал Самого Кришну и служил Ему, сострадательно явившему Себя совсем еще молодым преданным, которые крайне нуждались в такой возможности лично общаться с Господом и развивать любовь к Нему. Вечерами, укладывая Джаганнатху отдыхать, Аиндра брал Его на руки и баюкал, напевая маха-мантру как колыбельную. Он иногда плакал, когда служил Божествам, говорил о Кришне или пел киртан.

Джаганнатх, Баладева и Субхадра в Чикаго

— Мы не осознавали, какой великой душой он был, — делился позже Сарвопама. — А некоторые из нас, под влиянием впечатления об Аиндре как о постоянном жалобщике, принимали его подлинную искренность и серьезность за мирской сентиментализм и называли его «Плачиндра».

Однажды утром Аиндра заявил Сарвопаме:

— Прабху, ты должен поклоняться Божествам!

— Аиндра, — ответил Сарвопама, вскинув на плечо рюкзак, полный книг. — Ничего я не должен кроме того, что делаю сейчас: иду распространять книги Шрилы Прабхупады в аэропорту.

На следующее утро Аиндра повторил то же и Сарвопама снова отказался. Наконец, в третий раз он уступил: «Хорошо, что ты предлагаешь?»

Аиндра стал учить его омыwać и одевать маленькие Божества Радхи и Кришны.

Кишор-Кишори в Чикаго

– Он занял меня в поклонении Кишору-Кишори, – вспоминал Сарвопама, – и я стал регулярно служить Им в течение следующих пятнадцати лет. Когда в 2007 году я наконец попал во Вриндаван, то сразу упал к стопам Аиндры и возблагодарил за то, что он спас мою жизнь. Почти тридцать лет спустя, глядя на него со слезами благодарности на глазах, я рассказал, как Кишор-Кишори защитили меня и даровали прибежище и покровительство – в то время, как многие духовные братья и сестры разбрелись кто куда.

Зимой храм в Чикаго, северном «городе ветров», сильно остывал и его обитателям приходилось туго. Несмотря на то, что они уделяли много усилий и времени сбору пожертвований, алтарную и другие помещения все равно не отапливали и, занесенные снаружи снегом, они напоминали огромный холодильник. Один обогреватель, впрочем, работал — но не в алтаре или алтарной зале, не в ашраме брахмачари, но в кабинете президента храма.

Аиндра едва сдерживался: как мог президент храма быть столь беззастенчиво эгоцентричным, чтобы оставить Кришну и Его преданных мерзнуть, когда сам сидел в тепле? Когда же он осмелился высказать свое возмущение вслух, начальство обернуло ситуацию против него. Для руководства этот повод был последней каплей, переполнившей, как они объявили, чашу их терпения, которое Аиндра давно уже испытывал своим неумным идеализмом и замысловатой эксцентричностью. «Ты подрываешь наш авторитет!» — сказали они и откровенно дали понять, что в храме его никто не держит.

«Кого винить в любой беде? — философствовал один из руководителей. — самого себя. Кришна исполняет все желания. Ты бы не попал в эту ситуацию, если бы сам того не желал. Поэтому не нужно винить окружающих, — ты находишься именно там, где захотел быть. Ты сам заслужил оказаться в этих обстоятельствах!»

Этот совет окончательно убедил Аиндру: лидеры жонглировали философией, упуская из виду духовные основы ИСККОН и наставления его основателя-ачарьи, Шрилы Прабхупады, при этом уходя от личной ответственности. Вместо воодушевленной проповеди и хари-нама-санкиртаны, исконно важных, приоритетных целей Движе-

ния, администрация отдавала предпочтение сиюминутным заботам о хлебе насущном, но перечить старшим считалось равносильным бунту.

Глядя еще шире — повсюду в ИСККОН действовала теперь система «зональных ачарий», в которой каждый из молодых гуру обладал исключительной властью и привилегией давать посвящение в своей географической зоне. Они считались непререкаемым авторитетом, единственным источником Божественной милости, нисходящей от Шрилы Прабхупады и всей гуру-парампары, и посему нередко требовали поклонения и беспрекословного подчинения даже от своих духовных братьев и сестер. Некогда дружная духовная семья ИСККОН стала меняться. Многие преданные, отвращенные и разочарованные происходящим, перестали приходить в храмы или вообще оставили Общество Сознания Кришны.

Сильно ли будет отличаться атмосфера в другом храме?

Он стал думать о Вриндаване. Во все предыдущие годы, когда Аиндра путешествовал с группой «Радха-Дамодары», пел и распространял книги Шрилы Прабхупады, он бесчисленное множество раз читал описания игр Кришны и Его вечной духовной обители. В одном из комментариев Шрила Прабхупада писал: «Наше Движение Сознания Кришны продолжает традиции шести Госвами, особенно Шрилы Санатаны Госвами и Шрилы Рупы Госвами. Серьезные последователи Движения Сознания Кришны должны понять, что на них возложена огромная ответственность — проповедовать культуру Вриндавана (преданного служения Господу) по всему миру. Теперь у нас во Вриндаване есть хороший храм, и серьезные ученики должны воспользоваться теми возможностями, которые он предоставляет. Я очень надеюсь, что некоторые из наших учеников смогут принять эту ответственность и наилучшим образом служить человечеству, обучая людей науке сознания Кришны» (комм. к Ч.Ч., Мадхья, 23.104).

За восемь лет своей жизни в ИСККОН Аиндра ни разу не был в Индии. Как правило, преданные могли посетить Майяпур и Вриндаван, только если они продавали достаточно книг и выполняли положенную норму. Ему же это удавалось редко. Кроме того, он был верным и незаменимым пуджари и не мог так просто отлучиться на несколько месяцев,

оставив поклонение Божествам. Но теперь, наконец, время пришло. Кроме того, он слышал, что по желанию Шрилы Прабхупады еще в 1975 его ученики начали в Кришна-Баларама Мандире круглосуточный Харе Кришна-киртан!

Все это пронеслось у него в голове, и Аиндра решительно ответил:

— Я сам выбираю, где быть? Хорошо, — ответил он, — тогда я желаю оставить вас. Я хочу жить в благоприятной духовной атмосфере. Я еду во Вриндаван!

Но священная земля Вриндавана далеко. Какая дорога сможет привести туда, куда сейчас податься?

— Харе Кришна! — громко произнес Аиндра.

Внезапно он почувствовал себя в безопасности. Все эти годы служение духовному учителю, служение Хари Наме поддерживали и питали его. Что бы ни случилось, Кришна в облике Святого Имени всегда дарует предавшимся Ему душам защиту и прибежище.

— Наконец-то, спустя восемь лет, я ехал во Вриндаван! Раньше мне никак не удавалось поехать туда — либо из-за того, что я не мог распространить положенное количество книг, либо из-за того, что мне нужно было заботиться о Божествах — мне никак не удавалось поехать. Но теперь наконец ничто меня больше не сдерживало.

Аиндра вышел из храма в Чикаго с коробкой книг под мышкой и сумкой на плече. На ближайшей автомагистрали он поднял руку и, как и восемь лет назад, направился автостопом на восток. По пути он продавал книги, и когда добрался до Детройта, собрал уже достаточно денег на билет на автобус до Вашингтона. Там он провел ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы увидеться со своей семьей и продать несколько старых вещей с отцовской фермы.

Аиндра также посетил свою мать, которая к тому времени снова вышла замуж.

— Он весь сиял, — вспоминала она. — Он принес с собой печенье, дал одно собаке и сказал, что она родится человеком.

— Мы откровенно, тепло пообщались, затронул и серьезные, философские темы, — рассказывал ее новый муж, давний друг семьи. — Беседа оставила

хорошее впечатление: новый опыт создал в нем ощущение реализма, которого мы раньше не видели, — «платина», пришедшая на смену блеску. Но этот его реализм гармонизовал с высокой целью, к которой он стремился, и родился из понимания того, что работает, а что — нет.

Теперь, когда он обсуждал столь важные для себя духовные концепции и методы с теми, кто смотрели на вещи иначе, когда он разъяснял свои убеждения оппоненту, то мыслил куда гармоничнее. Он очень достойно принимал критику со стороны и не забивался в глухую оборону. Он обрел равновесие, некое удивительное изящество, с которым он принимал жизнь окружающих людей, не выходя из себя. Он подчинил эту свою природную реакцию.

Аиндра также навестил своего младшего брата Джона:

— Прежде, когда мне было всего девять или десять лет, он дал мне «Бхагавад-гиту» и другие книги, а стены моей комнаты были увешаны его плакатами с Кришной. За это прошедшее время он несколько раз привозил свои барабаны и караталы, и мы играли и вместе пели маха-мантру. Уже тогда он был духовным лидером: он донес до меня другое понимание вещей, отличное от агностицизма, в котором мы были воспитаны, и открыл мне мой собственный духовный путь.

Джон уже был самостоятельным, имел работу и стабильный доход. Он был искренне рад тому, что Аиндра отыскал свой путь и с удовольствием пожертвовал ему денег на предстоящую поездку.

— Он ехал в Индию, и это было его призванием.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Из Вашингтона Аиндра продолжил свой путь в Нью-Йорк, где несколько месяцев служил Божествам бруклинского храма, Шри Шри Радхе-Говинде, пока собирал деньги на авиабилет. Наконец все было готово к путешествию, и он отправился в Индию.

Приземлившись в Калькутте, Аиндра доехал на автобусе до Майяпура, международной штаб-квартиры ИСККОН и места явления Шри Чайтанья Махапрабху, основателя движения санкиртаны. Несколько дней спустя рано утром он сел в Навадвипе на поезд до Матхуры и к вечеру следующего дня добрался на авторикше до Вриндавана.

С радостно бьющимся сердцем он повторял мантру, впитывая атмосферу Святой Дхамы. Через полчаса издалека показались чакры на трех куполах храма Кришны-Баларамы. Несмотря на страшную усталость, сердце Аиндры ликовало – наконец-то он во Вриндаване! Вспомнилась замечательная история из 38 главы книги о Кришне: Видура так же с волнением въезжает во Враджу и видит бесчисленных коров, телят и пастухов, блаженно занятых служением и мыслями о Кришне. «Каждый, кто собирается поехать во Вриндаван, должен по примеру Акруры непрерывно думать об играх и деяниях Господа. Достигнув пределов Вриндавана, нужно тотчас осыпать себя вриндаванской пылью, забыв о своем положении в материальном мире и не заботясь о том, что подумают окружающие». Аиндра с почтением сошел на благую землю Вриндавана и склонился в смиренном поклоне в мягкой пыли.

В то время Раман Рети на окраине Вриндавана, где располагался храм Кришны-Баларамы, был еще безлюдным и почти диким местом. В окружавших его рощицах зеленела трава, по цветочным полям бродили стада «голубых коров» — антилоп нильгау, а воздух наполняли протяжные крики павлинов, воркование голубей и щебет зеленых попугаев. С крыши гостиницы ИСККОН открывался вид до самой Ямуны, своим руслом обнимавшей Вриндаван с трех сторон,

и куполов храма Радхи-Мадана-мохана. Парикрамная дорога вокруг Вриндавана была покрыта мягким, шелковистым песком.

Парикрама Вриндавана около храма Радхи-Мадан-мохана, конец 70-х

Враджаваси приветствовали друг друга словами «Радхе, Радхе!» Перед воротами храма ещё почти не было магазинов, а по главной дороге лишь изредка проезжали тонги и рикши. Непросто было позвонить даже на местные номера, что уж говорить о международных звонках. Преданных в храме Кришны-Баларама было немного, даже с учетом посещавших Вриндаван гостей со всего мира, поэтому все друг друга знали и были близки.

Сам Кришна-Баларама Мандир оказался еще красивее, чем представлял себе Аиндра.

Кришна-Баларама Мандир, конец 70-х

Увенчанные чакрами купола тянулись к небу, а между стройными рядами арок и резными решетками окон блестел аккуратными черно-белыми квадратами мраморный пол двора. Иссиня-черное дерево тамал, напоминающее о Кришне своим цветом, раскинуло крону посреди храмовой залы. На алтаре, воздев руки, танцевали прекрасные Гаура-Нитай и милостиво дарили уверенность и счастье Своими улыбками вечно юные Кришна и Баларама.

Даршан Гауры-Нитая и Кришны Баларама, начало 80-х

Лалита и Вишакха взирали на Божественную Чету, а Радхарани, казалось, зарделась от любви к сияющему мягкой улыбкой Шьяму, игриво изогнувшемуся рядом с ней.

Даршан Радхи-Шьямасундары, начало 80-х

Тем не менее, что-то было не так. Запись киртана неслась из динамиков, установленных на трех башнях храма. «Почему только запись? — поразился Аиндра. — Где же круглосуточный Харе Кришна-киртан Прабхупады?»

— Я только что приехал! — объявил он первому встреченному преданному. — Где мне записаться?

Президент храма приветил Аиндру и объяснил ему правила, установленные Шрилой Прабхупадой:

— Добро пожаловать! Мы примем тебя в качестве гостя на три дня. После этого ты должен заняться служением или снять комнату в гостинице.

В ответ на вопрос, что случилось с круглосуточным киртаном, Аиндра узнал, что после ухода Шрилы Прабхупады киртан продолжался

немногим более года, а затем сошел на нет. Людей всегда не хватало, и поэтому руководители сочли его «непрактичным».

— Но Прабхупада же хотел, чтобы во Вриндаване шел круглосуточный киртан, — растерянно возразил Аиндра. Вриндаван был духовным сердцем ИСККОН. Если киртан угас здесь, то что говорить о его возрождении где-то ещё?

— Прабхупада много чего хотел, — устало ответил президент храма, — И ведический планетарий, и величественный адбхута-мандир, и варнашраму, и много ферм и духовных городов по всему миру, и защиту коров, и массовое распространение прасада вокруг храмов...

«Но что важнее всего? — размышлял Аиндра. — Проповедь. А что такое проповедь? Давать другим чистое сознание Кришны, любовь к Богу. Однако невозможно дать другим то, чего нет у тебя самого. Чтобы проповедовать по-настоящему — и делать это всю жизнь с полной самоотдачей, — нужно действительно осознать свои отношения с Кришной и полюбить Его. А главное средство достижения этой цели в век Кали — это кришна-нама-санкиртана. Что же другое тогда может иметь больший приоритет? Что может быть важнее?»

Пока вопросов было гораздо больше, чем ответов.

Аиндра стал одним из пуджари и в течение нескольких месяцев по утрам и вечерам служил главным Божествам храма, Шри Шри Кришне-Балараме. Большую часть оставшегося времени он отдавал киртану в храмовой комнате и повторению 64-х кругов Харе Кришна-мантры на четках. Его одинокий киртан под аккомпанемент мриданги снова, как некогда, наполнил своды храма звучанием Святого Имени. Изредка к нему присоединялись немногочисленные паломники и преданные, но, как и прежде, чаще всего собственные решимость и энтузиазм были его единственными спутниками.

Само собой, не все было гладко. Аиндра хотел, чтобы киртаны были «бодрыми», и сначала некоторые преданные жаловались, что он поет слишком громко и мешает проповеди и продаже книг на входе в храм. Однако в итоге они убедились, что живой, энергичный киртан привлекает посетителей и помогает распространять больше книг.

Другие житейские неприятности также досаждали. Устав от мелочных придирок пуджари-бенгальца, с которым он делил комнату, Аиндра

переселился вместе со своими скромными пожитками на крышу здания гурукулы. Сидя однажды вечером на сундуке, прикованном цепью к перилам, он читал небольшую книгу «Проповедь — это сущность» — сборник высказываний Шрилы Прабхупады и цитат из его книг на тему проповеди. В одном из комментариев Прабхупада писал: «Как уже было сказано, в век Кали в каждом городе и деревне нужно совершать санкиртана-ягью, устраивая фестивали, как это делают сейчас члены Международного Общества сознания Кришны. Разумные люди должны собственным примером вдохновлять других проводить санкиртана-ягью» (Ш.Б., 4.18.13). Аиндра тут же вспомнил упоительные многочасовые киртаны и распространение книг на улицах. Вот она, жизнь! Как говорил Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур: «Тот, кто действительно жив, будет проповедовать».

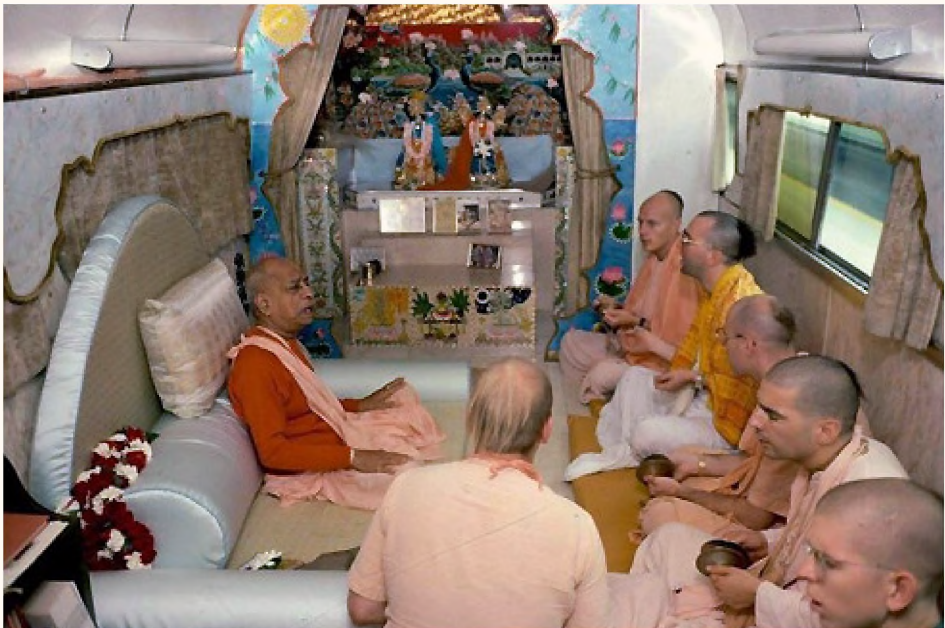
Закончив читать, он решил вернуться в Америку, где он мог бы снова раздавать людям Святое Имя. Но как? И тут на него снизошло вдохновение: странствующее проповедническое шоу, как у легендарного Вишнуджаны Свами с группой «Радха-Дамодара»!

Группа "Радха-Дамодара"

В конце концов, в юности Аиндра был музыкантом, разъезжал по стране с карнавальной труппой, и потому знал, как устраивать представления на ярмарках и фестивалях.

– Я видел, как делаются такие разъездные шоу, – вспоминал он. – Все спрятано внутри грузового фургона, и вдруг створки дверей раскрываются, выдвигается сцена и начинается спектакль. Я представил себе большой фургон с боковыми дверями, которые открываются нараспашку, превращаясь в фасад передвижного храма на колесах. Можно путешествовать по всей стране, посещая ярмарки и местные праздники, открывать фургон, петь Харе Кришна-киртан, а затем сворачивать все и ехать в следующий город – непрерывная санкиртана на колесах!

В автобусе группы "Радха-Дамодара", середина 70-х

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Окрыленный идеей странствующего храма санкиртаны, Аиндра вернулся в Америку поздней весной 1981. С ним, как и прежде, были маленькие божества Шри Шри Гаура-Нитай, а теперь и еще две трансцендентные личности: латунные мурти Шрилы Прабхупады и Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, искусно отлитые во Вриндаване его духовным братом и талантливым скульптором Бхактисиддханта дасом.

Одним из самых замечательных достижений Движения Сознания Кришны в Нью-Йорке был храм в одиннадцатиэтажном кирпичном доме, который Шрила Прабхупада с шутиливой гордостью именовал

«небоскребом». Идеально расположенный на 55-ой улице, недалеко от знаменитых Карнеги Холла и Таймс Сквер, он служил прибежищем для двух с лишним сотен преданных и вмещал алтарную, жилые помещения для мужчин и женщин, театральный зал, кухню, ресторан, комнаты для гостей и старших преданных. Шрила Прабхупада очень ценил этот храм и прямо наказывал преданным всегда сохранять и поддерживать его.

Однако незадолго до приезда Аиндры в Нью-Йорк, местные представители Руководящего совета ИСККОН (GBC) продали это большое здание, нуждающееся в дорогостоящем ремонте, ибо сочли его непрактичным бременем. Божества Шри Шри Радхи-Говинды вместе с тридцатью преданными переехали в маленький двухэтажный дом неподалеку, на 7-ую авеню. Остальные вайшнавы и вайшнави рассеялись по близлежащим храмам и центрам, что не могло не сказаться на энтузиазме и настроении всей нью-йоркской общины.

— Откуда ты? — спросил президент храма Тошан Кришна круглолицего, веснушчатого юношу с огненно-рыжей шикхой, одетого в потертую шафрановую футболку и дхоти.

Аиндра задумался. Сказать: «Из Вриндавана?» Нет, так может показаться, что он перекаги-поле. Из Чикаго? Оттуда вряд ли дадут хорошую рекомендацию.

— Из Далласа, — нашелся он, вспомнив свою проповедь с Ганапати Махараджем. — Но я хочу служить здесь, в Нью-Йорке.

— Чем хочешь заниматься? — спросил Тошан Кришна.

— Я хочу помочь храму вернуть к жизни уличную хари-нама-санкиртану, — решительно ответил Аиндра.

— Поподробнее, если можно, — усмехнувшись полюбопытствовал Тошан Кришна, которому уже начал нравиться этот пылкий брахмачари.

— Я буду ставить небольшую сцену перед библиотекой на 5-ой авеню и в других популярных многолюдных местах — с настоящей звуковой системой, флагами, плакатами... и большими картинами!

«Он просто горит этой трансцендентной затеей! — поразился Тошан Кришна. — Оригинальный малый, но сердце золотое». Он одобрил план Аиндры, но попросил его на первых порах часть времени отдавать служению Божествам Радхи-Говинды.

Нью-Йорк — город, который никогда не спит: день и ночь по дорогам текут бесконечные потоки машин, а тротуары полны вечно спешащими людьми; улицы сияют неоновой рекламой и шумная какофония отражается от стен небоскребов. Поле для проповеди было здесь огромным и неисчислимым — несчетные тысячи и миллионы живых душ, сами того не зная, ждали встречи с именем Кришны. И хотя новый храм Радхи-Говинды был невелик, от него было рукой подать до нескольких широких многолучных улиц, больших музеев, исторических мест, библиотек и тенистых парков, включая Томпкинс Сквер, где Шрила Прабхупада устраивал свои первые легендарные киртаны. Видя это, Аиндра решил, что смысла колесить по ярмаркам и городам всей страны нет. Лучше вдохнуть силу и энергию в приунывшую общину преданных. «Зачем ездить куда-то еще? Нью-Йорк — это постоянная ярмарка, 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 48 недель в году!» — движимый такими мыслями он решил обосноваться здесь, в одном из важнейших городов мира, как иногда говорил о нем Шрила Прабхупада.

Обычно утром Аиндра заканчивал служение на алтаре, брал подмышку свернутый в рулон ковер, вешал на плечо мридангу и отправлялся петь киртан. Тошан Кришне был по душе решительный энтузиазм и верность Аиндры хари-нама-санкиртане и он периодически помогал ему разным необходимым инвентарем. Иногда на улицу с Аиндрой также выходили Расатала, воспитатель молодых бхакт Курма Рупа или несколько других преданных. Однако чаще всего ему приходилось сражаться за свою мечту и воплощать ее в жизнь в одиночку.

Вначале радость киртана омрачалась тем, что полиция всегда требовала разрешение на уличные выступления. Аиндре приходилось постоянно быть начеку. Каждый раз, застав его блаженно погруженным в киртан, они строго распоряжались:

— Парень, сворачивай спектакль! В общественных местах нельзя без разрешения петь или играть с усилителем.

Ему приходилось регулярно кочевать с места на место, и это лишало возможности сосредоточиться на проповеди Святого Имени.

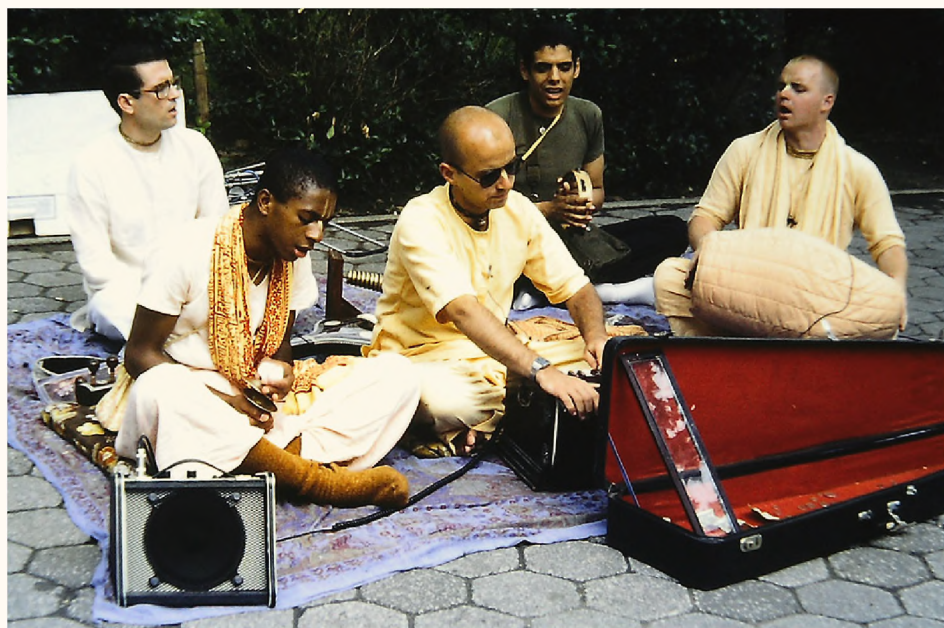
«Мне нужно договориться с полицией по закону, а не играть с ними в прятки», — решил он. Тошан Кришна помог выяснить, как по-

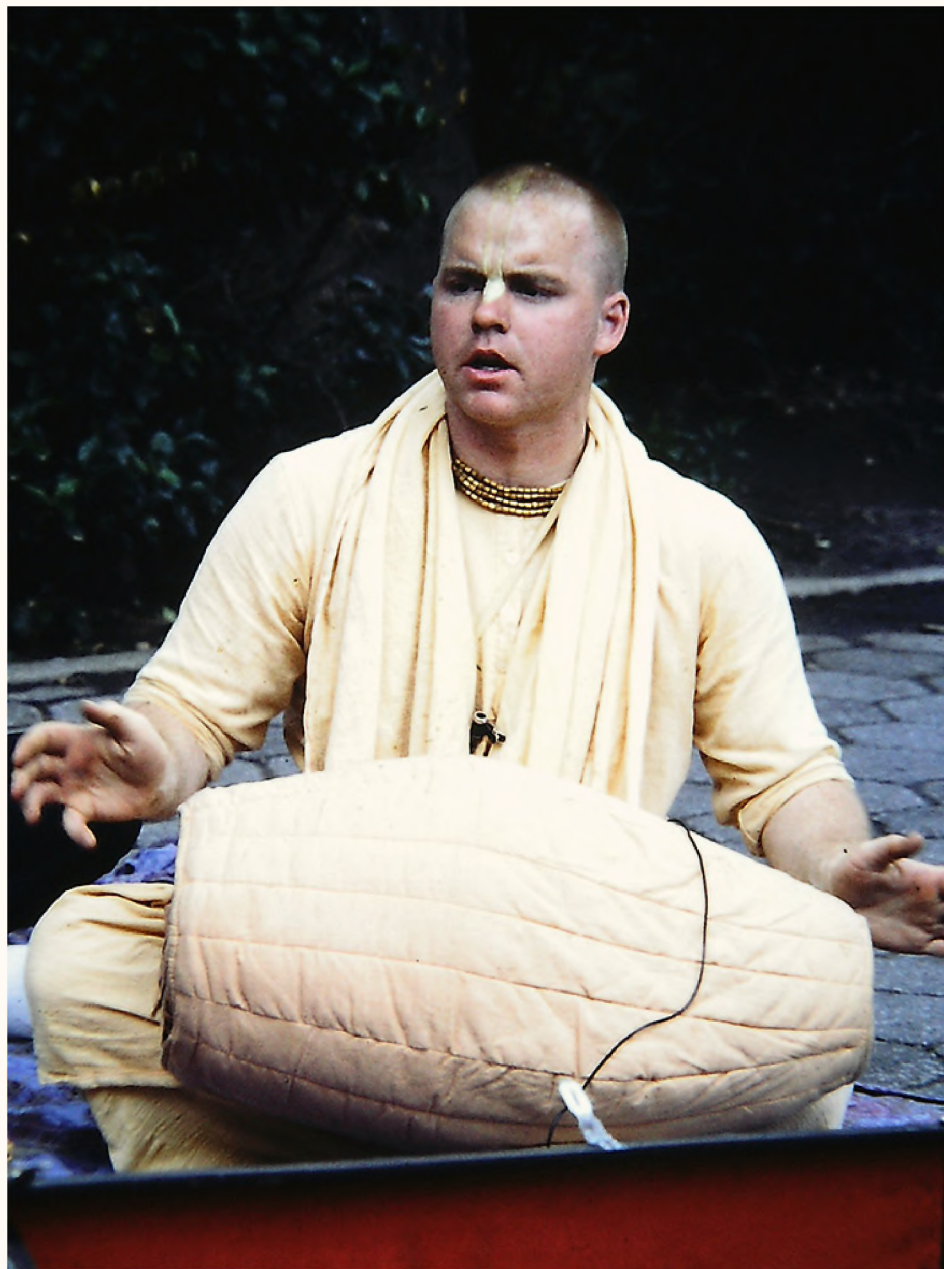
лучить нужное разрешение, и теперь каждое утро Аиндра начинал с визита в полицейский участок в том районе, где он собирался петь, платил официально установленную дневную плату в двадцать долларов и получал взамен квитанцию. Он быстро стал завсегдатаем, и теперь блюстители порядка легко узнавали его на улицах, что позволяло ему мирно располагаться в одном месте на весь день. Иногда полицейские останавливались, но теперь уже просто из любопытства, чтобы немного послушать киртан.

Аиндра на хари-нама-санкиртане, Нью-Йорк, 1982 год

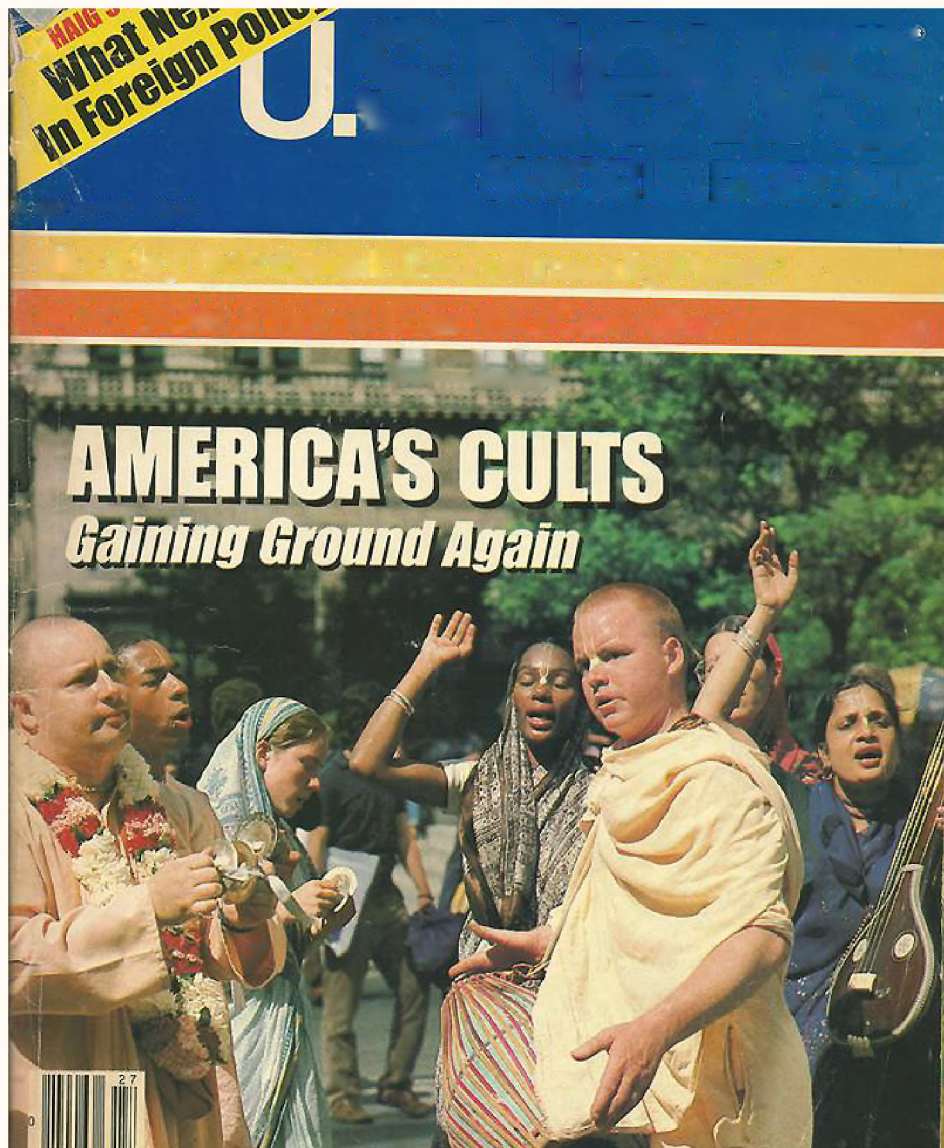
Аиндра на хари-нама-санкиртане, Нью-Йорк, 1982 год

Спустя несколько месяцев он обзавелся другими полезными вещами и теперь по утрам катил за собой ручную тележку с портативной колонкой, микрофоном на стойке и кабелями, несколькими плакатами, а также книгами и журналами. Теперь у него была небольшая складная сцена — еще один шаг к передвижному храму санкиртаны.

Он располагался в многолюдных местах — на Рокфеллер-плазе, Таймс-сквер или в Брайант-парке прямо за библиотекой, — устанавливал оборудование, раскладывал на виду книги, а затем садился с мридангой на коленях и пел до вечера. Святые Имена щедро разливались над шумным неумолкающим потоком безразличных ко всему людей, снующих по улицам огромного мегаполиса. Расатала стал регулярно готовить пару ведер горячий, маслянистой халавы и они раздавали угощение прохожим во время небольших перерывов наряду с продажей книг и журналов. Зимой или во время дождей программа продолжалась в многолюдных переходах к станциям метро неподалеку. Так, при поддержке

нескольких друзей, Аиндра стремился во что бы то ни стало продолжать проповедь, основанную на желании Шрилы Прабхупады как можно шире давать людям Святое Имя, духовную литературу и прасад:

Обложка журнала в июле 1982 (Аиндра играет на мриданге)

«Наше главное дело — проповедь, пение, распространение книг и прасада» (из письма Шрилы Прабхупады Судаме, 25 ноября 1972 года).

Даже в нью-йоркском храме, выдавшем виды и богатом яркими личностями, Аиндра был известен как человек с принципами: настойчивый, одаренный пытливым разумом, ратующий за ссылку на шастры, независимо и нестандартно мыслящий. Еще с первых дней своей духовной жизни он был впечатлен вдумчивой, основанной на философии, проповедью президента храма в Вашингтоне, Дамодары, и сам следовал такому настроению. Он внимательно слушал лекции и нередко, если видел в том необходимость, задавал «неудобные» вопросы.

— Некоторые ваши утверждения звучат неубедительно, прабху, — пытал он лектора. — Откуда взялась эта идея? Вы можете сослаться на источник?

Аиндра продолжал углубляться, пока лектор либо не давал удовлетворительный ответ, либо не признавал, что не может сослаться на достоверное начало. Это могло продолжаться часами, что раздражало многих преданных, которым нужно было приниматься за дела. Но для Аиндры лекция по Шримад-Бхагаватам была не просто частью формальной программы, а возможностью общаться с живым воплощением Кришны в виде книги «Бхагавата». Шрила Прабхупада бесчисленное множество раз просил своих учеников серьезно читать и обсуждать свои книги, дабы они глубоко уяснили философию движения санкиртаны Господа Чайтаньи и обрели твердую веру на пути бхакти. Это было залогом энергичной успешной проповеди, несмотря на многие возникающие трудности. Еще за десятилетие до того, 16 июня 1972 года в письме Мадхувидхи Махараджу Шрила Прабхупада писал:

«Сейчас я настоятельно подчеркиваю, что все мои ученики должны хорошо овладеть философией Сознания Кришны, и для этого они должны усердно изучать наши книги, по крайней мере один или два часа каждый день, и пытаться понять обсуждаемый предмет с разных точек зрения. Здесь, в Лос-Анджелесе, мы проводим в храме утренние лекции, я читаю их с 7 до 8 утра. Каждый день мы читаем по одной шлоке из некоторых глав «Шримад-Бхагаватам». Я произношу стих слово за словом, а ученики повторяют за мной. Потом мы читаем шлоку хором

несколько раз, пока не выучим ее, а затем разбираем ее смысл очень тщательно, рассматривая его с разных сторон и наслаждаясь новыми и новыми открытиями. Так что введи эту систему во всех храмах своей зоны, и ты увидишь, как все оживут благодаря таким ежедневным занятиям. (...) Набираясь все больше и больше знания, наши ученики сами собой преисполнятся убежденности и с легкостью будут выполнять свои обязанности в тапасье, то есть, в отречении от материального рабства, и так будут успешно развиваться в Сознании Кришны. Я очень желаю такого успешного роста для всех моих учеников, и ты [как руководитель] несешь ответственность за поддержание этого стандарта».

Киртан Аиндры тоже нравился не всем. Некоторым преданным его своеобразный стиль казался сложным. Да, он отдавал предпочтение традиционным мелодиям, но он пел и играл их так, что многим с непривычки было просто не по душе. Когда он пел, преданные, бывало, уходили, отказывались играть на инструментах или подпевать.

— Его киртаны были очень сложными, замысловатыми — вспоминал Лахми Нрисимха. — Он использовал индийские раги и менял ритм — иногда пел медленнее, иногда быстрее. Некоторые жаловались и просили его играть попроще, но он никого не слушал и никогда не менял свой стиль. Он не пытался угодить толпе; он хотел порадовать своих Божеств.

— Его сильно занимали мелодии, — вспоминал Курма Руна. — «Это правильная мелодия?» — спрашивал он. Трудно было сказать, что значит «правильная», но он хотел петь только эти мелодии, традиционные мелодии гаудия-вайшнавов, мелодии нашей сампрадаи.

Аиндра хотел, чтобы во время совместного пения люди были внимательнее — были бдительными, были начеку и следовали за ведущим. Однажды кто-то подметил, что Аиндра будто тянул слушателей за ухо, тянул, чтобы они проснулись, — и таким образом привлекал их внимание к Святому Имени, в ответ на что Аиндра щелкнул пальцами и сказал:

— Именно. Ты меня понял.

Затем, завладев вниманием людей, он менял темп и ускорялся. Его не волновало, что кого-то его киртан приводил в недоумение, а ко-

му-то было трудно подпевать. Просто нужно было постараться и приложить немного больше усилий.

Еще одним сигналом бедствия в марте того года стала угроза банкротства знаменитого журнала «Обратно к Богу», который основал и начал издавать еще задолго до отъезда в Америку сам Шрила Прабхупада. 17 февраля 1973 года он написал Хамсадуте: «Я не устаю повторять, что мы должны поддерживать издание журнала “Обратно к Богу” на высоком уровне, потому что это один из самых важных аспектов нашего Общества». Несколько распространителей книг и учеников главного редактора журнала, Сатсварупы даса Госвами, решили спасти издание. Рама Рая, Нама Санкиртана, Махапрабху, Видура и Партха Дамодара организовали группу «Спасем журнал “Обратно к Богу”», которая обосновалась в небольшом офисе в подвале здания храма.

Когда в храме появился Аиндра и начал, как в былые добрые времена, ежедневно петь Харе Кришна на улице, Рама Рая увидел в нем революционера и воина санкиртаны. В начале каждого месяца первая пачка свежего выпуска «Обратно к Богу» отправлялась к Аиндре для распространения на улицах наряду с книгами. Так снова вернулась к жизни стратегия Шрилы Прабхупады: петь Харе Кришна-мантру и распространять книги и журналы. Между участниками книжной санкиртаны и Аиндрой завязалась дружба и солидарность, которая поддерживала преданных в те непростые времена.

Всего за полтора года со времени появления Аиндры в Нью-Йорке произошло многое. Тошан Кришна переехал во Вриндаван; местный представитель Джи-Би-Си покинул общество преданных и его место заняли Бхавананда Госвами и Рамешвара Свами; храм на 7-ой авеню в Манхэттене тоже продали, а Шри Шри Радха-Говинда теперь переехали в новый большой храм на Шермерхорн-стрит в Бруклине, недалеко от Их первоначального дома на 55-ой улице.

Аиндра продолжал ежедневно выходить на многочасовую санкиртану. Его приверженность юга-дхарме вдохновляла даже прихожан и гостей храма, и постепенно некоторые из них присоединились и стали понемногу петь вместе с ним.

Еще до того, как Аиндра встретил преданных, отречение от материальных благ ради высшей цели было важной частью его духовного пути; тогда в течении полутора лет он умудрялся поддерживать жизнь в теле всего несколькими плодами сушеного инжира в день. Теперь в Нью-Йорке он не только следовал всем обычным правилам и предписаниям вайшнавов, но, чтобы ускорить свое духовное развитие стал брать на себя дополнительные аскезы. Позже он объяснял, что соблюдение предписанных врат, таких как Экадаши:

– ...имеет прямое отношение к обузданию чувств. А контроль над чувствами мы учимся для того, чтобы преодолеть вожделение, ведь пока мы живем под властью вожделения, очень маловероятно, что проявится его антитеза – према. Шансов для этого практически нет.

Когда Харидас Тхакур обратил проститутку в преданную, он велел ей раздать все свое достояние брахманам и вайшнавам, а затем сесть в своем кутифе перед Туласи Махарани и воспевать три сотни тысяч Святых Имен в день. Но кроме того, он посоветовал ей быть очень умеренной в еде. Говорится, что она ела, как птичка, похудела и чувства ее ослабли, благодаря чему она смогла обрести над ними контроль. И только после этого в ней воссияла према.

«Шри Чайтанья-чаритамрита» описывает отречение от наслаждения чувств как «основной принцип, поддерживающий жизнь преданных Шри Чайтаньи Махапрабху». Кроме того, Шрила Прабхупада писал: «Не имеет значения, является человек грихастхой или санньяси. Соблюдение чатурмасья обязательно для всех ашрамов. Истинная цель соблюдаемых в этот период обетов заключается в том, чтобы свести к минимуму все чувственные наслаждения» (Ч.Ч., Мадхья, 4.169).

Аиндра и трое его друзей решили соблюдать Чатурмасья врату.

– Наши обеты, – вспоминал Чатуратма, – заключались в том, чтобы спать на полу, вставать рано, повторять дополнительные круги, каждый день петь киртан и читать шастры в храме. Мы не брились и не стригли волосы, пили воду только раз в шесть часов и ели только раз в день самое обычное кичфи, приготовленное без масла, соли, или каких-либо других специй – прямо с пола без тарелок, приборов и даже не пользуясь руками. Есть десятки правил, и мы соблюдали их почти все.

В конце четвертого месяца только Чатуратма и Аиндра продолжали следовать своим обетам.

Как-то раз, когда Аиндра помогал соорудить декоративные ворота на новом алтаре, он заметил сзади небольшую лестницу вверх с дверью, за которой скрывался заброшенная комнатуха.

Он показал его своему другу Рамабхадре, главному пуджари храма, и сказал:

— Вот где ты должен жить, Рам.

Комната, которую Аиндра отремонтировал для Рамабхадры

— Ты думаешь? — сомневался Рамабхадра.

— Да, ведь у тебя много служения Божествам и с твоим большим сердцем тебе лучше быть поближе к Радхе-Говинде.

— Но тут все совершенно запущенно и непригодно для жилья.

Аиндра улыбнулся:

— Положись на меня!

Чтобы устроить своего друга, в ближайшие несколько дней он убрался и вынес старые вещи, устроил освещение, оштукатурил стены и потолок, а затем выкрасил их в коричневато-шафрановый цвет, появив с увлечением: «С точки зрения психологии это самый умиротворяющий тон!» Аиндра также сделал книжную полку в оконном проеме и даже поставил в комнате кровать с выдвижным отделением для вещей.

В ноябре 1982 Радха-Говинда переехали на новый алтарь, а их пуджари — в свое новое помещение позади него. Аиндра также искал безопасное и подходящее место для своих дорогих Божеств — Шрилы Прабхупады, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура и Гауры-Нитая и с радостью принял предложение Рамабхадры устроить Их на маленьком алтаре в уголке. Они стали проводить немало времени вместе: каждый день после лекции по «Шримад-Бхагаватам» Аиндра приходил к Рамабхадре и поклонялся своим Божествам, пока его товарищ читал вслух «Бхагавад-Гиту». Когда что-то из прочитанного привлекало внимание Аиндры, он приостанавливал пуджу и начинал подробно обсуждать различные тонкости вайшнавской философии. В результате его поклонение иногда растягивалось до двух пополудни. Так порою он и вообще не выходил на санкиртану.

С одной стороны, кроме киртанов, Аиндре всегда было очень по душе читать и осмысливать учение гаудия-вайшнавов ради вдохновения для проповеди на улице. С другой — Рамабхадре казалось, что Аиндра это делает нарочно — происходящее было сродни забастовке, как будто он сознательно провоцировал хоть какой-то интерес и беспокойство со стороны руководства храма: продолжается ли еще хари-нама-санкиртана или нет?

Сам Аиндра до этого обитал в брахмачари-ашраме, но, желая большей сосредоточенности, он устроился во вместительной кладовке в дальнем углу подвала храма.

Там было темно, душно и, кроме того, подтекало во время дождей — как в пещере. Обстановка состояла из тонкой циновки на полу и кровати; остальное место занимали предметы для хари-намы: музыкальные инструменты и оборудование, декорации и четырехдорожечный магнитофон «Таскам».

Примерно в это же время Аиндра стал проводить больше киртанов в храме — в обеденном зале, когда преданные почитали прасад, и в алтарной — после шаяна-арати, когда Божеств укладывали спать.

— Аиндра уже неплохо играет на фисгармонии, — заметил как-то его духовный брат и известный киртания Ваясаки.

Иногда Аиндра вместе с другими преданными участвовал в выездной хари-нама-санкиртане. Они передвигались на грузовике с открытой платформой вместо кузова, которая была украшена резными перилами, флагами и транспарантом с Харе Кришна-мантрой. Впервые эту удивительную санкиртану на колесах организовал и возглавил легендарный Джаянанда прабху еще в 1976 году, но постепенно она угасла. Десяток преданных с мридангами, караталами и гонгами щедро разливали вокруг потоки милости, дружно воспевая Святые Имена, пока машина целый день неторопливо разъезжала по улицам. Иногда они останавливались у тротуара в многолюдных и популярных местах города, рассказывали собравшимся немного о значении происходящего, раздавали маха-прасад и продолжали свой вдохновенный киртан. Зрелище было весьма необычным и привлекало немало людей. К сожалению эта замечательная программа сильно зависела от наличия свободных брахмачари-энтузиастов, а потому то оживала, то снова затихала.

Когда Бхавананда Госвами, один из новых руководителей храма, посещал Нью-Йорк, он имел обыкновение встречаться с каждым из руководителей различных департаментов и расспрашивать, как развиваются их проекты. Аиндра с нетерпением ждал разговора с ним. Стояла весна 1983 — прошло уже два года с тех пор, как он загорелся идеей передвижного храма санкиртаны. Он часто размышлял, как сделать проповедь еще более масштабной и успешной, но средств всегда остро недоставало. Аиндра слышал, что Бхавананда подумывает переделать

неиспользуемую часть храмового подвала в спортзал, и, если это была правда, возможно, в храме все-таки были свободные деньги.

Бхавананда с интересом его выслушал и поинтересовался:

— Чем я могу помочь?

Не задумываясь, Аиндра выпалил:

— Мне нужен большой фургон!

— Фургон?

— Да. Я хочу превратить его в храм, останавливаться в самых оживленных местах города и проводить хари-нама-санкиртану. Я точно знаю, как это сделать; мне просто нужны деньги на машину и необходимые материалы.

— Сколько же тебе нужно?

— Хороший фургон будет стоить около семнадцати тысяч долларов, кроме того понадобятся особые ткани и украшения из Индии, чтобы он выглядел как настоящий храм... еще звуковая система... и инструменты... Всего около двадцати пяти тысяч.

Бхавананда громко рассмеялся: вот это парень с широкими планами!

— Я не могу так запросто подарить тебе двадцать пять тысяч долларов, — сказал он, — Я внесу залог и одолжу тебе остальную часть денег, если ты обязуешься возвращать по восемьсот долларов в месяц.

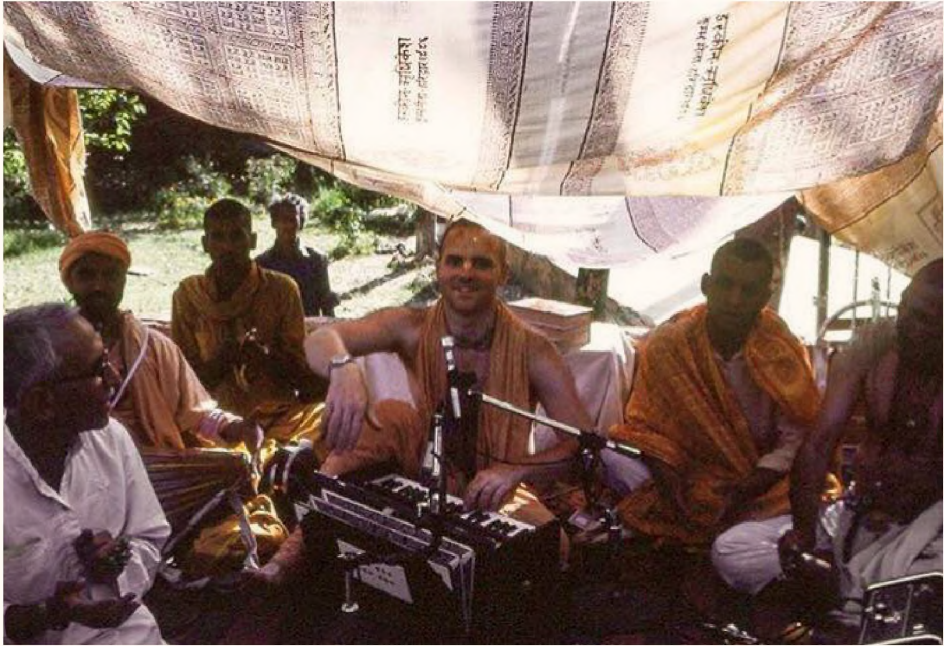
Аиндра покраснел от воодушевления. Все действительно могло получиться! Он был как никогда близок к исполнению своей мечты.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Аиндра немедленно принялся за дело. Свой передвижной храм он хотел украсить декоративными арками, как в храмах в Далласе и в Нью-Вриндаване, и вышитыми в традиционном стиле тканями, как на знаменитой Ратха-ятре в Сан-Франциско. В Америке можно было купить звуковое оборудование, зеркала, все необходимое для освещения и различные материалы для арок, но неповторимые ориские ткани и украшения можно было добыть только в Индии.

Он тут же собрался и без промедления отправился в путь. Он намеревался посетить Вриндаван, Майяпур, Джаганнатха Пури и расположенный подле него городок Пипли, известный своими традиционными тканями и украшениями, а также Бхуванешвар, где он хотел повидать своего духовного брата Гаура Говинду Свами. По просьбе Шрилы Прабхупады Махараджа проповедовал в Ориссе, откуда сам он был родом, и переводил книги духовного учителя на язык ория, а также трудился, не покладая рук, дабы основать храм и центр сознания Кришны в пригороде Бхуванешвара (тогда это были еще дикие джунгли за городом). Гаура Говинда предложил Аиндре провести киртан на выездной проповеднической программе, и пение этого колоритного западного садху глубоко впечатлило местных жителей своей искренностью и аутентичным гаудия-вайшнавским стилем.

Аиндра на программе в Ориссе, 1983 год

Аиндра, со своей стороны, проникся неподдельным уважением к Махараджу, в котором признал беспримесного, чистого преданного.

В Пипли он купил красивейшие вышитые ткани, а в других местах — изысканные балдахины и праздничные зонтики. Однако, чтобы вывезти все это через индийскую таможню, требовалось заплатить непомерную экспортную пошлину. По совету преданных в Дели Аиндра встретился с бенгальским чиновником — высокопоставленным должностным лицом на таможне в аэропорту, благожелательно расположенным к ИСККОН. Аиндра описал ему проблему, и тот предложил провести его через все контрольно-пропускные пункты бесплатно. У него было только одно условие:

— Пожалуйста, благословите своим присутствием наш дом, проведите киртан и почтите прасад.

Вечером Аиндра приехал на авторикше по указанному адресу, и у дверей, виляя хвостом, его встретила маленькая собачка. «О нет, — забеспокоился Аиндра. — Они, наверное, кормят эту собаку какой-нибудь рыбой или мясом. Вероятно, они нестрогие вегетарианцы. Прабхупада сказал, что нам не следует принимать даже воду от людей, которые не повторяют шестнадцать кругов в день и не следуют регулирующим принципам. Неужели мне придется есть с ними?»

После киртана хозяин дома предложил Аиндре прасад, но тот смущенно отказался.

Мужчина расстроился:

— У нас в гостях садху, и если мы вас не накормим, нашему дому не видать добра. Пожалуйста, примите прасад!

Зная, как важно гостеприимство в традиционной индийской культуре, Аиндра смягчился.

— Хорошо, — сказал он. — Я могу принять целые фрукты.

Когда они закончили есть, было уже поздно, и мужчина настоял на том, чтобы Аиндра остался на ночь.

С тех пор, как десять лет назад Аиндра присоединился к Движению Сознания Кришны, все ночи он проводил либо в храме, либо в автобусе или фургоне с преданными, либо в номере, оплаченном ИС-ККОНОм. Принимая во внимание обстоятельства, он согласился переночевать в гостях, но только во дворе, поэтому семья принесла индийскую традиционную койку с деревянной рамой, обтянутой пеньковой веревкой.

Аиндра спал под звездами. Лишь только он уснул, как тотчас увидел своего духовного учителя.

— Что ты делаешь? — спросил Прабхупада. Казалось, он был огорчен.

— Прабхупада! — ответил Аиндра. — Я собираю украшения, чтобы проводить фестивали хари-нама-санкиртаны на колесах!

И в этот момент Аиндра осознал: «Распространение книг — это сердце и душа Прабхупады, а я отказался от этого важнейшего служения!» Он вспомнил блаженное распространение книг и журналов на улицах бесчисленных городов и поселков, ужасно расстроился и заплакал, полагая, что разочаровал своего духовного учителя.

– До сих пор, когда я вспоминаю случившееся тогда, мое сердце трепещет, – со слезами вспоминал он позже, – Поскольку во сне, когда я радостно делился со Шрилой Прабхупадой планами, как я собираюсь развивать хари-нама-санкиртану, меня вдруг ошарашило: я оставил важнейшее, основополагающее, первостепенное дело, которому до этого отдал годы, – распространение его книг – и вместо этого сосредоточился на чем-то другом. Мы приходим и уходим, а книги остаются – посему это вещь основополагающая. Записи лекций Прабхупады, которые по сути тоже брихад-киртан, расходятся по всему миру, но они зависят от электричества. На случай, если однажды электричества не станет, Бог дал нам солнечный свет с одной целью – чтобы мы читали книги, оставленные нашими предшественниками ачарьями, и обрели шастра-чакишуа.

Когда я понял, о чем говорю Шриле Прабхупаде, я расплакался. Я плакал безудержно. Шрила Прабхупада обнял меня, и я рыдал, прижавшись к его плечу. Он гладил меня по голове и говорил: «Ничего страшного, у тебя очень хорошо получается. Не волнуйся, все в порядке».

Но я был так огорчен, поскольку говорил Шриле Прабхупаде, что больше не распространяю его книги... ведь распространение книг – было моей жизнью и душой, и остается жизнью и душой, хотя я уже много лет им не занимаюсь. Даже сейчас, при воспоминании о случившемся, у меня всякий раз наворачиваются на глаза слезы.

И в ту минуту я получил замечательный опыт: Шрила Прабхупада больше не был лишь величественным, неприступным исполином, объектом поклонения, как мой гуру, но он был моим старшим братом. Я вдруг глубоко осознал, что Кришна – отец всех живых существ и, в этом смысле, все мы, дживы – духовные братья. Радха и Кришна – наше все, и мой гуру – это мой старший и лучший друг, мой старший брат. С того времени, как он явился в моем сне и повел себя со мной таким образом, он живет в моем сердце в своей ачарья-сварупе как лучший друг.

Получив новый заряд вдохновения, Аиндра вернулся в Нью-Йорк с украшениями и вышитыми тканями для своего проекта. В декабре на имя «ИСККОН Нью-Йорк» с помощью Бхавананды Госвами он приобрел большой фургон «Форд Эконолайн». Планы Махараджа устроить в подвале бассейн и спортзал так и не воплотились в жизнь, и Аиндра пре-

вратил это помещение в мастерскую, где трудился зимними вечерами, превращая машину в храм. Работы было много, и на нее ушло несколько месяцев.

Преданные время от времени заходили посмотреть, как у Аиндры продвигаются дела, но подсобить никто не спешил.

— Зачем ты тратишь столько времени на эту безумную затею? — бывало, спрашивали они, но Аиндру это не смущало. Он был абсолютно уверен, что исполняет желание Шрилы Прабхупады. А помощь приходила, хотя, в основном, со стороны.

К весне 1984 у Бхавананды и Рамешвары закончилось терпение, и они поставили Аиндре крайний срок:

— Либо твой грузовик будет закончен к обеду в следующую среду, либо этой затее конец.

Однажды вечером Луис, прихожанин храма родом из Венесуэлы, увидел припаркованный у задних ворот фургон, который окружали изящные декоративные панели и экзотические ткани. Заинтересовавшись, он подошел поближе. Внутри кабины взгляду открывалось удивительное зрелище, переносившее в иной мир. Здесь чувствовался недюжинный художественный вкус и созидательный талант.

— Что это? — спросил ошарашенный парень.

— Передвижной храм, — коротко объяснил Аиндра, оторвавшись от работы. — Очень нужна помощь: у меня крайний срок — до полудня, в следующую среду, а я сильно отстаю от графика. Поможешь?

Снаружи машина выглядела как непримечательный многотоннажный белый фургон, но, открывшись, две боковые двери являли взору богато украшенную храмовую комнату с зеркалами и золочеными колоннами по бокам, увенчанными арками в раджастанском стиле с затейливым орнаментом в виде танцующих павлинов; красные парчовые занавеси складками ниспадали до пола, расчерченного черно-белой клеткой, как в храме Кришны-Баларамы; торжество красок на изумительных тканях орисской вышивки расцвечивало фон и потолок с парой хрустальных люстр. Это был удивительный храм на колесах!

Однако украшения снаружи нужно было сделать съемными, чтобы машина могла свободно передвигаться по запруженным улицам

Нью-Йорка. Поэтому Аиндра сделал шесть изящных декоративных панелей, которые крепились снаружи грузовика: три — в виде золотых бутонов и лепестков лотоса и мраморных колонн — скрывали колеса и ходовую часть грузовика, а остальные три с танцующими золотыми павлинами и узорами, каждая весом около пятидесяти килограммов, крепились наверху. Победно развевающийся флаг венчал все это великолепие.

Работы предстояло еще много. Одна из проблем заключалась в том, что нужно было в одиночку поднимать тяжелые верхние панели-арки. Тут требовалось конструкторское решение. План Аиндры заключался в том, чтобы поднимать их тросом с помощью рычага, а затем крепить на крыше. Но он не знал, сколь надежным будет этот способ. Преданные из любопытства по-прежнему заходили посмотреть, что происходит («Харибол, Аиндра!»), но, как всегда, они были заняты своими делами и не могли (или же не хотели) подсказать. И вот наконец Кришна послал Аиндре Луиса, первого сподвижника.. Вторым стал другой гость храма — Фрэнк, темнокожий ветеран вьетнамской войны, живший в приюте для бездомных. Теперь дело пошло быстрее.

В ночь со вторника на среду Аиндра вместе с помощниками трудились без отдыха. Рано утром он отправился прямиком на мангала-арати, провел поклонение своим Божествам и немного вздремнул. Незадолго до обеда, он спустился к выходу, чтобы встретить Рамешвару Махараджа и Бхавананду Махараджа, которые в сопровождении секретарей и множества учеников пришли оценить результаты потраченных двадцати пяти тысяч долларов и четырех месяцев работы.

Когда Аиндра открыл боковые панели и храм открылся взорам присутствующих во всей красе, преданные ахнули. Но когда он попробовал поднять тяжелые панели, механизм в самый неподходящий момент заклинило, и массивные украшения со скрипом рухнули на землю. К счастью, серьезных повреждений не было, и никто не пострадал, но все едва не закончилось плачевно. Было ясно, что конструкция требовала доработки.

— Даем тебе еще один, последний день, чтобы найти решение, — покачали головой Свами и удалились в сопровождении свиты.

Вечером того же дня Луис пришел в храм и увидел, что Аиндра и Фрэнк продолжают работать над фургоном.

— Что случилось? — спросил он.

— Беда, — вздохнул Аиндра. — Арки упали и чуть не пришибли меня.

Пытаясь решить проблему, трое друзей работали всю ночь, не покладая рук. Наконец утром они купили маленькую электрическую лебедку, и теперь массивные панели можно было безопасно поднимать даже в одиночку. На следующий день проект с честью выдержал испытание. Рамешвара и Бхавананда остались довольны. Аиндра был в восторге, а путешествующий храм после долгих мытарств и стольких усилий наконец был готов к бою. Все наконец-то воплотилось в жизнь именно так, как он хотел — Кришна, безусловно, приложил к этому Свою всеильную руку!

Следующим утром Аиндра снял своих Божеств с полки в комнате Рамабхадры и с полной церемонией абхишеки торжественно установил Их на новом алтаре в храме на колесах. С того времени, ради проповеди Святого Имени на улицах Нью-Йорка, он и Гаура-Нитай жили в фургоне, где Аиндра спал на циновке в углу.

Так началась санкиртана в легендарном передвижном храме.

Рама Рая: Сам он был буквально «женат» на этом фургоне, однако из храмовых преданных ему помогли очень немногие. Если делать было совсем нечего, кто-нибудь мог иногда присоединиться к Аиндре на денек-другой. Но по большей части в своей миссии он был одиноким солдатом.

Аиндра: Я начал выезжать на улицы каждый день, не меньше чем на восемь часов, в дождь и солнце, вместе с кем-то или один — мне было все равно. Если никто не хотел выходить, что поделать — Гаура-аллилуйя! Ничего страшного. Бывали дни, когда на помощь приходили многие, и дни, когда не было почти никого.

Бхуриджана: Когда Аиндра открывал машину и начинал киртан — зрелище было просто удивительным: будто духовный мир перенесся в Нью-Йорк. Невероятно! Мало кто знал, что он еще и такой талантливый художник и скульптор.

Передвижной храм Аиндры в Центральном парке Нью-Йорка, 1984 год

Фрэнк продолжал помогать Аиндре, часто пел с ним и играл на караталах. Затем в один прекрасный день он неожиданно получил в наследство большую коллекцию индийских музыкальных инструментов: три комплекта таблы, разнообразные вины, танпуры и прочие струнные инструменты. Конечно, он тут же отдал их Аиндре.

– Фрэнк жил практически на улице, поскольку был очень беден, – вспоминал Гарбходакашайи Вишну, который стал преданным, услышав киртан Аиндры. – Он мог бы продать свое наследство и немало заработать, но вместо этого отдал его нашей команде. Происходившее выглядело, как чудо: Аиндра строит этот удивительный передвижной храм в ведическом стиле, и невероятным образом Фрэнк вдруг дарит ему вины, танпуры, таблы и другие традиционные индийские инструменты!

С того дня небольшая группа хари-нама-санкиртаны стала их регулярно использовать.

Луис тоже продолжал выезжать с Аиндрой почти каждый день, а вскоре получил духовное посвящение и имя — Субал дас. Прежде он играл на бас-гитаре в латиноамериканских музыкальных группах, и

когда Аиндра вручил ему танпуру — что-то вроде большого безладового баса — и дал пару простейших указаний, как играть, тот очень обрадовался.

— Тогда его пение еще не было таким потрясающим, каким стало позже, — вспоминал Субала, — но это было очень мощно. Он целиком погружался в санкиртану, экспрессивно качал головой из стороны в сторону, отдавая всего себя.

— Его голос был еще не таким музыкальным и утонченным, — соглашался Рама Райа. — Но в его пении уже была характерная сила. Он сидел, склонившись над фисгармонией, закрыв глаза, весь поглощенный ягьей, и пение маха-мантры было словно плач, — как если бы от этого зависела его жизнь.

Субал вскоре попытался применить свою темпераментный стиль игры на баса и синкопировать ритм танпуры, но Аиндра тут же повернулся к нему и сказал:

— Какого черта ты делаешь?

— Не надо так со мной разговаривать! — возмутился Субал и поднялся, готовый уйти, но Аиндра, приобняв за плечи, усадил его обратно и объяснил роль танпуры в музыке: задать устойчивый гармоничный тон — основу и в то же время почти подсознательную точку отсчета для основной мелодии.

Субал и Фрэнк были постоянной командой Аиндры вместе с Кантеей, темнокожим преданным, игравшим на мриданге, и Карлосом, прихожанином из Бразилии, игравшим на карталах. Каждый день около 7 утра, еще до начала столпотворения, у тротуара останавливался белый фургон, из него выбирался Аиндра в шафрановых дхоти и футболке и наполнял парковочный счетчик монетами. Затем распахивались две боковые двери и ароматный дым благовоний клубами распылялся вокруг под звуки экзотической индийской раги, доносившейся из колонок. Полчаса уходило на то, чтобы все подготовить: установить верхние и нижние декоративные панели, расставить столы с книгами Шрилы Прабхупады, журналами «Обратно к Богу» и прасадом, поставить ящик для пожертвований, проверить колонки. Затем начинался киртан — сперва медленно, затем все быстрее и мощнее — и продолжался, не иссякая, десять-двенадцать часов. Утренний поток людей,

спешивших на работу, замирал ненадолго, созерцая сногшибательное зрелище и впитывая трансцендентные звуки маха-мантры; во время обеденного перерыва разливающиеся вокруг звуки киртана встречали их тем же вдохновением, а вечером, когда они возвращались домой, Аиндра и его спутники по-прежнему пели, охваченные, казалось, еще большим энтузиазмом!

Время от времени выступление притягивало агрессивных недоброжелателей, но Аиндру это не беспокоило: крикливый злопыхатель собирал немало зрителей. Аиндра тогда останавливал пение и в беседе один на один опровергал претензии, — ведь на его стороне было не только трансцендентное знание, но и микрофон.

Иногда он прерывался, чтобы побеседовать с заинтересованным зрителем или дать короткую лекцию.

— Собака бежит на четырех лапах, — объяснял он, цитируя своего духовного учителя. — А так называемый цивилизованный человек едет на четырех колесах. Какая разница? Я говорю — разницы нет! Если люди не задаются вопросами о цели своей жизни и не развивают духовное сознание, они ничем не отличаются от собак!

Он просил собравшихся людей подпевать и всегда угощал их прасадом — чем-нибудь скромным из утреннего подношения своим Богам или маха-прасадом из храма. Когда бывали излишки с воскресного пира, Аиндра с друзьями раздавали из ведер полные тарелки.

Через некоторое время Аиндра приобрел электронное табло и водружал его под центральной аркой своего передвижного храма. Бегущая строка гласила: «Пожалуйста, повторяйте «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе», и ваша жизнь станет возвышенной». И: «Пожалуйста, приходите на Шермерхорн-стрит, 305 в Бруклине на воскресный Праздник Любви».

Не прошло и недели, как передвижной храм Аиндры попал на вторую страницу местной газеты «Дейли-Ньюс». Статья оказалась положительной — что было редкостью в то время, когда многие газеты и телевидение выставляли ИСККОН сектой — и к ней прилагалась фотография Аиндры и его группы киртана.

Гарбходакашайи Вишну: Он ехал в любой район, в Гарлем или в центр Бруклина (тогда еще весьма неблагополучное место), и открывал свой фургон. Изнутри выплывали клубы благовонного дыма – пораженные люди останавливались, разинув рот. В Нью-Йорке народ трудно чем-то удивить – чего только они не повидали. Но эта обычная с виду машина вдруг открывалась и... – Бам-мм! Вриндаван!

Он был зрелым преданным, настоящим вайшнавом, и относился ко всем дружелюбно. У него не было предубеждений, он не делил людей на друзей и врагов. На меня, как на чернокожего, произвело впечатление то, что он совершенно не думал о расовых различиях. Это чувствовалось. Он мог запросто подойти и пошутить, легко находил язык с незнакомыми людьми, был очень разумен, смекалист, проницателен и знал, что происходит в окружающем мире. Он был много старше и глубже с духовной стороны, но с ним запросто можно было

поговорить о житейских делах и проблемах. Я рассказал ему о трудностях, с которыми столкнулся, пытаясь бросить марихуану. Он ответил:

– Когда я только переехал в храм, у меня тоже был с собой увесистый пакетик, но я просто высыпал его в окно.

Он был так весел и счастлив и так любил петь киртан! Он был не просто эмоциональным, он также хорошо разбирался в нашей философии – удивительное сочетание. Его пение было исполнено радости и приносило блаженство; оно сильно трогало людей. Казалось, он мог петь бесконечно. Большую часть времени он вел киртан сам, но давал петь и другим, – если вы были с ним, в какой-то момент он сажал вас к микрофону.

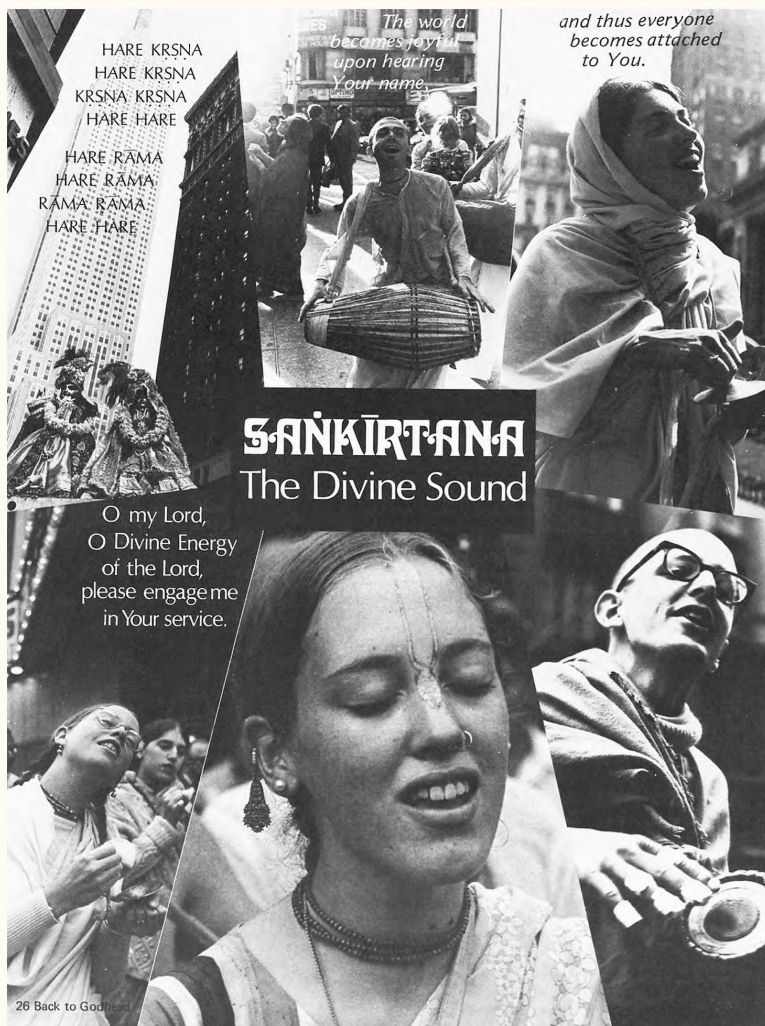
Кроме того, у него было столько преданности, шакти и харизмы. Он притягивал людей – они знакомились с ним на киртане и в тот же день уже хотели побриться, чтобы «официально» стать преданными.

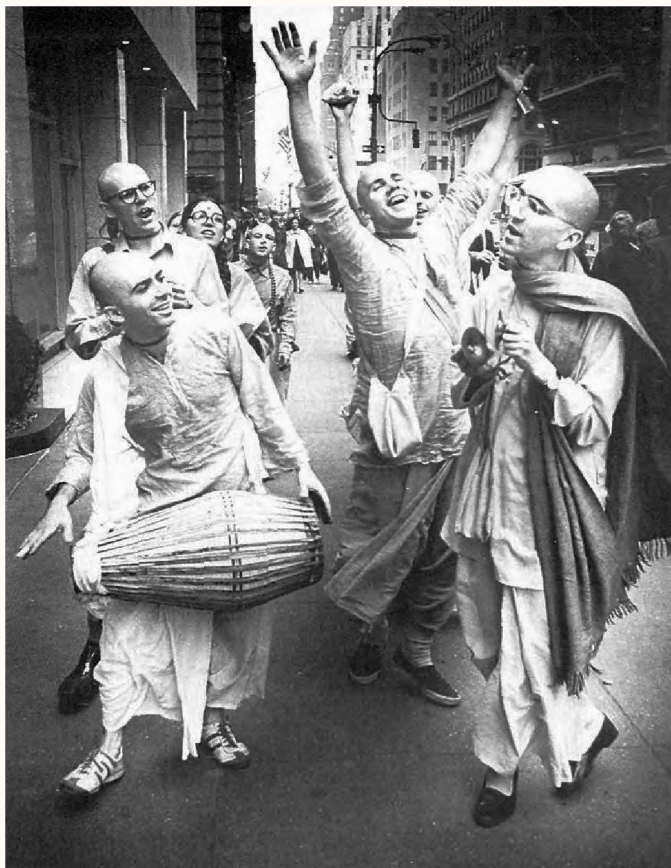

Аиндра приводил их в храм, учил петь киртан и играть на музыкальных инструментах. С его подачи к храму присоединились не менее двадцати человек и по меньшей мере сорок стали прихожанами, а бесчисленное множество других обогатились опытом Сознания Кришны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Аиндра не мог не тосковать по былым временам. Пока Прабхупада оставался на этой планете, преданные ежедневно пели «Харе Кришна» на улицах всех крупных городов мира.

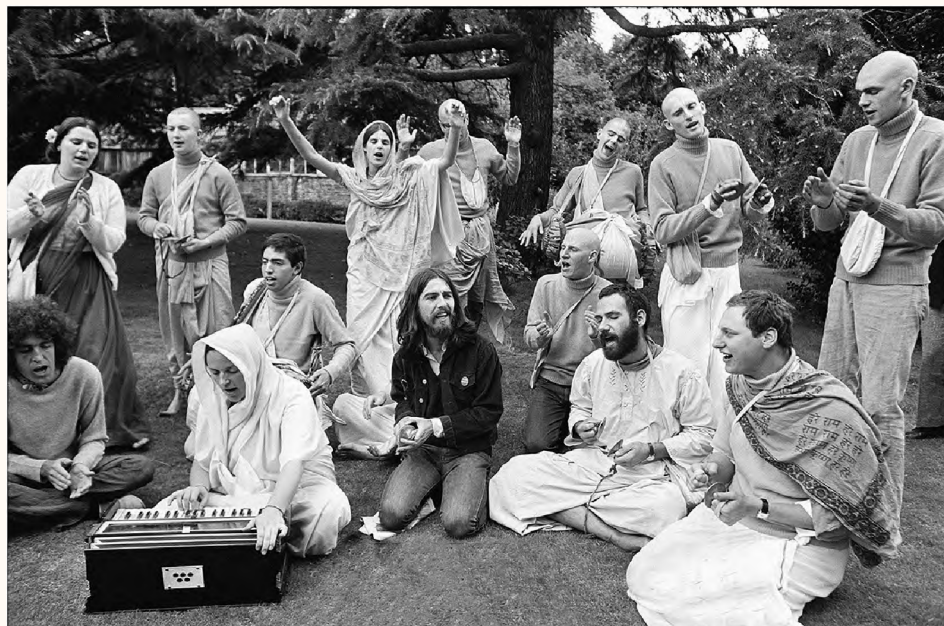

В Нью-Йорке каждый божий день пятьдесят человек выходили на санкиртану. А по выходным практически все обитатели храма — двести пятьдесят человек — собирались вечерами на четырехчасовую маха-хари-нама-санкиртану! Вооружившись двадцатью мридангами и множеством каратал и гонгов, вайшнавцы делились на две группы, которые одновременно расходились в противоположные стороны шумного, сияющего огнями Бродвея, а затем снова сходились в центре. Духовные вибрации, наполнявшие сердца преданных восторгом, отражались от небоскребов победным громом! Тысячи горожан и туристов, потрясенные мощнейшей духовной вибрацией, пораженные внушительным зрелищем, внимали Святым Именам.

Всего за десятилетие целый мир узнал преданных — людей, повсюду поющих «Харе Кришна». Совместное пение имен Кришны произвело неизгладимое впечатление на все человечество и породило трансцендентную революцию в жизни цивилизации, сбившейся с пути и погрязшей во тьме Кали-юги.

Увы! То было тогда, а сейчас... Сейчас преданных даже волоком было не вытащить на уличную хари-нама-санкиртану, — едва ли десяток энтузиастов собирались теперь субботним вечером на «маха-киртан», а у остальных были дела поважнее. Даже несмотря на успешную проповедь, Аиндре по-прежнему с трудом удавалось вдохновить кого-либо выйти вместе с ним на день или хотя бы на пару часов, чтобы поддержать огонь санкиртана-ягьи. И все же он не оставлял попыток разжечь бывшее пламя даже из небольших искр вдохновения.

Однажды утром, когда все завтракали, Аиндра с киртаном вошел в зал, играя на мриданге, имея вид еще более растрепанный и взъерошенный, чем обычно. Аиндру Сопровождали его двое преданных, комично наряженные неуклюжими зелеными бхактами, вплоть до ярких непарных носков на ногах. Аиндра отбивал на барабанах простой ритм, и все трое танцевали и нарочито нестройно пели маха-мантру: «Хааарей Кришнааааааааа, Хааарей Кришнааааааааа...». Все взоры устремились на неожиданный спектакль: кто-то одобрительно улыбался, кто-то ошеломленно жевал, иные подбадривали «актеров» возгласами «Хари бол!»

Затем с другой стороны вошел Локамангала в роли бизнесмена — в костюме и с дипломатом — и крикнул:

— Эй, кришнаиты! Где вы были? Я сто лет вас не видел, ребята!

— У нас много других неотложных дел, — ответил Аиндра. — Все это **важные** дела. Как например, оплачивать счета и решать всякие насущные проблемы!

— Да ладно вам! — возразил «бизнесмен». — Ну, правда. Соберитесь! Мы скучаем по вам, ребята! Вы нам очень нужны! Честно!

— Вы слышали, прабху? — воззвал Аиндра к аудитории из сорока-пятидесяти преданных. — Идемте на хари-нама-санкиртану! Мы и правда там очень нужны!

В ближайшие выходные до сотни преданных вышли с ним на улицы, чтобы петь «Харе Кришна» и танцевать, распространяя книги, как в старые времена. Эйфория продлилась еще несколько недель, постепенно сбавляя темп, пока все не вернулось в привычное русло, и все неделю он снова выезжал лишь с горсткой верных помощников-прихожан.

Одна из духовных сестер, Джая Бхадра, вспоминала:

— Однажды Аиндра удрученно сказал: «Знаете, что мне посоветовал Романада Свами? Вместо того, чтобы жаловаться на нехватку желающих петь Хари Наму, мне нужно своими личными качествами привлечь других и воодушевить их петь Хари Наму». Он сомневался, по силам ли ему это будет, но, по видимости, принял совет Махафраджа. И это стало частью священной истории.

Спустя пару месяцев, когда Аиндра пел утром на площади в юго-западном углу Центрального парка, послушать его остановился темнокожий американец. Аиндра прервался ненадолго, и они разговорились. Мужчина излучал вежливое, благородное любопытство и рассказал, что идет на учебу в юридический университет. Он сам платил за обучение, подрабатывая в свободное время.

— Присаживайтесь и подыграйте мне на этом барабане, — пригласил Аиндра.

Человек мало что знал о сознании Кришны и никогда раньше мридангу в руках не держал. Предложение его удивило, но, сраженный непритворной улыбкой и манерами Аиндры, он поднялся в фургон, взял мридангу и, как мог, пропел с Аиндрой два часа.

Вскоре он получил посвящение и духовное имя — Шудханидхи дас. Он переехал в нью-йоркский храм и помогал Аиндре каждый день, пока руководство храма не настояло на том, чтобы он вместо этого стал собирать деньги.

К превеликому сожалению Аиндры, это превратилось в норму. Как только какой-нибудь новый преданный присоединялся к его программе, уже через несколько недель новоиспеченному кандидату приходилось отказаться от этого служения в пользу сбора пожертвований на поддержание храма. Большинство из них в конце концов теряли интерес и покидали общество преданных, но Шудханидхи остался, а годы спустя дал обет: путешествовать с нама-санкиртаной по столицам всех штатов США — и исполнил его.

В октябре 1984 года журнал «Обратно к Богу» опубликовал фотографию и короткую заметку о храме Аиндры на колесах:

Вайшнавский храм колесит по улицам Нью-Йорка

«Храм в индийском стиле у подножия небоскреба на Манхэттене? Ненадолго. Фургон Аиндры даса, превращенный в богато украшенный храм, каждый день появляется в разных местах Нью-Йорка. Под аккомпанемент музыкальных инструментов Аиндра и его группа поют Святое Имя Кришны, раздают книги о сознании Кришны и предлагают прохожим бесплатное угощение».

Devotees Bring Temple to New York Sidewalks

An Indian-style temple at the foot of a Manhattan skyscraper? Not for long. Aindra dāsa's van, transformed into an ornate temple, appears at different places in New York City every day. To the accompaniment of instruments, Aindra and his group chant the holy name of Kṛṣṇa, distribute books on Kṛṣṇa consciousness, and offer free refreshments to passersby.

Статья в журнале "Назад к Богу", 1984 год

Обычно Аиндра начинал свой день с индийского района в Джексон-Хайтс, в Квинсе, где люди прямо на улице снимали обувь и кланялись киртану, жертвовали рис мешками, а фрукты и овощи — ящиками, но основными местами его хари-нама-санкиртаны были Брайант-парк, Колламбас-Серкл, Таймс-сквер, Геральд-сквер, Уолл-стрит в районе банков, Вест-Виллидж, особенно на 4-ой улице недалеко от нью-йоркского университета и парка Вашингтон-сквер. Когда он пел там вечерами, молодые люди собирались вокруг машины, пели, танцевали и подырывали на своих инструментах.

— Я выходил каждый день на восемь, десять, двенадцать часов — не меньше, — вспоминал он. — А по субботам я пел нама-санкиртану пятнадцать часов. Мы ехали в Квинс на шесть часов, затем сворачивались и переезжали на 4-ую улицу в Вест-Виллидж, где оставались на всю ночь, примерно до 3:30 утра. Потом за двадцать минут я собирался, и мы возвращались уже к мангала-афати.

Это было просто замечательно: киртан с полной отдачей в огромном Нью-Йорке! И так — практически каждый день в течение пяти лет.

По воскресеньям, когда в храме собиралось несколько сотен человек, Аиндра возвращался к двум-трем часам дня и вел киртан до начала главной программы в пять. В конце, пока все принимали прасад, он возобновлял киртан, продолжавшийся до позднего вечера, и люди, которые пришли в храм, привлеченные его пением на улицах, присоединялись к нему.

Поначалу, «банда Аиндры» (как называл их Рамабхадра) состояла в основном из индийцев, впечатленных его духовной энергией и преданностью, каких-то эксцентричных парней с длинными волосами и кларнетами, а также женщин-йогов, замороженных его пением. Но со временем киртан Аиндры и программа передвижного храма стали вдохновлять все больше и больше людей из всех слоев общества.

Однажды в воскресенье к фургону подошел молодой мужчина. Он оказался гитаристом и рассказал, что уже много лет встречается на улице преданных, но никак не решался подойти.

— Я тоже раньше играл на гитаре! — ответил Аиндра. Они принялись обсуждать Хендрикса и других известных гитаристов с их разными стилями. Наконец Аиндра спросил:

— Ты можешь прийти в парк Томпкинс-сквер завтра утром? Мне, по правде говоря, пригодилась бы твоя помощь.

На следующий день и почти каждый день в течение следующих нескольких месяцев этот юноша стал петь с Аиндрой и играть на караталах. Через некоторое время он получил посвящение и имя Мурали Кришна дас.

— Аиндра сразу же пригласил меня заняться делом, помочь ему, — вспоминал Мурали Кришна. — Каждый день он назначал место встречи. Я приезжал, садился с ним в фургон и играл на караталах. Он объяснил, что играть на фисгармонии аккордами — не лучший способ игры, а вместо этого обучил меня традиционному стилю раги.

Каждый день Мурали Кришна первым делом помогал Аиндре установить панели и подготовить фургон:

— Я не знаю, как он справлялся — это было нелегко. Ему часто приходилось ремонтировать панели, потому что они ломались из-за ежедневной сборки и разборки. Я помогал ему спускать их в подвал храма, где у него была мастерская со всевозможными инструментами, красками и клеем.

Он также показал мне, как правильно и с почтением заботиться о Божествах. «Они не просто статуи», — говорил он. Люди жертвовали бхогу, либо мы сами покупали фрукты и орехи, предлагали их Божествам и раздавали прасад зрителям и участникам киртана на улицах. Иногда маленькие Божества Радхи-Говинды также приходили из храма к нам на киртан.

Он неизменно старался поддерживать хорошие отношения с полицией и властями: был с ними приветлив, угощал их прасадом и всегда брал необходимые разрешения на парковку и использование звуковых колонок. Копы в Нью-Йорке строги, но Аиндра им нравился. Всех остальных преданных они доставали, но не его.

Однажды какой-то пьяный стал вести себя агрессивно, бросать в Аиндру и всех нас камни и сигареты. Я выскочил из грузовика и хотел побить его, но Аиндра меня остановил. Мы просто продолжали петь, и хулиган ушел. Аиндра глубоко верил, что Господь защищает Своих преданных.

Иногда, если во время утренней программы в храме кто-то звенел караталами невпопад, он останавливал киртан. Он ходил по кругу и показывал всем, как играть в такт. Он был бесстрашным, и люди уважали его за это. Я восхищался его бесстрашием.

В том году Аиндра соблюдал чатурмасья-врату в одиночестве и принял еще больше аскез и обетов, при том, что он ежедневно пел, иногда по пятнадцать часов, а кроме того, регулярно поднимал и опускал пятидесятикилограммовые панели грузовика.

Однажды вечером, когда все остальные уже отдыхали, несколько пуджари и поваров собрались по своему обычаю почтить чудесный маха-прасад Радхи-Говинды: сабджи из обжаренной в гхи цветной капусты, картофеля и помидоров с паниром, пури и ароматную маслянистую халаву.

Аиндра сидел один в углу, держась за живот и тихонько стонал.

Рамабхадра хотел его угостить, но догадывался, что друг следует каким-то обетам.

— Что с тобой? — спросил он. — Почему ты так мучаешь себя?

— Завтра амавасья, — прошептал Аиндра, — новолуние.

— Да, — ответил Рамабхадра. — И что?

— Я следую чандраяна-врате.

— Что? — не мог поверить Рамабхадра. — Еще одна врата?

— Шрила Прабхупада упоминает об этой аскезе, — пояснил Аиндра. — Я принимаю только пятнадцать глотков прасада один раз в новолуние, и в каждый последующий день — на один глоток меньше. На амавасью — полный пост, а затем обратно прибавляю по одному в день.

— Боже мой! — воскликнул Рамабхадра. — Ты целый день проводишь на санкиргане в своем фургоне и в то же время занимаешься такими аскезами?

— Ага.

— А что ты вообще ешь и где?

— Только простое кичри. Я ем в машине. По правилам требуется почитать прасад с пола...

— Ты сидишь в машине и ешь с пола?

— Я не сижу, — пояснил Аиндра. — Я ем, стоя на коленях и заложив руки за спину. Так эта врата описана в шастрах.

— Как животное! — воскликнул Рамабхадра. — Прекрати истязать себя!

— Но он продолжал свою аскезу, — вспоминал Рамабхадра. — Это в точности походило на какую-то историю прямо со страниц «Чайтанья-чаритамриты». Если он брал на себя обязательства что-то сделать, то никогда не сдавался, а если давал обещание, то всегда его держал; он был очень ответственным. Так он строго следовал своим обетам и неизменно продолжал свое нелегкое служение. Не представляю себе, как ему это удавалось.

Через несколько дней во время большого праздничного пира Рамабхадра увидел Аиндру в одиночестве у входных дверей храма. Любимый всеми преданными искусный повар Парашурама приготовил для Божеств пышное угощение из двенадцати блюд, и у Рамабхадры возникла идея, как нарушить обет своего товарища и накормить его.

— Аиндра, — начал он. — ты не поверишь, какой пир приготовил Парашурама! Боже мой! Это лучшее, что я когда-либо ел. Вкуснейшее сабджи под сметанным соусом, лазанья, чудесные самосы, пакоры со сливовым чатни, халава с кэробовой стружкой, фруктовое ласси, холодный сладкий рис со сливками... ты должен это попробовать!

Аиндра только слотнул, тяжело дыша.

— Послушай, — продолжал Рамабхадра, — По-моему, я слышал от знающих пандитов, что если преданный по-праздникам вкушает пир, особенно в дни явления Господа или на Радхаштами, как сегодня, то он не нарушает свой обет. Пожалуйста, почти прасадам! Пойдем со мной в алтарную, только взгляни на прекрасные блюда. Парашурама так старался!

Наконец, после десяти-пятнадцати минут уговоров, Аиндра сдался и, прихватив поднос, бросился в прасадам-холл и присоединился к духовным братьям. Он съел огромную тарелку и выглядел невероятно блаженным. Однако позже, поговорив со «знающими пандитами», Аиндра пришел к выводу, что исключение из правил было выдуманно, и он таки нарушил свой обет. Сердито сказав Рамабхадре: «Ты заставил меня нарушить врату!», он, как прежде, стал неукоснительно поститься.

Кроме всего прочего, Аиндра должен был найти способ, как регулярно выплачивать ссуду Бхавананде Махараджу. Пожертвования, которые удавалось собрать на санкиртане, едва покрывали ежедневные расходы, ремонт машины и украшений в передвижном храме. Однажды он обратился за помощью к Рамабхадре, который управлял финансами Радхи-Говинды.

— Можешь дать мне 800 долларов на ежемесячную выплату? — спросил он.

— У меня есть только деньги Радхи-Говинды, — возразил Рамабхадра. — Я не могу просто дать их тебе, ты должен сделать какое-то важное служение.

— Скажи какое — я готов.

Рамабхадра ремонтировал и заново украшал алтарь и кухню Божеств, работа была в разгаре. Двери алтаря теперь украшала изящная резьба в виде павлинов, стены были выкрашены в бледно-лиловый цвет, а клетчатый пол стильно украшен мелкой бирюзовой плиткой. Здесь как раз и возникла загвоздка: Рамабхадра хотел заполнить стыки между плитками ярко-розовой замазкой, но материал такого цвета в магазине не продавался. Получить его можно было, добавив розовую краску к обычному белому раствору, но если нанести его на миллиметровые швы неаккуратно, можно было испортить плитку.

— К завтрашнему дню все стыки на полу в кухне Божеств должны быть ярко-розового цвета и нанести смесь придется вручную, — сказал Рамабхадра.

Он объяснил задачу и предложил Аиндре по окончании работы 800 долларов, в которых тот нуждался.

Чтобы не беспокоить преданных, готовивших целый день для Радхи-Говинды, Аиндра пришел на кухню с розовой краской, замазкой и новой зубной щеткой уже поздно вечером, когда все разошлись отдыхать. Он закатил рукава и приступил к работе.

Около трех часов утра Рамабхадра вошел на кухню, чтобы подготовиться к пробуждению Божеств и утренней службе. Измученный Аиндра был тут как тут; хотя он корпел над полом всю ночь, заполняя швы и стирая зубной щеткой излишки с плиток, работа все еще не была закончена.

Аиндра взглянул на него сквозь пелену усталости в глазах.

— Знаешь, — медленно сказал он, — Это намного труднее, чем я думал.

Рамабхадра не ответил и просто взялся за свое служение.

— Наверняка, такая изнурительная работа стоит много больше 800 долларов, — предположил Аиндра, орудуя щеткой.

Рамабхадра с серьезным видом продолжал готовиться к утренней службе. Каждый раз, когда он проходил мимо, Аиндра делал новое замечание о том, насколько трудной была задача и несоразмерно малой плата. Когда Аиндра наконец закончил, мангала-арати уже почти началось. Он с трудом встал, посмотрел Рамабхадре в глаза и спросил:

— Дашь мне еще 800 долларов?

— Не думаю, — возразил Рамабхадра. — Мы договорились о конкретной сумме, и это деньги Божеств.

Аиндра, пошатываясь, стоял и сердито смотрел на казначея. Подняв одну бровь и резко опустив другую, он зашагал прочь, назвав Рамабхадру мошенником за то, что тот не хотел доплатить за непосильный (по его мнению), рабский труд.

Во время рождественского марафона преданные Кришны прилагали особые усилия, но большинство из них продавали открытки, пластинки или наклейки, либо просили пожертвования на благотворительные цели для поддержания храма. Аиндре также приходилось отвлекаться от пения Святых Имен: в сезон праздников он старался накопить как можно больше денег, чтобы его программа санкиртаны могла продолжаться.

Иногда он шел на парковки около больших супермаркетов или в метро и изображал нищего глухонемого. Он ходил по вагонам поезда и показывал пассажирам плакат, который гласил, что он не может удержаться на работе и ради «мира во всем мире» просит о помощи: «Пожалуйста, дайте 1–2 доллара. Благослови Вас Господь». Если человек давал только один доллар, Аиндра, мыча, показывал пальцем на цифру «2» и часто получал второй.

Однажды во время сбора пожертвований на него напал грабитель. Угрожая ножом, он выхватил сумку, в которой были мешочек с четками и несколько личных вещей, и бросился бежать. Аиндра крикнул вдогонку: «Верни хотя бы четки!»

— А? — откликнулся мужчина, скривившись. — Четки?

Заглянув в сумку и увидев, что в ней нет ничего ценного, он бросил ее на землю и убежал.

В другой раз Аиндре нужно было сходить в туалет и, не придумав ничего лучшего, он спрятал мешочек с четками за толстым справочником номеров в будке телефона-автомата. Когда он вернулся, четки пропали, и это его сильно расстроило. Позже, цитируя Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати Тхакура, он увещевал преданных, что при необходимости, даже отправляясь в уборную, гораздо лучше никогда не расставаться с четками, Божествами или другими священными и дорогими сердцу атрибутами, чем навсегда потерять их.

В преддверии Рождества преданные собирали на улицах неплохие пожертвования, нарядившись в костюмы Санта-Клауса или различных героев популярных мультфильмов. Аиндре и Субалу тоже приходилось ходить по барам, одетыми в красные шубы, штаны, колпаки с помпонами, в пышных белых париках и с накладными бородами. Его напарник вваливался первым и громко кричал: «Хо! Хо! Хо! Харибол!» — на радость пьяной толпе, с энтузиазмом принимавшей его на своей вечеринке. Потом входил Аиндра-Санта и громко вторил: «Хо! Хо! Хо! Харибол!». Увидев другого Санту, он возмущался: «Эй! Это что за самозванец? Я настоящий Санта!» Далее следовала показная потешная склока между Сантами («Я настоящий Санта!», «Нет, я настоящий Санта!»),

доходившая до шуточной потасовки и тягания друг друга за бороду, пока один из них не восклицал:

— Погоди! Так не пойдет. Мы должны трудиться сообща и нести праздничный настрой и радость всему человечеству!

— Точно! — соглашался второй Санта. — Давайте все вместе нести высшую радость всему человечеству!

Спектакль завершился их шутивными объятиями, шутками, восторженным ревом толпы и два Санты собирали у кутил деньги.

Однажды Аиндра и Субала, одевшись Сантами, спустились в метро, чтобы на станциях и в вагонах устраивать свой «Хо! Хо! Хо! Харибол!». Однако, куда бы они ни подались, там уже похоже побывал другой Санта. В конце концов, они добрались аж до китайского квартала, но там бизнес шел плохо, и в итоге они сдались.

На обратном пути в храм, у итальянских ресторанов на Мотт-стрит их окликнул полный мужчина:

— Эй, Санта-Клаус! Санта-Клаус!

Он курил у входа в ресторан и, жестикулируя, энергично звал их к себе. Когда Санты нерешительно подошли, мужчина обхватил их и, распахнув двери, почти втокнул вовнутрь.

— Эй, смотрите! К нам приехал Санта-Клаус!

Внутри дым стоял столбом и за столами веселилась целая толпа мужчин с сигарами в зубах и в шикарных костюмах. Аиндре показалось, что это рождественская вечеринка мафиози.

— О-о! Привет! Два Санты! — заорали в толпе. — Как дела? Куда идете, ребята?

— Мы собираем пожертвования на добрые дела, — нашелся Аиндра. — Но сегодня мы ходили весь вечер и ничего не собрали.

— Это ужасно! — крикнул человек важного вида. — Мы вам поможем.

И, повернувшись к собравшимся, объявил:

— Все должны помочь!

Люди стали доставать толстые бумажники и совать в руки Субалу и Аиндре крупные купюры. В тот вечер они собрали достаточно денег, чтобы обеспечить программу киртана на целый год. Так Аиндра был тоже вынужден просить пожертвования, но для многих других преданных это было ежедневным делом.

В первые годы существования ИСККОН Шрила Прабхупада лично вдохновлял своих молодых последователей и непосредственно руководил Обществом. Со временем большую часть практического руководства взяли на себя старшие ученики, но он по-прежнему следил за поддержанием духовных стандартов и поправлял их ошибки, чтобы Движение росло и развивалось надлежащим образом.

После его ухода сложностей было не избежать. Трое из одиннадцати «зональных ачарий», молодых иницирующих гуру ИСККОН, вскоре были отстранены от должности из-за очевидных нарушений и духовной слабости, а к 1985 году проблемы умножились и значительная часть Общества пришла в беспорядок. Всего за один год количество преданных в нью-йоркском храме сократилось со 150 человек до всего 25-30. Многие совсем ушли из Движения, другие, разочаровавшись, просто держались в стороне.

Некоторые целеустремленные преданные уезжали в Индию, особенно во Вриндаван. Хамса Рупа писал Аиндре: «Ты должен приехать! Здесь я, Тошан Кришна, Курма Рупа — все твои друзья. Поговаривают о возобновлении круглосуточного киртана во Вриндаване. Это идеальное служение для тебя: нужен кто-то, чтобы организовать и возглавить его». Такое заманчивое предложение было Аиндре по душе, но он хотел «поддержаться как можно дольше ради проповеди».

Во время киртана вокруг передвижного храма Аиндры все так же собирались толпы людей и некоторые из них со временем становились преданными. Но когда он видел, что многих из тех, кто поселился в храме, теперь вместо санкиртаны и распространения книг заставляют собирать пожертвования, он расстраивался и переживал. Какой смысл было проливать столько пота и крови, проповедовать и вдохновлять людей стать преданными, присоединиться к храму только затем, чтобы их оторвали от пения Святых Имен и погнали на сбор денег?

— Это была замечательная программа, — вспоминал он позже, — Мы привлекали немало людей, которые присоединялись к движению Сознания Кришны. Но каждый раз их довольно скоро отрывали от нашей проповеди — от пения, которое их и привлекло — и отправляли на сбор пожертвований. По этой причине я никак не мог развить и укрепить мою хафи-нама-санкиртану, что было весьма прискорбно.

*Your Das,
a Hare Krishna disciple,
is one of six devotees
in San Antonio
who are stopping
motorists, giving them
a candy cane
and asking for a \$1
donation during
the Christmas season.
(AP Wirephoto)*

Krishna Klaus

**Skinny Santas find the red suits
help drum up donations for sect**

SANTA TOUTS A BOOK EXPLAINING HARE KRISHNA THOUGHT
Staff Photo by Len Cooper
Everybody's happy to see Santa Claus, skinny or no tummy

Главным служением для многих преданных стала продажа грампластинок, свечек, бус, наклеек, картин и прочего. Преданные также постоянно просили на улицах многих городов пожертвований, одеваясь в костюмы Санта-Клауса, гориллы, героев популярных мультфильмов и т.д. В нью-йоркском храме была специальная костюмерная, где преданным подбирали костюмы подходящего размера для этого ежедневного служения.

Две вырезки из газетных статей того времени.

Слева: Кришнаиты одеваются в одежды Санты и кричат: «Хо! Хо! Хо!» Харе Кришна Санта-Клаус – Джйотир дас, один из шести преданных в Сан-Антонио, которые тормозят машины, предлагают леденцы и просят пожертвование в 1\$ в канун Рождества.

Справа: Кришна-Клаус – красные одежды помогают худосочным Сантам собирать подаяние для секты. Санта предлагает книгу обучения Кришны. (В статье преданный рассказывает журналисту, как он останавливает людей на улице, развлекая их шутками («Как вы себя вели в уходящем году, друзья? Хотите подарков от Санты?»), предлагает им леденцы и легко собирает неплохие пожертвования. На вопрос маленькой девочки, почему он такой худой (ведь Санта полный), преданный отвечает, что он вегетарианец.)

Я видел, как преданные теряли вдохновение в сознании Кришны: в нашем Движении важность совместного пения Святого Имени была сильно занижена, и в результате преданные не обретали вкуса к хари-нама-санкиртане.

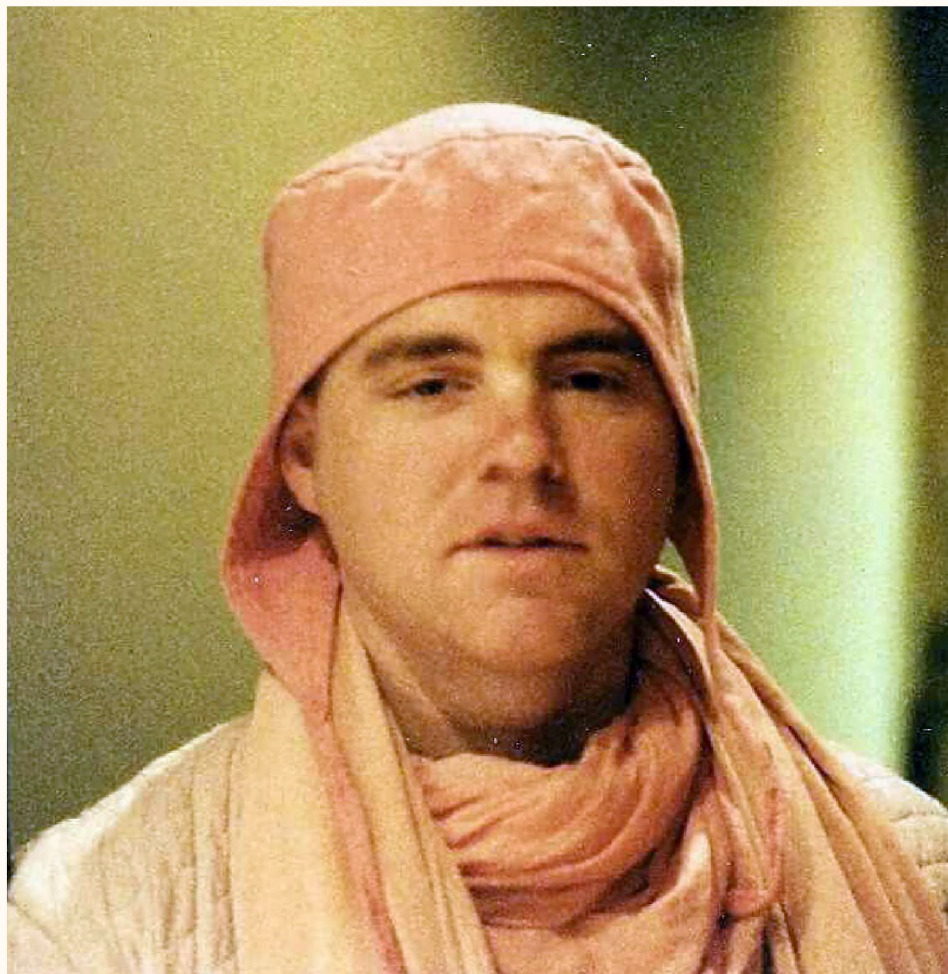
Он старался поддерживать друзей наставлениями, просил их искренне повторять Святые Имена на четках и петь киртан со всей возможной серьезностью.

Гарбходакашайи Вишну: Аиндра был духовно независим. У него было достаточно опыта общения с Прабхупадой, так что никто не мог спорить с ним. Он был абсолютно уверен: то, что он делает, санкционировано свыше. Он был выше любой политики. В то время, когда он создавал свою программу, руководители, сменяясь один за другим, всячески давили на преданных и толкали их в разные стороны, используя, скажем так, манипулятивные или эксплуататорские методы. Но посреди всего происходящего Аиндра был решительно настроен воплотить в жизнь идею передвижного храма санкиртаны.

Иногда он пропускал утреннюю программу, потому что не спал всю ночь. Его укоряли, но он не поддавался и объяснял, что санкиртана – это то, для чего он был рожден. Он жил на своей духовной волне, всегда сияющий и веселый, и никогда не боялся говорить то, что считал правильным. Он уважал только истинный духовный авторитет, материальный авторитет его не волновал. Он любил всех преданных и каждый хотел видеть его рядом. Его никогда никто не выгоняли, хотя он так свободно высказывал свои мысли.

Руководство храма часто посылало совсем молодых преданных к Аиндре, и он воспитывал их. Но позже их отправляли заниматься чем-то другим – тем, что приносило деньги.

– Если бы не Аиндра, – вспоминал Мурали Кришна, – Я бы, наверное, стал одним из тех, кто ушел, если бы он не показал мне, что на самом деле самое важное, что именно лежит в основе нашего движения – чистое воспевание Святого Имени.

Аиндра прабху, середина 80-х

Для меня он был духовным наставником: растолковывал, как воплощать учение Прабхупады на практике, и сам всегда показывал яркий тому пример. Он критически относился к происходившему в храме, но не хотел, чтобы я потерял веру и ушел. Я был новичком, поэтому он был очень осторожен в том, что и как мне говорить. Он укреплял мою веру в сознание Кришны и просил, чтобы я обязательно оставался с ним и продолжал киртан.

Пока мы ехали в фургоне, он проповедовал мне о движении санкиртаны и что киртан – это юга-дхарма. Остальные преданные занимались другими делами: кто-то распространял книги, служил в храме, но большинство, одетые в штаны, футболки и спрятавшись под париками, продавало наклейки. Аиндра только качал головой и говорил: «Чего действительно хотел Прабхупада – это хари-нама-санкиртаны. Вот чем нам нужно заниматься».

Он просто выходил на улицы с бритой головой, шикхой и тилакой, одетый в дхоти, и пел «Харе Кришна». Между ним и храмом возникали трения, но я был новичком, и он говорил мне только: «Меня никто не поддерживает».

В конце концов, эти духовные противоречия в отношениях с руководством стали для Аиндры невыносимыми. Мурали Кришна, Субала и Вишну Рага продолжали санкиртану в передвижном храме еще пять лет, но однажды вечером в декабре 1985 на Коламбас-серкл, удрученный нежеланием преданных участвовать в хари-нама-санкиртане, Аиндра сказал Рама Рае:

— Я уезжаю во Вриндаван, прабху, и на этот раз — насовсем. Шрила Прабхупада просил преданных петь круглосуточный киртан в Кришна-Баларама Мандире. Я буду продолжать свою санкиртану там.

Продолжение следует...